И.С.Розенталь

ПРОВОКАТОР

Роман Малиновский: судьба и время

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге исследуется одна из наиболее скандальных и загадочных страниц революционного движения в России. Судьба полицейского агента и видного большевика Р. В. Малиновского рассматривается на фоне важнейших событий XX века, в связи с представлениями современников о соотношении политики и нравственности. Выясняются причины распространения провокаторства, особенности психологии провокаторов, преемственность между царской охранкой и органами ВЧК. Книга основывается на ранее недоступных историкам архивных документах.

- И. С. Розенталь.
  - ВВЕДЕНИЕ
  - Глава I. ПРОВОКАТОРЫ
  - Глава 2. ПРЕДАТЕЛЬСТВО
  - Глава 3. ВОЗВЫШЕНИЕ
  - Глава 4. КАРЬЕРА
  - Глава 5. РАССЛЕДОВАНИЕ
  - Глава 6. РАСПЛАТА
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
  - ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
  - Об авторе
- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57

- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101

- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145

- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189

- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233

- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277

- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321

- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365

- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409

- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453

- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497

- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541

- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585

- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629

- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673

- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717

- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721

И. С. Розенталь. Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время.

ВВЕДЕНИЕ

Крушение коммунистических режимов в странах Центральной и Восточной Европы на рубеже 80-х — 90-х годов не могло не напомнить нечто подобное из российской истории — дни падения монархии в феврале — марте 1917 года. Не столько сутью того, что произошло, не столько даже конкретным разворотом событий — хотя и в том и в другом есть немало черт сходства — сколько атмосферой всеобщей эйфории и столь же, на первый взгляд, единодушного неприятия старых структур власти, казавшихся в тот момент обреченными на полное исчезновение.

В первую очередь это следует сказать о службах государственной безопасности. Чувства, с какими произносили и еще произносят их наименования — КГБ, «секуритате» (в Румынии) или «штази» (в Германии), мало чем отличаются от чувств, испытанных участниками Февральской революции, когда открылись тайны царской охранки. Каждый из политических переворотов давал выход ненависти к «спецслужбам», копившейся годами и десятилетиями.

И тогда и теперь некоторым эпизодам современники отводили роль событий-символов. Символичным представлялось в 1917 г. самоубийство знаменитого охранника С. В.Зубатова почти одновременно с разгромом разъяренной толпой его детища — Московского охранного отделения. В августе 1991 г. примерно таким же событием сочли свержение памятника «первому чекисту» Феликсу Дзержинскому на площади у здания КГБ в Москве. Не случайно в те же августовские дни возникли опасения за судьбу архивов КГБ: в 1917 г. немало документов погибло в пламени костров, пылавших возле полицейских учреждений. Наконец, нельзя считать абсолютно новой проблему обнародования имен агентов секретных служб, естественно, куда более болезненную и обоюдоострую в условиях разрушения тоталитарной системы, но и в 1917 г. имевшую существенные политические последствия.

Именно тогда, после Февральской революции, прозвучало едва ли не громче других имя Романа Малиновского. Выяснилось, что этот известный деятель рабочего движения и приближенный к В.И.Ленину член большевистского ЦК выполнял «по совместительству» обязанности секретного сотрудника московского охранного отделения и департамента полиции.

Еще недавно вопрос о том, заслуживает ли карьера продажного полицейского агента специального исследования, был бы без долгих рассуждений решен отрицательно — в лучшем

случае со ссылкой на директивные критерии отбора персоналий для популярной книжной серии «Жизнь замечательных людей». Правда, первоначальный, при создании этой серии в конце прошлого века, смысл слова «замечательный» был иным: подразумевались деятели заметные, но совсем не обязательно достойные подражания. Известны и биографии видных полицейских деятелей, например, Жозефа Футе. Не раз являлась предметом научного исследования и художественного изображения биография еще одного известнейшего провокатора — Е.Ф.Азефа — при том, что авторы книг о нем (П.Е.Щеголев, Б.И.Николаевский, М.А.Алданов) отнюдь не питали к своему герою симпатий.

Однако, сегодня, когда нет каких-либо ограничений на изображение, хотя бы и монографическое, такого рода деятелей, привычный взгляд на них ставится иногда под сомнение. Конъюнктурная переоценка нашего «непредсказуемого прошлого» коснулась и агентов царской охранки. Аргументация не отличается сложностью: коль скоро монархия была для России безусловным благом, ее защита — тоже благое дело, кем бы и в какой бы форме она не осуществлялась. Поэтому, например, демонизация личности Сталина уступает место не только новому идолопоклонству, для которого факты не имеют значения, но и снисходительности и даже оправданию предательства там, где речь идет о предположениях относительно сотрудничества Сталина в охранке: «…Если что и зачтется ему в «плюс» на Страшном суде, так это то, что он служил как мог законному правительству, если, разумеется, это действительно так»[1].

По сути дела это возвращение к попыткам установить, кому из двух хозяев провокатор приносил больше пользы. «Деловую» постановку вопроса, естественную для нанимателей агента, переняли их противники, например, говоря о Малиновском, Ленин и Крыленко. Во всех таких случаях налицо нравственный релятивизм, который должен изучаться как историческое явление, но взятый на вооружение самим историком лишь имитирует объективность, нисколько не приближая к истине.

Для нас смысл исследования «дела Малиновского» прежде всего в другом. Независимо от того, насколько значительную роль сыграл тот или иной исторический деятель, независимо от отношения к нему современников и потомков, невозможно изъять кого-либо из живой ткани сцепленных между собой событий, не рискуя исказить общую картину. Крупные события в истории представляют собой итог столкновения многих сил, взаимодействия различных устремлений. Как было давно подмечено, их равнодействующая неизбежно отличается от

замыслов отдельных субъектов такого взаимодействия. Деятельность охранки, скрытая от современников, являлась важной составляющей политического процесса в России, и чтобы понять, как в конечном итоге получилось «нечто такое, чего никто не хотел», нельзя пренебречь и биографией Романа Малиновского.

Долгое время она оставалась одним из многочисленных искусственно созданных «белых пятен» нашей истории, хотя и не совсем обычным: по шкале, установленной Сталиным, провокатор, в послужном списке которого значилась, между прочим, выдача полиции самого Сталина (что не совсем верно), стоял все же выше соперников диктатора — «врагов народа». В отличие от последних ему сохранили право на некое подобие жизнеописания: книга А. Е. Бадаева «Большевики в Государственной думе» с главой «Провокатор Роман Малиновский» издавалась при Сталине семь раз — случай в тогдашней издательской практике небывалый (восьмое издание вышло в 1954 г.).

Книга Бадаева оставляла без ответа множество вопросов. Это можно было бы объяснить тем, что сама профессия агента охранки предполагает тайну. Но умолчания и недомолвки в изложении дела Малиновского, часто вынужденные, вызывались совсем другими, чисто политическими причинами. Наступление «оттепели» и борьба с «культом личности» положения не изменили, хотя и оживили интерес к этой теме. Появившиеся в 60-е гг. очерки о Малиновском почти не содержали новых данных[2], а в справочниках оценочный момент, негативный, но выраженный в нарочито туманной форме, часто подавлял факты. В именном указателе собрания сочинений Лепина сообщалось, например, что Малиновский «в корыстных целях примкнул к рабочему движению» (из чего можно было заключить, что участие в забастовках и в профсоюзах открывало тогда возможность обогащения), а полномочия члена IV Государственной думы он сложил то ли по собственной воле «под угрозой разоблачения», то ли «с помощью Министерства внутренних дел», то ли «по требованию» того же министерства (три взаимоисключающие версии в трех томах одного издания)[3].

Впечатление загадочности создавалось прежде всего поразительным успехом Малиновского, проникшего на вершину партийной иерархии (успех этот сравним в таком смысле с карьерой Азефа), и тем, что обвинения, выдвигавшиеся против Малиновского, лидеры большевиков — в первую очередь Ленин — отвергали вплоть до Февральской революции. Чем объяснить это беспредельное доверие? Насколько весомы были имевшиеся

подозрения? И каковы были политические взгляды Малиновского? Ведь его называли в разное время большевиком, меньшевиком и даже предполагали, что он монархист. Кто он по происхождению — дворянин или крестьянин? Долго ли был рабочим и как рабочие к нему относились? Действительно ли он Малиновский или это чужая фамилия? Почему стал агентом охранки? Все эти вопросы оставались без внятных ответов.

Между тем дело Малиновского трижды подвергалось подробному разбирательству еще современниками: в 1914 г. в Поронине (Австро-Венгрия) партийной комиссией, образованной после того, как он неожиданно отказался от депутатских полномочий; в 1917 г. в Петрограде — Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства; в 1918 г. — Верховным революционным трибуналом при ВЦИК. Казалось бы, этого вполне достаточно, чтобы «закрыть» тему по крайней мере с фактической стороны. Но три документальных комплекса, образовавшиеся в результате этих расследований, в большей своей части не были доступны историкам, особенно первый и третий (отдельные их фрагменты, цитируемые А.Е.Бадаевым, в последних изданиях книги сокращались).

Доступные источники также не могли быть использованы полноценно. Нимб святости вокруг большевизма и Ленина препятствовал всестороннему изучению фактов. Представление об истории как о процессе неизменно поступательном не оставляло места для случайностей; поведение исторических деятелей объяснялось исключительно их социальным положением, без учета индивидуальных побуждений и чувств. Боязнь навлечь упреки в излишней (?)

драматизации событий приводила к голословным заявлениям о «считанном» количестве провокаторов, проникших в ряды якобы надежно от них защищенных большевиков[4]. Еще недавно утверждалось, что тема Малиновского исчерпана[5].

Труднее всего оказалось признать дело Малиновского частью истории революционного и рабочего движения. Забыта была даже та ограниченная трактовка, какую предложил, публикуя обвинительную речь на суде над Малиновским, Н.В.Крыленко, назвавший этот суд «развязкой одного из трагических эпизодов борьбы пролетариата»[6]. Стремление преодолеть стереотипы в освещении темы характерно для «перестроечной» популярной литературы и публицистики, но оно часто обесценивается легковесностью, искажениями фактов и домыслами[7], — вообще количество их в сочинениях о Малиновском необозримо.

Зарубежные специалисты по русской истории также нередко пытались восполнить отсутствие недоступного им

документального материала слабообоснованными предположениями. Вместе с тем, не будучи скованными внешними запретами, они верно указали на уникальность провокации в России начала XX века как политического и психологического явления и первыми включили эту тему в контекст исследования истоков тоталитарной системы в СССР[8]. Советскими историками относительно больше изучена связь провокаторства с правительственной политикой последних лет существования российской монархии. В настоящем исследовании, наряду с этим, рассматривается взаимосвязь провокаторства с развитием РСДРП и становлением большевизма, несущей опорой которого после прихода большевиков к власти стали ВЧК и учреждения — ее преемники.

Особого внимания заслуживает аспект этой темы, впервые в отечественной исторической литературе выделенный С.В.Тютюкиным и В.В.Шелохаевым на основе материалов расследований 1914 и 1918 гг. — соотношение политики и морали, политических целей и средств их достижения в практике большевиков[9]. Анализ перипетий дела Малиновского способствует лучшему пониманию особенностей российской политической культуры и революционной субкультуры, выяснению условий ее формирования. Биография рабочего — социал-демократа, ставшего провокатором, находится на пересечении истории «верхов» и «низов» общества, и рассматривая ее, нельзя не говорить об окружении Малиновского, о среде, в которой он вырос и жил, и еще шире — о его времени.

О специфике биографической литературы не раз высказывались писатели и историки. Для нашей темы представляет интерес мнение признанного мастера в этой области научно-художественного творчества Андре Моруа. Размышляя над особенностями эволюции биографического жанра, Моруа отмечал, что в XX веке лучше, чем в прошлом, понимают «сложность и переменчивость человеческой натуры»; биографу нужно видеть, продолжал он, что личность «состоит из ряда неоднородных личностей, которые временами сосуществуют в ней, а временами сменяют друг друга». Моруа ссылался на открытия великих русских писателей, в особенности Достоевского, на анализ Пруста и с некоторым сомнением — на Фрейда (нельзя все же умалять, полагал он, значение свободной воли человека, преувеличивая бессознательное). Признавая, что человеческая природа изменяется крайне медленно, он указывал на редкие периоды в истории человечества, когда за очень короткий срок в сознании происходят глубочайшие перевороты. Очевидно, таким периодом можно с полным правом считать и

«время Малиновского».

Не менее важно то, под каким углом зрения Моруа оценивал документальный фундамент биографического исследования: «Мы хотим, чтобы использовались все документы, если они помогают по-новому взглянуть на тему, и чтобы ни робость, ни восхищение, ни враждебность никогда не побуждали биографа пренебречь или обойти молчанием хотя бы один из этих документов», — таково обязательное условие привлекающей читателя подлинности биографии, хотя, добавлял Моруа, «возникает опасение — а не потонет ли личность в этой груде бумаг?»[10].

Книга основана на материалах всех трех документальных комплексов, о которых сказано выше. Материалы первого, партийного расследования дела Малиновского находятся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ, быв. ЦПА НМЛ при ЦК КПСС), второго и третьего — в Государственном архиве Российской федерации (ГАРФ, быв. ЦГАОР СССР). Теперь они в основном опубликованы. Часть материалов расследования 1917 г. вошла в семитомную публикацию «Падение царского режима», изданную под редакцией И.Е. Щеголева в 20-е тт.[11]. В 1992 г. издан сборник, в который вошли другие материалы этого расследования вместе с материалами следствия и суда 1918 г. и воспоминаниями, ранее публиковавшимися, но ставшими библиографической редкостью[12]. Наконец, в 1993 г. опубликованы материалы партийного расследования 1914 г., тщательно прокомментированные Ю.Н.Амиантовым и Л.Н.Тихоновой[13]. Сохраняет познавательную ценность сборник документов Московского охранного отделения «Большевики», составленный в 1918 г. М.А.Цявловским и в настоящее время дважды переизданный — с комментариями И.Е.Горелова в Москве и А. С.Серебренникова в Нью-Йорке[14]. Использованы и другие источники, архивные и опубликованные, в том числе единственные в своем роде по объему и характеру сведений, хотя и пе во всем точные воспоминания Г.Е.Зиновьева, также открытые лишь в последнее время[15].

При этом учитывалось, что свидетельским показаниям свойственны все достоинства и недостатки мемуаров. Так, далеко не каждый из свидетелей и авторов воспоминаний мог удержаться от соблазна представить себя более прозорливым в отношении Малиновского, чем другие. Тем более не приходится целиком полагаться на показания самого провокатора, к тому же не отличавшиеся постоянством. Сопоставив все имеющиеся данные, в том числе из документов, синхронных описываемым событиям, автор попытался прояснить наиболее запутанные

моменты этого дела, не скрывая, однако, от читателя невозможности и сегодня окончательно ответить на все возникающие вопросы.

Одним из первых импульсов к разработке данной темы явилось обсуждение доклада об источниках дела Малиновского, с которым автор книги выступал в 1967 г. в Московском историко-архивном институте, в кружке, руководимом С. О. Шмидтом; участникам этого обсуждения, а также В.А.Бессонову, А.Е.Иванову, В. Т.Логинову, З.И.Перегудовой, С.С.Урбанчику, В.В.Шелохаеву, оказавшим большую помощь в работе над книгой, автор выражает глубокую благодарность.

Глава I. ПРОВОКАТОРЫ

Вокруг меня ровесники стучат —
Один на всех и все на одного.

И. Губерман

В наше время слово «провокация», по-прежнему оставаясь зловещим, стало от частого употребления слишком привычным, восприятие его притупилось. Так было не всегда. Заимствованное при Петре I в Западной Европе, в широкий речевой обиход оно вошло в России лишь в начале XX века, в связи с деятельностью политической полиции, с запозданием отразив почти столетний ее опыт. Строго однозначной трактовки это понятие никогда не имело, но общее во всех предлагавшихся и бытовавших толкованиях заключалось в том, что они так или иначе были связаны с — центральной для исторических судеб России проблемой противостояния власти и общества (вопрос о провокации в ходе военных действий и в дипломатии мы оставляем в стороне).

Первый, не самый распространенный тогда вариант обвинения в провокации адресовался политике самодержавия в целом. Под таким углом зрения рассматривал, например, всю политическую историю России в XIX веке — от Александра I до Александра III — В.О.Ключевский. Правительство, записал он в апреле 1906 г. в дневнике, «вело чисто провокаторскую деятельность: оно давало обществу ровно столько свободы, сколько было нужно, чтобы вызвать в нем первые ее проявления, и потом накрывало и карало неосторожных простаков»; «общественное недовольство поддерживалось неполнотой реформ или недобросовестным, притворным их исполнением», и в результате даже открытая оппозиция загонялась в «подпольную крамолу»[16]. Царствование Николая II предоставило достаточно новых фактов в подтверждение такой характеристики.

Оговорки Ключевского относительно невольного провокаторства таких деятелей, как Сперанский или Александр IГ, не означает, что все это обобщение — не более, чем метафора. Мысль о виновности правительства в возникновении и развитии революционного движения входила существенной частью в идеологию русского либерализма, определяя сложное отношение либералов к действиям революционеров. Но Ключевский-ученый уловил при этом определенную закономерность, действовавшую даже раньше, чем со времен Александра I, на протяжении

нескольких столетий. Она объясняет циклический и вместе с тем кризисный характер развития России: взаимное провоцирование насилия сверху и снизу формировало механизм, который препятствовал преобразованию традиционного общества, консервируя устаревшие институты, вызывая антицивилизационные повороты в политике, способствуя распространению радикальных и экстремистских взглядов и настроений[17].

Использование историком для подкрепления своей мысли термина «провокация» говорило, между прочим, о его употребительности на уровне конкретном и бытовом. В то время, после 1905 г. он был в достаточной мере точен и на обобщающем уровне — в отличие от времен большевистского террора, когда власть, широко прибегая к провокации, стала произвольно употреблять этот термин в отношении своих реальных, потенциальных и мнимых политических противников, превратив его в пропагандистски-устрашающее клише. В этой трансформации отразилось различие между двумя политическими системами — авторитарной, которая медленно, с отступлениями и остановками эволюционировала в сторону конституционализма, и тоталитарным режимом. Различие не только власти, но и общества: в первом случае гражданское общество находилось в стадии формирования и, пробуждаясь, обнаруживало свою чувствительность к произволу и отступлению от нравственных норм в политике, для чего имелись и некоторые средства выражения; во втором общество было полностью подавлено, поглощено государством. Но как реликт тоталитаризма обвинение в провокации остается распространенным средством политической борьбы в посткоммунистической России.

Масштабы применения полицейской провокации находились в прямой зависимости от присутствия провокационных моментов в правительственной политике. В узком, полицейском смысле под провокацией понимались в начале XX века подстрекательские действия, исходящие от секретных сотрудников политической полиции (охранки), которые одновременно были членами антиправительственных организаций. Такие действия предпринимались по наущению руководителей охранки, поощрялись ими и даже проводились самостоятельно, когда охранники фабриковали фальшивые преступления из карьеристских побуждений или ради повышения веса полицейского ведомства в государстве (постольку самих охранников также называли провокаторами). Наконец, в обиходном словоупотреблении к провокатору нередко

приравнивался любой полицейский осведомитель.

Приемы провокации охранка успешно опробовала в борьбе с террором народовольцев. Особенно преуспел в этом жандармский подполковник Г.П.Судейкин, для которого, однако, дело кончилось трагически: он был убит революционером-провокатором Дегаевым. Эти приемы сохранились в арсенале охранки и с появлением новых субъектов революционного движения — партий эсеров и социал-демократов. В начале 90-х гг. их санкционировал министр внутренних дел В.К.Плеве. Насаждение для защиты государства провокационных методов совпало по времени с полосой кризиса абсолютной монархии, выход из которого ей не суждено было найти. Но этот кризис меньше всего напоминал паралич всех структурных звеньев государственной машины. Во всяком случае в полицейском аппарате дело обстояло противоположным образом.

Устройство, формы и методы деятельности центрального органа этой системы — департамента полиции с «особым» (политическим) отделом и подведомственными ему местными учреждениями — охранными отделениями и жандармскими управлениями — постоянно совершенствовались. Охранные отделения имелись в Петербурге, Москве и Варшаве, а также в Восточной Сибири и Туркестане. Жандармские управления, сотрудники которого были военнослужащими и входили в отдельный корпус жандармов, находились в 69 губерниях, 3 областях, 4 городах и 30 уездах; кроме того, существовали 32 железнодорожных жандармских управления. Наконец, при департаменте полиции состояла заграничная агентура с центром в Париже под крышей русского консульства — по договоренности с французским правительством и соответствующими французскими службами. Попытка создать средний этаж этой системы — несколько десятков районных (региональных) охранных отделений, подчинив им жандармские управления, была признана неудачной, и в июне 1913 г. районные охранные отделения были упразднены.

Расходы на содержание системы политического розыска постоянно росли. Особая забота проявлялась о повышении профессионального уровня кадров, чем обеспечивалось достаточно эффективное функционирование всего аппарата. При этом он оставался — по позднейшим меркам — не столь уж многочисленным: к 1913 г. штат департамента полиции насчитывал 600 человек. 12 тыс. (в том числе 1 тыс. генералов и офицеров) состояло в отдельном корпусе жандармов, к 1916 г. его численность достигла 16 тыс.[18].

В 1905 г. структуры политической полиции, противостоявшие

силам революции, впервые столкнулись с массовым антиправительственным движением, и тогда же была осознана необходимость коренной реорганизации полицейского аппарата (формально он действовал на основе временного положения, принятого еще и 1863 г.)[19]. Задуманные П.А.Столыпиным преобразования предполагали и соответствующую «потребности времени» реформу полиции. Осенью 1906 г. приступила к работе особая междуведомственная комиссия во главе с товарищем министра внутренних дел А.А.Макаровым, которой было поручено подготовить проекты необходимых преобразований.

С появлением Государственной думы и развитием независимой печати департамент полиции испытывал возрастающее давление общественности; все чаще публиковались разоблачительные материалы о провокаторах, вносились запросы в Думу по поводу действий охранки. Особенно большую роль сыграло издание журнала «Былое». По словам редактора журнала И.Е.Щеголева, извлекая материал «из сокровенных правительственных источников», Былое» явилось откровением не только для массового читателя, но и для революционеров и самих охранников[20].

На первый взгляд, это должно было бы ускорить проведение полицейской реформы. Замысел реформы не получил, однако, достаточной поддержки в правящих кругах. Большинство высших чинов полицейских учреждений не видело необходимости во всеобъемлющем правовом регулировании их деятельности, больше юго, воспринимало такое регулирование как помеху в борьбе с революционным движением.

Изменения коснулись лишь «технологии» розыска. Так, департамент полиции командировал нескольких чиновников по особым поручениям за границу для изучения научных приемов борьбы с преступностью. Впервые стала использоваться подслушивающая аппаратура, ее также доставили из-за границы[21]. Расширились масштабы перлюстрации переписки, из которой извлекались сведения, подвергавшиеся затем «разработке»; ежегодно перлюстрировалось 380 тыс. писем, из них делали в среднем 8—10 тыс. выписок[22]. Постоянно пополнялась и широко использовалась для политического розыска существовавшая при особом отделе департамента полиции библиотека революционных изданий[23].

В 1917 г. бывший директор департамента полиции С.П.Белецкий не без гордости заявлял, что при нем департамент полиции «эволюционировался; 9/10 служащих были люди с высшим образованием и в большинстве с практическим судебным стажем. Все, что было нового в подпольной прессе и на русском и

заграничном книжном рынке из области социальных вопросов, все выписывалось, переводилось, читалось, посылалось в форме ежемесячников розыскным органам; всякие сведения, даже личного свойства, касающиеся того или иного политически видного противника, мною принимались во внимание при обсуждении планов борьбы и т. д.»[24].

Высокие требования предъявлялись и жандармским офицерам, от которых требовали при поступлении в розыскные органы обширных знаний — по истории, географии, литературе, праву, политической экономики; по всем этим дисциплинам они должны были выдержать вступительные экзамены. Особо ценились знания по истории Великой французской революции — охранники видели в ней гипотетический сценарий революции российской. Полагалось знать программы революционных партий, быть знакомыми с историей свободомыслия в России, следить за революционной литературой. Все эти требования предъявлялись после предварительного отбора: обязательными условиями приема офицеров в жандармский корпус являлись потомственное дворянство, окончание военного училища по первому разряду и шестилетняя служба в общевойсковых частях; не допускались лица католического и тем более иудейского вероисповедания[25].

Повышению компетентности кадров служили также ревизионные поездки на места высших чинов департамента полиции. Наиболее знающим из них — «профессором», по определению Белецкого, был его ближайший помощник, вице-директор департамента С.Е.Виссарионов; он же председательствовал на впервые проведенном в 1912 г. съезде начальников сыскных отделений[26].

Как верно заметил Александр Блок, которому пришлось наблюдать с весьма близкого расстояния бывших служителей авгиевых конюшен царизма (как редактору стенографических отчетов Чрезвычайной следственной комиссии), «сыскное дело было отождествлено с государственным»[27]. Убийство Столыпина осенью 1911 г. знаменовало, по мнению Блока, переход управления страной в руки департамента полиции[28]. Если не понимать этих слов буквально, то бесспорно во всяком случае, что, отказываясь от проведения необходимых стране реформ, правящие круги делали ставку главным образом на карательно-полицейские средства, в том числе сугубо секретного характера. В этой политике сочетались традиции поощрения доносительства, идущие из средневековья и эпохи петровских реформ (когда царским распоряжением была даже упразднена тайна исповеди), и продуманная, ориентированная на европейские образцы

методика разложения враждебных власти сил. Первостепенное место в ней заняла провокация.

При вербовке и использовании секретных сотрудников руководителям полицейских служб надлежало руководствоваться совершенно секретной инструкцией по организации и ведению внутреннего (агентурного) наблюдения, разработанной впервые в недрах департамента полиции и утвержденной П.А.Столыпиным в 1907 г., а в 1912–1914 гг. переработанной. Она вобрала в себя как дореволюционный опыт, в частности, приемы, практиковавшиеся начальником московской охранки С.В.Зубатовым, так и опыт 1905–1907 гг.

Важным источником при составлении первой редакции инструкции явился опыт постановки этого дела полковником А.В.Герасимовым, возглавлявшим с 1905 по 1909 гг. Петербургское охранное отделение. Система Герасимова заключалась в сочетании репрессий с насаждением агентуры в руководящих органах революционных партий («центральной агентуры»). Поддержка П.А.Столыпина позволила Герасимову превратить на время столичную охранку в главный центр политического розыска, оттеснив на второй план департамент полиции. Б.И.Николаевский, детально изучивший в связи с делом Е.Ф.Азефа эту систему, справедливо заметил, что намерение посадить «под стеклянные колпаки» руководителей революционных организаций, заставив их действовать так, как угодно охранке, — настоящая полицейская утопия. Но никак нельзя сказать, что она оказалась вовсе безрезультатной, — «работу» Азефа высоко оценил Столыпин, и даже разоблачение провокатора имело для правительства положительную сторону, так как резко ослабило партию эсеров и дискредитировало тактику террора. Охранники сознательно шли на риск, и «утопия» эта была, как будет далее показано, не единственной.

Культивируя провокацию, Зубатов завещал своим преемникам особое к ней отношение; ему, как никому другому, было свойственно возвышен но-любовное видение этого рода полицейской деятельности. В одном из писем уже отставного охранника можно найти строки, способные вызвать изумление: «…Агентурный вопрос (шпионский — по терминологии других) для меня святее святых… Для меня сношения с агентурой — самое радостное и милое воспоминание. Больное и трудное это дело, но как же при этом оно и нежно»[29].

Инструкция перевела заветы Зубатова на язык строгих правил. Она объявляла единственным вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность о революционных и оппозиционных организациях агентуру из числа их членов:

«Секретного сотрудника, находящегося в революционной среде или другом обследуемом обществе, никто и ничто заменить не может». Приобретать такую агентуру предлагалось в возможно большем количестве. Постоянным «секретным сотрудникам», получающим ежемесячное жалование и, кроме того, поощряемым наградами за отдельные удачные «ликвидации», отдавалось предпочтение перед «штучниками», то есть осведомителями, не состоящими в организации и лишь соприкасающимися с ними, способными информировать эпизодически. От использования последних рекомендовалось не отказываться, но, как подчеркивалось в инструкции, относиться к их сведениям следует с большой осторожностью, так как иногда они провокаторские или «дутые»; «только постоянная агентура может относиться с интересом к делу розыска».

В каждой организации, указывала инструкция, необходимо иметь несколько секретных сотрудников, но таким образом, чтобы они не знали друг друга, и чтобы поступающие от них сведения подвергались перекрестной проверке. Секретным сотрудникам вменялось в обязанность стремиться занять видное положение в той или иной организации; в прямой зависимости от того, насколько это им удавалось, и от ценности поставляемых сведений находилось их вознаграждение. Показателем успешности действий агентуры считалось выяснение и уничтожение центров революционных организаций и полное прекращение «преступной работы» революционеров в данной местности или сфере деятельности, когда «совсем не будет ни типографий, ни бомб, ни складов литературы, ни агитации, ни пропаганды…»

Ввиду резко отрицательного отношения общественности к провокации, в новой редакции инструкции, введенной в действие в 1914 г., департамент полиции потребовал нс переходить «весьма гонкую черту», отделяющую «сотрудничество» как осведомительную деятельность от провокаторства. Конечно, принималась во внимание и опасность провокационных действий для тех, кто их допускал. Секретные сотрудники, говорилось в инструкции, ни в коем случае, не должны «сами создавать преступные деяния и подводить под ответственность за содеянное ими других лиц, игравших в этом деле второстепенные роли».

Инструкция не объясняла, однако, каким образом можно совместить это ограничение с обязанностью «не уклоняться от активной работы», необходимой «для сохранения своего положения в организации», и тем более «видного положения». Не устраняла этого противоречия и оговорка насчет того, что «на каждый отдельный случай» активной работы агент должен

испрашивать разрешение своего руководителя. На провокационные действия толкало секретных сотрудников и требование той же инструкции стремиться уничтожить центры революционных организаций не сразу после их обнаружения, а «в момент проявления ими наиболее интенсивной деятельности»[30] — это место инструкции находилось в безусловном противоречии с законом, который требовал от полиции предупреждать и пресекать преступления немедленно по их обнаружении.

Допрошенные в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства бывшие министры и руководители полицейских учреждений вначале пытались уверять, что использовали только осведомителей, принципиально противясь провокации. Они не были при этом оригинальны, такую позицию официально защищал П.А.Столыпин, когда 11 февраля 1909 г. в III Государственной думе обсуждался запрос об Е.Азефе: в качестве министра внутренних дел Столыпин взял его под защиту, отрицая факт провокаторства. Впоследствии подобным же образом изобразил свою и Азефа деятельность его руководитель А.В. Герасимов, заявивший, что «никогда не был обманут» Азефом, «а о провокации даже говорить не приходится».

В последнее время эта позиция Столыпина и Герасимова стала находить сторонников в профессиональной историографии. Американский историк А.Гейфман считает, что все прежние исследователи дела Азефа были предубеждены против царского правительства и потому некритически заимствовали у революционеров характерную для них терминологическую путаницу, необоснованно называя всякого полицейского агента провокатором[31]. Приняв точку зрения А.Гейфман, мы не вправе больше называть провокатором и Р. Малиновского, как и многих других агентов охранки. Отказ от историографической традиции требует, однако, большего, чем обращение к авторитетам в области права — сторонникам узкого толкования понятия «провокация». Заметим также, что апологетика в изучении истории неприемлема в такой же мере, как и предубежденность — и по отношению к высшим сановникам и по отношению к секретным агентам политической полиции.

Еще более упрощенным выглядит отечественный вариант той же точки зрения, когда дореволюционная Российская монархия изображается вполне сложившимся, чуть ли не идеальным правовым государством: «оппозиционеры» (то есть и радикалы и либералы), во всем подозревавшие «злокозненное» царское правительство, загипнотизировали русское общество словом «провокация»; между тем полицейские инструкции запрещали использовать аген-тов-провокаторов, требуя обращаться

исключительно к услугам агентов-осведомителей[32].

Что именно содержалось в инструкциях, показано выше; абсолютно запретительными они, конечно, не были. Подозрительности, разумеется, хватало с обеих сторон, что естественно: непримиримые противники не могли не скрывать друг от друга свои действия и намерения. Но чтобы судить, насколько обоснованными были подозрения «оппозиционеров», мало ознакомиться с инструкциями, необходимо рассмотреть практику их применения. В случае с Азефом А.Гейфман заново проанализировала известный ранее фактический материал и привела новые данные, но не сумела опровергнуть угвердившуюся оценку Азефа как провокатора и двойного агента. Очевидно, что и в других случаях необходимо конкретно рассматривать поведение каждого агента, чтобы убедиться, был ли он провокатором или же всего лишь «наблюдал и передавал информацию». Для историка суть проблемы не в том, чтобы во имя беспристрастия (безусловно необходимого) строго следовать юридическому смыслу термина «провокация», а в ответе на вопрос: возможно ли было в изучаемую эпоху, с учетом реальной эволюции режима, остаться только осведомителем, действуя в границах, предписанных департаментом полиции? Случайно или намеренно эти границы были и оставались столь нечеткими? Иными словами, случайно ли возникла «терминологическая путаница»?

Если обратиться к тем же показаниям руководителей полицейского ведомства, то почти все они в конце концов признали справедливость словоупотребления, закрепившегося в широком обиходе. С юридической точки зрения, заявил тогда А.В.Герасимов, участие агентуры в революционном движении было преступным, «но это была необходимость — необходимость, требуемая Министерством внутренних дел». Фактически согласились с тем, что провокация допускалась и поощрялась, С.П.Белецкий и С.Е.Виссарионов. Бывший министр внутренних дел А.А.Макаров, откровенно приравнивая политическую агентуру к «подонкам общества» (например, к скупщикам краденого, которые благодаря своим связям могут информировать полицию об уголовных преступлениях), признал, что деятельность секретных сотрудников была нечистоплотной «с нравственной стороны», но сам он якобы принимал все меры, «чтобы не было провокации»[33].

Бывший директор департамента полиции А.А.Лопухин, также имевший отношение к деятельности (и к разоблачению) Азефа, отметил, как и его коллеги, что без тайных осведомителей не может обойтись полиция ни в одной стране, но признал вместе с

тем, что «приближение секретных сотрудников к центрам организаций опасно в смысле возможности действий, носящих характер провокации»[34].

Особую ценность фактического порядка имеет целиком посвященная этой теме записка последнего начальника особого отдела департамента полиции И.П.Васильева «О провокационной деятельности некоторых розыскных деятелей», составленная им для Временного правительства и опубликованная в 1929 г. П.Е.Щеголевым. Васильев утверждал, что после удаления из департамента полиции «печальной памяти Зубатова и его присных» департамент «всемерно боролся с таким гнусным явлением». Он ссылался, в частности, на осудивший провокацию съезд представителей политического розыска, состоявшийся в ноябре-декабре 1912 г., на ряд циркуляров и указаний, но тут же признавал, что провокационные приемы имели «довольно широкое применение», о чем свидетельствует «громадный материал» в делах департамента. В явном противоречии с тезисом о борьбе с провокацией он писал также, что директора департамента полиции и товарищи министра внутренних дел, которым подчинялся департамент, то есть авторы тех же циркуляров и указаний, проявляли к фактам провокации «снисходительное отношение» и «молчаливое попустительство» (в отличие от зубатовского «явного покровительства»). Никто из тех, кто насаждал провокацию (А.В.Герасимов, М.С.Комиссаров, П.Г.Курлов, И.П.Заварзин, А.П.Мартынов и другие), не поплатился своей карьерой или хотя бы материально[35].

Правительство попыталось извлечь уроки из опыта первой революции и в других отношениях. События 1905–1907 гг. показали, что наибольшую опасность для устойчивости режима создает массовое рабочее движение. Поэтому подрывная агентура все более концентрировалась в РСДРП и в связанных преимущественно с нею легальных рабочих организациях, хотя и не в ущерб другим. Как объяснял Виссарионов, правительство «страшилось массовых забастовок» и видело конечный смысл насаждения агентуры в рабочих организациях в том, чтобы ослабить размах стачечной борьбы: «Если будет осведомленность о том, что в этих массах делается, то можно будет заблаговременно парализовать какие-либо выступления» и таким образом «предохранить существующий строй»[36].

Согласно последним подсчетам, в разных охранных отделениях и губернских жандармских управлениях работало в общей сложности около 2070 секретных сотрудников, дававших сведения о РСДРП, Социал-демократии Латышского края и Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Правда, в

провинциальных органах политического сыска их было значительно меньше, чем в столичных. Дело доходило до своеобразных приписок; чтобы избежать взысканий за нерадение от высшего начальства, на местах составлялись фиктивные списки секретных сотрудников[37]. Но в общем и целом распределение внутренней и наружной агентуры соответствовало географии рабочего движения, позволяя оперативно реагировать на действия, представлявшие опасность для царизма.

При этом департамент полиции не забывал и о других партиях. 19 января 1914 г. на заседании ЦК кадетской партии П.Н.Милюков доложил о сделанном ему предложении «известного разоблачителя политического провокаторства» (?) — указать за некоторое вознаграждение лицо, работающее в ЦК в качестве провокатора. Милюков гордо отказался, ответив, что «в кадетской партии, по существу лояльной и открытой, нет даже почвы для провокаторской деятельности»[38]. Но департамент полиции считал необходимым иметь агентуру и среди кадетов, хотя по сравнению с агентурой в рядах революционных партий она, как пояснял в 1917 г. С.П.Белецкий, была «очень слабая» — «только, чтобы знать, что делается»[39]. Иначе говоря, это были действительно только осведомители, не способные играть провокационную роль. В кадетском ЦК они, конечно, отсутствовали.

В явно неполном списке секретных сотрудников Петроградского охранного отделения (1913–1916 гг.) значились 22 сотрудника по партии анархистов-коммунистов, 24 — по социал-демократической партии, 5 — по кадетской партии и общественному движению, 17 — но высшим учебным заведениям и 50 — по эсерам и другим партийным организациям[40]. 70 секретных сотрудников насчитывалось в Московском охранном отделении, причем члены «Комиссии по обеспечению нового строя» в Москве, разбиравшие архивы охранного отделения, обнаружили несколько «обширных томов» с агентурными записками по кадетской партии[41]. Среди разоблаченных специалистов по освещению кадетских и околокадетских кругов были некоторые известные журналисты. Так, с 1910 г. работал на охранку сотрудник газеты «Русское слово» И.Я.Дриллих (агентурная кличка «Блондинка»). Он успешно, по мнению охранки, выполнил первое же данное ему задание: отправившись вскоре после смерти Льва Толстого в Ясную Поляну, составил записку о «сборищах» на его могиле (записку затребовал сам Столыпин)[42]. В дальнейшем Дриллих информировал о проходивших в Москве всероссийских общественных съездах, о политических консультациях либералов и социал-демократов на

совещаниях, созванных в 1914 г. по инициативе фабриканта-прогрессиста А.И.Коновалова. Но сопоставление донесений Дриллиха периода первой мировой войны с документами кадетской партии показало, что в угоду заказчикам информации он намеренно преувеличивал степень оппозиционности кадетов, нередко сообщая недостоверные и просто фантастические сведения[43].

«Очень слабая» агентура не позволяла охранке осуществлять перекрестную проверку таких сведений, как это часто делалось в отношении информации о революционных партиях. Антимонархическая послефевральская публицистика, напротив, склонна была преувеличивать возможности охранки и масштабы ее осведомительной деятельности. Один из публицистов утверждал, что «не было ни одной партии, ни одной фабрики, завода, ни одной организации, ни одного общества, союза, комитета, клуба, университета, института, не было даже ни одной редакции газеты, в которых среди членов и сотрудников не было бы по нескольку секретных сотрудников охранки»[44]. Автор этой характеристики невольно заглянул в будущее, но исказил положение дел в прошлом.

В 1914 г. все расходы на содержание секретных сотрудников, включая наградные, пособия и командировочные, превысили 600 тыс. руб. (из 15 млн. руб., выделявшихся на все нужды политического сыска)[45] — сумма значительная, но совершенно недостаточная для того, что бы содержать десятки и сотни тысяч агентов. Цифра 35–40 тысяч агентов («провокаторов») накануне Февральской революции также представляется завышенной, разве что если она включает в себя «штучников»[46]. Приводят еще одну, более скромную цифру — около 6,5 тыс. «провокаторов и других работников политического сыска», но без датировки[47].

Инструкция департамента полиции о внутренней агентуре определенно указывала, на кого можно рассчитывать при вербовке секретных сотрудников. «Каждое лицо, подающее надежду», предлагалось «расположить к себе», учитывая, что это дело «очень щекотливое и требует много терпения и осторожности». Пригодными же для вербовки считались «слабохарактерные, недостаточно убежденные революционеры, считающие себя обиженными в организации, склонные к легкой наживе и т. п.» Если предполагаемый агент не изменил коренным образом свои убеждения, то это не рассматривалось как препятствие — достаточно было того, что он убедился в бесполезности своей деятельности и готов ради денег предать товарищей. «Чистосердечные признания» служили показателем такой готовности; в этом случае допускалось «входить в

соглашение с допрашиваемым о незанесении таких показаний в протокол».

Чтобы «сберечь» секретных сотрудников, рекомендовалось исключить при общении с ними «всякую официальность и сухость, имея в виду, что их роль обыкновенно нравственно очень тяжела»; не арестовывать всех окружающих сотрудника лиц или арестовывать и его, освобождая затем вместе с «наименее вредными» — якобы по недостатку улик, во время ареста жалованье ему обязательно сохранялось или даже увеличивалось. Детально определялись средства психологического воздействия при вербовке агентуры: от вербовщика требовалось умение определить характер собеседника, подметить слабые и чувствительные его стороны, не проявлять «нервозности, часто ведущей к форсированию» и т. д. и т. п.[48]

Собственную инструкцию изготовили в Московском охранном отделении, имевшем богатый опыт по части использования провокаторов. Видимо, этим опытом было подсказано обоснование одного из требований — «отнюдь и никогда» не знакомить секретного сотрудника с организацией розыскного учреждения и личным его составом: — «…Отношения к сотруднику существуют лишь временно… многие из них, даже испытанные продолжительной службой по розыскному делу, вновь переходят в революционную среду». По той же причине руководитель секретного сотрудника предупреждался, что он должен опасаться «влияния на себя» этого сотрудника и даже «эксплуатации» с его стороны[49].

В основной инструкции департамента полиции также говорилось, что секретные сотрудники ни в коем случае не могут посвящаться в сведения, полученные от других сотрудников, и не должны знать друг друга — это может повлечь за собой провал обоих «и даже убийство одного из них». Конкретный опыт обобщался и там, где подчеркивалась необходимость «руководить сотрудниками, а не следовать слепо указаниям последних», не дать им оказывать давление на систему розыска, как это бывает, когда «выдающийся, интеллигентный и занимающий видное положение в партии» сотрудник стремится подчинить руководителя своему авторитету[50].

Инструкции прямо не затрагивали вопрос о социальных источниках и культурном уровне агентуры. Но этот вопрос занимал немаловажное место в практических соображениях руководителей политической полиции. По свидетельству начальника Московского охранного отделения А. П. Марты нова, «в более культурных слоях труднее было доставать осведомителей», что же касается социал-демократических

организаций, то «интеллигентная часть агентуры… обычно была в меньшевизме»[51].

Тот же вопрос, но с другой стороны волновал революционеров. Радикальная интеллигенция в России связывала духовное раскрепощение низов общества с сознательным участием их в революционном движении. Поражение первой революции столкнуло с фактами, противоречившими этой схеме. Провокаторство, отмечала в 1909 г. Инесса Арманд, стало массовым, провокаторами оказываются сплошь да рядом старые и давно известные работники. Чувство горечи вызывало у нее провокаторство «среди интеллигентных рабочих, у которых ведь в противовес личным интересам, несомненно, стоит осознанный классовый интерес. Эго было бы вполне объяснимо, если бы дело шло о немногих исключениях, но это явление широко распространенное. Некоторые здешние товарищи, — писала она, имея в виду Москву, — даже утверждали, что как раз среди интеллигентных рабочих это явление и всего больше распространено, хотя я и позволила себе в этом усомниться, но могла это сделать лишь теоретически, так как данных [у меня] слишком мало»[52].

Нельзя по-настоящему понять остроту возникшей коллизии, если не учесть, насколько велик был разрыв в уровне образованности между малочисленной в России интеллигенцией и преобладающей массой народа. Некоторое ускорение процессов демократизации культуры в начале века далеко не отвечало потребностям страны. В 1910–1911 гг. Россия занимала но числу учащихся на 100 человек населения 22-е место в Европе, по расходам на народное просвещение на одного жителя — 15-е[53].

Из признания культурной отсталости страны современники делали неодинаковые политические выводы — так же как из констатации определенных сдвигов в этой области. Изменения происходили прежде всего в культурном облике городского пролетариата. С конца 90-х гг. прошлого века стали говорить о «рабочей интеллигенции»; признавалось, что есть рабочие, которые «в своем социально-политическом развитии значительно превосходят типичного интеллигента с университетским образованием» или во всяком случае «по форме разговора, даже по языку… ничем почти не отличаются от наших интеллигентов». Особо отмечалось в духе российского понимания интеллигентности, что «выше среднего уровня у них жажда справедливости, чувство чести, готовность самопожертвования»[54]. Либералы надеялись, что наметившееся после 1905 г. устремление «от трибуны митингового оратора» «к кафедре лектора народного университета» смягчит классовые

противоречия[55]. В то же время на развитие этого слоя возлагали надежды как большевики, так и меньшевики, особенно после поражения первой революции, за которым последовало резкое сокращение численности РСДРП. Большевики считали, что рабочая интеллигенция заменит ушедших из партии представителей цензовой интеллигенции, меньшевики — что интеллектуально развитые рабочие обеспечат создание легальной социал-демократической партии по типу западно-европейских.

Но и «силы порядка» для осуществления своих целей нуждались именно в интеллигентных рабочих. Бытописатель рабочего класса А. К. Гастев, основываясь на своих петербургских впечатлениях, и подтверждая сообщение И.Арманд, писал, что не знает «безграмотных, невежественных провокаторов. Нет, это были пролетарские сливки» — активные участники революции: «они прошли горнило недавнего движения, они бывали в больших и малых «центрах», бывали на конференциях и съездах». Теперь же для них было характерно «сознание своего бессилия» и «моральное безразличие». Гастев выделял среди них два типа и соответственно два способа самооправдания. «Ты думаешь, люди не все одна сволочь? — заявляли одни. — И какая в сущности разница между нашим комитетом и участком? Тот же эгоизм. Еще там корректнее». Другие говорили, что от провокаторов бегут, как от зачумленных, между тем всюду в рабочей среде «рассеяны язвы большой и малой провокации»[56].

Что конкретно имелось в виду во втором случае? Речь шла прежде всего о восстановлении. расшатанного первой революцией старого фабрично-заводского уклада с характерной для него приниженностью рабочих и произволом администрации. В круг обязанностей привилегированного слоя, стоявшего над массой рабочих, но ниже инженерно-технического персонала, традиционно входили осведомительные функции: этого требовали от них и хозяева и полиция. Во время революции случалось, что мастера участвовали в забастовках, требуя освободить их от этих позорных, по общему мнению, обязанностей. Секретариат центрального бюро одесских профсоюзов заявил, что, если такие требования получат распространение, «рабочие будут видеть в мастере не шпиона или наушника, а старшего рабочего…»[57] Но поражение революции привело к тому, что и слой рангом ниже — подмастерья, которые раньше были «заодно с рабочими, считались сознательными, ходили на всякие собрания… теперь снова начальством стали, да еще хуже всякого другого»[58]. За деятельность, как говорили рабочие, «маленьких Азефов» дружкам и прихлебателям мастеров обеспечивались даже при невысокой квалификации повышенные

заработки и преимущественные условия труда[59].

В то же время новым в тактике капиталистов и также созвучным усилиям полицейского ведомства явилось стремление выдвинуть на эти низшие административные должности кой-кого из авторитетных профсоюзных активистов. Впрочем, обычно дело кончалось тем, что они лишались доверия рабочих и исключались из профсоюзов[60]. К этому нужно добавить многочисленные факты «падения нравов» в фабрично-заводских коллективах: рядовые рабочие, пытаясь замолить былые «грехи», занимались добровольным наушничеством, организовывали подношения начальству и т. д. Заурядным явлением стало штрейкбрехерство и просьбы к полиции защитить от стачечников[61]. Все это, наряду с материальной нуждой и неуверенностью в завтрашнем дне, создавало питательную почву для прямого сотрудничества с охранкой.

Итоговая характеристика «рабочей интеллигенции» в обзоре департамента полиции (1914 г.) свидетельствует о том, что в целом этот слой оценивался все же как враждебный правительству. Специалисты по рабочему вопросу из департамента считали, что «значение… рабочей интеллигенции громадно». Согласно их определению, она представляла собой «новый вид революционных вожаков» и состояла из «распропагандированных сознательных рабочих, получивших революционную подготовку в подпольных организациях и усовершенствовавшихся в тюрьмах и ссылках». Особую роль в ее формировании, говорилось далее, сыграли культурно-просветительные общества, они «выработали тип пропагандистов и агитаторов в виде рабочих-дискуссантов, рабочих-лекторов и рабочих-референтов», а цвет рабочей интеллигенции сосредоточен в профсоюзах, где ответственные должности занимают рабочие «с солидным революционным прошлым… разбирающиеся в политических и социальных вопросах…» Отсюда авторы обзора делали вывод, что одной из «самых неотступных задач розыска» является «дезорганизация» правлений профсоюзов и других легальных рабочих обществ путем арестов их руководителей[62]. Для этого использовался все тот же испытанный набор средств — от перлюстрации писем активистов легальных обществ до вербовки провокаторов.

Все сказанное позволяет сделать один вывод: механизм защиты власти в общем и целом действовал исправно. Правда, его верхушка погрязла в интригах, в подсиживании друг друга, ее интересы переплетались с интересами безответственной придворной камарильи. Тот же директор департамента полиции Белецкий являл собой пример типичного карьериста,

построившего свое продвижение по служебной лестнице на угодничестве и выполнении всякого рода щекотливых поручений — сначала Столыпина и его жены, а затем — царского фаворита Распутина[63]. Генерал В.Ф.Джунковский, с именем которого связана наиболее значительная попытка реформирования политической полиции, отдавал должное работоспособности Белецкого, но считал его совершенно несоответствующим занимаемому посту: «…Что он действительно делал превосходно, что выходило у него мастерски, так это втирание очков. Это у него было доведено до совершенства». О Виссарионове Джунковский писал, что тот «не имел никаких принципов, ничем не брезгал, был большой подхалим, а с подчиненными надменен»[64].

Полицейский аппарат работал в значительной мере инерционно, независимо от смены лиц в высшем его руководстве. Об этом свидетельствует принятая департаментом полиции стратегическая линия в отношении РСДРП. Она оставалась неизменной и при Белецком и после его увольнения.

Несмотря на широкую конкретную осведомленность о революционных партиях, в департаменте полиции не было полного единства в понимании их устремлений и реальной силы. Переоценивалась опасность кадетов, из социал-демократов Виссарионов считал более опасными большевиков[65], а Белецкий — меньшевиков, которые якобы всегда готовы идти на объединение с большевиками[66]. Такая перспектива признавалась более чем нежелательной, это подчеркивалось в ряде циркуляров департамента полиции. Очередной циркуляр, подписанный 16 сентября 1914 г. новым директором департамента В.А.Брюн де Сент-Ипполитом, требовал от начальников охранных отделений и жандармских управлений внушить подведомственным им секретным сотрудникам, «чтобы они, участвуя в разного рода партийных совещаниях, неуклонно, настойчиво проводили и убедительно отстаивали идею полной невозможности какого бы то ни было организационного слияния этих течений и в особенности объединения большевиков с меньшевиками»[67].

Понятная заинтересованность в раздроблении сил противника соединялась в этом руководящем документе политической полиции с преувеличением ее возможностей. В этом отдавали себе отчет и некоторые ее видные деятели. Начальнику Московского охранного отделения Мартынову циркуляр представлялся «недостаточно продуманным», а сама идея регулировать взаимоотношения большевиков и меньшевиков усилиями секретной агентуры — наивной утопией. Мартынов

понимал, что они регулируются «общим ходом жизни партии, да и самой страны, в ее политическом и экономическом отношении…»[68].

Тем не менее для воплощения замысла Белецкого предпринимались определенные усилия, подыскивались подходящие кандидаты. Одним из них и был Роман Малиновский, уже проявивший себя к тому времени в качестве секретного сотрудника московской охранки под началом того же Мартынова.

Глава 2. ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Вероятно, он прибегал к недозволенным методам, ведь во всех странах полицейская служба больше похожа на царскую охранку, чем нам хотелось бы думать.

Г. Честертон

Мало кто в Москве не знал серый двухэтажный дом в Большом Гнездниковском переулке. Принадлежал он учреждению таинственному — Московскому охранному отделению. Непроницаемо забеленные стекла и решетки на окнах первого этажа ограждали происходящее внутри от излишне любопытных взоров. После того, как во время декабрьского восстания 1905 года в помещение охранки эсеры бросили ночью из промчавшейся мимо пролетки две бомбы, спешно сооруженная защитная «рогатка» отделила дом от тротуара, ограничив и без того узкий проезд.

Современник, побывавший в этом здании вскоре после свержения монархии, рассказывал, как «с невольным трепетом» перешагнул порог ворот и со двора, через один из девяти подъездов поднялся па второй этаж, где находился кабинет начальника охранного отделения — большая комната с медвежьей шкурой на полу и письменным столом с «бессчисленными телефонами». Телефоны связывали охранку прежде всего с полицейскими участками. Оттуда вызывали на допрос арестованных (но имелась и своя тюремная камера). Связь поддерживалась также с «черным кабинетом» на московском почтамте — там перлюстрировались подозрительные письма, после чего копии поступали в охранку для «разработки».

И еще один элемент оформления кабинета бросался в глаза: стены его были увешаны схемами, диаграммами, графиками, начиная с генеалогического древа российского свободомыслия и кончая чертежами, составленными на основе дневников наружного наблюдения. Помимо того, что они служили «наглядными пособиями» для обучения сыскной науке, вид их должен был поразить допрашиваемых, подталкивая к мысли: стоит ли упорствовать, если властям столь многое уже известно? [69]

Роман Малиновский очутился здесь весной 1910 г. — через четыре года после события, которое, казалось, открывало перед

ним совсем другие пути.

30 апреля 1906 г. 2 тысячи петербургских рабочих-металлистов собрались в Народном доме графини Паниной, чтобы учредить свой профессиональный союз. Прошло две недели с момента подачи устава союза на регистрацию: согласно закону, это автоматически давало ему право действовать легально. Но 9 июля царь распустил I Государственную думу, столица была объявлена па положении чрезвычайной и усиленной охраны, все рабочие организации закрыты. Союз металлистов, однако, не только не распался, но и продолжал расти: накануне закрытия он насчитывал 9,5 тысяч членов, а в январе 1907 г. — 10,5. К маю удалось его заново легализовать.

До 1905 г. в России еще не было легальных профсоюзов, а в 1907 г. их действовало не менее 1150; 700 из них объединяли около 330 тыс. рабочих, и свыше 50 тыс. приходилось на столицу[70]. Самым крупным был союз металлистов, он ставил своей задачей «активное вмешательство во все проявления общественной жизни в целях развития классового сознания рабочих и укрепления классовой организации» — но с оговоркой: «поскольку это не грозит явной опасностью открытому существованию и единству союза»[71]. Здесь, как писали современники, была сосредоточена «соль» питерских рабочих[72].

Становление союза металлистов и укрепление его организационной структуры проходило при самом деятельном участии Романа Малиновского — с июля 1906 г. секретаря Петербургского районного отделения, с ноября — общегородского, а с мая 1907 г., после вторичной легализации, — секретаря центрального правления. Он охотно согласился занять эту нелегкую, но оплачиваемую должность. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что Малиновский входил в группу инициаторов создания союза, еще работая токарем на чугунолитейном, машиностроительном и арматурном заводе «Лангезипен», когда не было ни председателя правления, ни секретаря, ни платы за выполнение этих обязанностей.

Содержать «освобожденных» секретарей могли далеко не все профсоюзы того времени — материально немощные, преследуемые, организационно неокрепшие. Да и в союзе металлистов, самом многочисленном в столице и в стране, при 7,5 тыс. руб. в союзной кассе к концу 1907 г. в среднем приходилось 66 коп. на одного члена союза[73]. Малиновский получал за секретарство 40 руб. в месяц, из которых 10 руб. тратил на разъезды по делам организации. 17 мая 1908 г. он заявил на заседании правления, что «крайне стесненное материальное положение» заставляет его просить о прибавке

жалования. Часть членов правления высказалась в том духе, что следует установить предел оплаты должностных лиц, но просьба Малиновского была уважена (с тем, что это решение должно быть утверждено общим собранием), и он стал получать 50 руб.[74] Эта сумма и в дальнейшем, после Малиновского, оставалась наивысшей.

Отметим для сравнения, что заработок 11 % членов союза металлистов составлял тогда 60 руб. и выше, 39 % — от 40 до 60 и 50 % — менее 40[75], и это при том, что союз охватывал, как говорили тогда, «лучше поставленные слои» среди металлистов столицы, а питерские металлисты вообще превосходили по уровню заработной платы рабочих других районов и отраслей промышленности[76]. И еще одно свидетельство, чтобы покончить с вопросом, действительно ли Малиновский примкнул к рабочему движению «в корыстных целях». По словам большевика И.П.Гольденберга (Мешковского), Малиновский тогда «вел прямо полусобачье существование в какой-то каморке», но «отличался полным бескорыстием — через его руки проходили большие суммы, и никогда ничего не пропадало»[77]. Корысти материальной здесь бесспорно не было.

Выступая перед рабочими, он внушал им, что петербургский союз металлистов превратится в дальнейшем во всероссийский, что он принципиально отличается от формально тогда еще существовавшего общества, созданного Г.Гапоном, и так называемого смесовского союза, оторванных от общепролетарского движения (оба они сошли со сцены в 1907 г.). «Мы имеем полное основание рассчитывать на блестящее будущее нашего союза», — говорил Малиновский[78].

Будучи уже депутатом IV Государственной думы, Малиновский в одном из выступлений рассказал об этой организации, членом которой он был «в продолжение трех с половиной лет со дня [начала] ее существования». Если, говорил он, «российское профессиональное движение развивалось… в небольших размерах», то петербургский союз металлистов — «дело совершенно другое…тут мы имеем дело уже с организацией западно-европейского типа». И дальше бывший секретарь союза со знанием дела сообщил равнодушно внимавшему большинству депутатов о суммах выдававшихся союзом пособий, о расходах на культурные цели, о том, что в библиотеке союза было 5200 томов книг, об издании печатного органа союза металлистов (64 тыс. экземпляров!), о научных докладах и анкетных обследованиях, об оказываемой членам союза юридической и медицинской помощи. Он спрашивал: какие мотивы руководят семейным рабочим, имеющим «ничтожный

заработок» — 90 коп. в день, когда он платит 40 коп. профсоюзных взносов в месяц? — и отвечал: «Я думаю, что если бы я в сберегательную кассу вносил ежемесячно не 40 коп., а 50 коп., то не сделал бы того добра для своих детей, которое я сделаю, если буду укреплять рабочую организацию»[79].

Видимо, это прошлое, которому он уже изменил, было ему все еще дорого. Тогда он отдавал союзу металлистов все свои силы и способности. Никто не мог лучше, чем он, воодушевить, заинтересовать, втянуть в работу новых людей, действуя в нелегких условиях наступавшей реакции и апатии рабочих. Его выступления производили впечатление убежденностью, ораторским искусством и в то же время основательной подготовленностью, о чем бы он не говорил. Душой союза называл его историограф союза металлистов Ф.А.Булкин (Семенов), сам работавший в этой организации.

И он утверждал, что Малиновский «был мастер на интриги и склоку, но умел всегда прикрываться видимостью фракционных и идейных разногласий». Он вспоминал, как Малиновский кичился своим шляхетским происхождением и любил «разыгрывать начальство», а, с другой стороны, под видом защиты самодеятельности и идейной самостоятельности рабочих старался оттеснить от работы в союзе социал-демократов — интеллигентов[80]. Сходным образом действовал он в рабочем кооперативе «Трудовой союз»[81]. Да и сам Малиновский впоследствии не скрывал: отношения его с редакторами союзного журнала «Наумом» (А.М.Гинзбургом) и «Томским» (В.Л.Коппом) «все время были натянутые», но якобы на почве партийных разногласий (сам он тоже входил в редакцию)[82]. Но преобладало мнение о Малиновском как о человеке талантливом, энергичном, волевом и темпераментном, способном влиять на других.

А ревнивое, недоверчивое отношение к интеллигенции было свойственно не одному Малиновскому, грешил по этой части тот же Булкин. Рассказывая в книге о союзе металлистов о том, как Малиновский «вел травлю работавших в союзе интеллигентов», «он в то же время утверждает, что отстранение интеллигентов от союзной работы было явлением неизбежным, «рабочая интеллигенция» (к которой он причислял и себя) «естественно» должна была претендовать на полное руководство, так что Малиновский своими интригами только ускорял объективный процесс[83]. Для биографии Малиновского здесь важно то, что его поведение не воспринималось как из ряда вон выходящее и, вероятно, находило сочувствие-у рядовых членов союза металлистов.

В составе рабочих (социал-демократических) групп делегатов Малиновский принимал участие в трех легальных всероссийских съездах — в съезде обществ народных университетов в Петербурге в январе 1908 г., в кооперативном в апреле 1908 г. и в съезде фабрично-заводских врачей в апреле 1909 г. (оба последних съезда проходили в Москве). Профсоюзы и другие рабочие организации не имели права на какие-либо совместные акции в масштабе страны; организованное участие в такого рода съездах позволяло им отчасти возместить недостаток легальных контактов и широко заявить о своей позиции по общим для всех профессий вопросам рабочего движения.

На съезде фабрично-заводских врачей Малиновский — единственный из членов рабочей группы — выступил с двумя докладами: «Страхование от инвалидности и старости» и «Медицинская помощь на петербургских заводах». Тема первого доклада была животрепещущей: правительственные законопроекты, внесенные в Государственную думу, предусматривали страхование рабочих только от болезни и несчастных случаев. Как всегда, во всеоружии фактов Малиновский показал, что предприниматели и правительство безразличны к судьбе «изношенных на службе капитала рабочих». Он доказывал, что страховое дело следует передать в руки самих страхуемых, назвал бездоказательными утверждения, будто рабочие не справятся с этим делом, и закончил тем, что от «современного правительства» не приходится ожидать справедливой реформы страхования, ибо для этого необходимо изменить налоговую систему в ущерб имущим классам. Несколько раз он выступал также в прениях по другим докладам.

Выступления Малиновского были замечены. Теперь его знали не только в Петербурге — отчеты и статьи о съездах публиковались в газетах разных направлений[84].

Съезды позволили ему ближе познакомиться с видными большевиками — Виктором Ногиным («Макаром») и Николаем Скрыпником («Г.Ермолаевым»). Первый руководил подготовкой рабочих делегатов к кооперативному съезду и был арестован накануне его открытия. Скрыпник участвовал и в кооперативном съезде и в съезде фабрично-заводских врачей; кроме того, еще раньше они встречались в кооперативе «Трудовой союз». Но в петербургских делегациях съездов преобладали меньшевики, и, судя по всему, их мнение значило для Малиновского больше. Среди видных социал-демократов, с которыми ему приходилось в той или иной мере общаться, были также Д.Б.Рязанов, Л.Б.Каменев, П.Н.Колокольников, В.Гриневич, Г.Е.Зиновьев.

В годы реакции он впервые соприкоснулся с российским

«парламентом». По свидетельству И.П.Гольденберга — члена ЦК РСДРП, отвечавшего за помощь социал-демократической фракции III Государственной думы, Малиновский был деятельным членом образованной при фракции рабочей комиссии[85]. О ней он вспомнил, когда подобная же комиссия была создана в IV Думе: обращаясь к ее членам, он заметил, что старая комиссия в момент создания насчитывала 18 человек, а потом осталось всего лишь трое, и просил отнестись к делу серьезнее своих предшественников[86]. В другой речи — уже с думской трибуны он говорил, что ему приходилось неоднократно посещать заседания III Думы, слушать заявления председателя Совета министров и министров[87]. Как знать, быть может, еще тогда появилась у него честолюбивая мысль о депутатстве? Он ее, видимо, и не скрывал; когда выборы в новую Думу уже состоялись, один из петербургских товарищей П.Сицинский написал ему: «Доволен ли ты? Ведь исполнилась твоя заветная мечта. Ты так хотел быть депутатом»[88].

Что можно сказать о политических взглядах Малиновского в петербургский период его деятельности? Свидетельства современников на этот счет чрезвычайно разноречивы. В 1912 г., в связи с избранием Малиновского в Думу, ликвидаторская газета «Луч» напечатала его биографию. По убеждениям он большевик, говорилось в ней, но это не помешало ему выступить против своих единомышленников в 1908 г., когда они добивались представительства партии в профсоюзах, и на 1-м съезде фабрично-заводских врачей[89]. Меньшевик Булкин также утверждал, но много позже, что, работая в союзе металлистов, Малиновский тяготел к большевизму и под влиянием Михаила Калинина окончательно примкнул к этому течению; стремление проводить в союзе директивы Петербургского Комитета РСДРП было причиной его столкновений с председателем союза меньшевиком Александром Яцыневичем[90].

Однако нет данных, говорящих о том, что своим единомышленником безоговорочно признавали его сами большевики. Вот как объяснял свой отказ от должности помощника секретаря союза металлистов (то есть Малиновского) Александр Шотман: «…Если бы ты знал, — писал он в октябре 1908 г. товарищу в Одессу, — что можно делать и что делают в настоящее время в союзе, то не удивился бы моему уходу. Вся работа там в руках ме-ков, и хотя бе-ки могли бы их оттуда вытолкнуть, но в настоящих условиях бе-ки все равно ничего не могли бы сделать, поэтому все бе-ки ограничиваются простым участием в союзе в качестве простых членов. Кроме работы в союзе, идет настоящая наша работа, которая меня больше

интересует…»[91]. Но Малиновского та работа, которую Шотман называл «настоящей», — нелегальная, партийная работа — нисколько тогда не привлекала. Оставаясь вплоть до своего ареста 15 ноября 1909 г. секретарем союза, он не состоял членом каких-либо партийных комитетов, хотя кой-какую помощь — чисто техническую — Петербургскому комитету РСДРП оказывал (предоставлял квартиру для собраний, изготовлял печати для паспортов).

По свидетельству меньшевика Василия Чиркина, также работавшего в союзе металлистов, Малиновский был тесно связан с меньшевиками и крайне резко отзывался о большевиках[92].

А.М.Пирейко — единственный большевик, входивший в конце 1908 — начале 1909 гг. в Центральное бюро петербургских профсоюзов, называл Малиновского среди наиболее видных членов бюро-ликвидаторов, но относил его к «Болоту»[93]. По существу так же аттестовал его Г.Е. Зиновьев, избранный осенью 1907 г. вместе с Г.Д.Лейтейзеном (Линдовым) и М.П.Томским в состав комиссии Петербургского комитета РСДРП по работе в профсоюзах[94]. У Зиновьева (согласно его показаниям в Чрезвычайной следственной комиссии) сложилось впечатление, что Малиновский тогда был ближе к меньшевикам, чем к большевикам, но в общем стремился занимать нейтральную позицию между обеими фракциями; и на общественных съездах он защищал линию партии, но никогда не примыкал вплотную к большевикам[95].

В воспоминаниях советского времени Зиновьев оценивал тогдашнюю позицию Малиновского по-другому: как и Яцыневич, Малиновский держался большевиком, но не вмешивался в острую фракционную драку, «сознательно держался несколько в сторонке», «осторожничал», не участвуя ни в собраниях ПК, ни в партийных конференциях, которые были ареной борьбы между большевиками и меньшевиками. Такая позиция нравилась многим рабочим, «ибо примиренческие настроения были различны в воздухе». Зиновьев ссылался также на мнение М.П.Томского, Н.А.Скрыпника и И. П.Ногина, сообщавших ему, когда он уже перебрался за границу, что Малиновский «остался верен партии, но еще больше осторожничает»[96].

Так как же — «держался большевиком» или «был ближе к меньшевикам»? Если учесть, что воспоминания писались в начале 30-х гг., и Зиновьев, по его же словам, уже не помнил своих показаний в Чрезвычайной следственной комиссии, следует признать сказанное им раньше, в 1917 г. все же более точным. Бывало и так, что впечатление близости Малиновского к большевизму создавалось у рядовых членов союза (например, у

будущего депутата А.Е.Бадаева) единственно благодаря яркой форме его выступлений.

А сам Малиновский убеждал в 1918 г. судивших его членов Революционного трибунала в том, что был социал-демократом и большевиком «потому, что попал на этот поезд, попади я на другой — возможно, что с такой же быстротой мчался бы и в другую сторону». Проще всего увидеть в этих словах саморазоблачение изначально беспринципного авантюриста. Но ведь тут же он заявлял, что никак не мог быть черносотенцем, ибо был поляком, сыном ссыльного и «до глубины души презирал и ненавидел проклятый строй», что ликвидаторскую тактику не одобрял, об эсерах вообще не знал, зато большевизм привлекал его «своей чистой, простой и без колебаний тактикой, от него пахло потом рабочей рубахи»[97].

Видимо, для полной ясности нужно разобраться в том, что собой представлял в плане политическом тот «поезд», на который попал Малиновский, — российское профсоюзное движение, каковы были взгляды тех, с кем он постоянно общался, — профсоюзных активистов.

Допустив под натиском революции формальную легальность профсоюзов, правительство не дало им права защищать хотя бы экономические интересы рабочих. Буржуазные тенденции в политике царизма по рабочему вопросу так и не взяли верх над традиционной полицейски-охранительной линией. Давление «внешних условий» постоянно ставило стремившихся к профессиональному объединению рабочих перед выбором: отказаться от создания организаций, противостоящих так или иначе капиталистам и властям, или же, организуя профсоюзы на основе царского законодательства, выходить за рамки легальности, подвергаясь риску репрессий. Выросшие из бурного стачечного движения периода революции профсоюзы неизбежно приобретали в таком случае черты революционных организаций.

Первые же шаги профсоюзного движения показали, что в подавляющем большинстве профсоюзов преобладает социал-демократическое влияние. Это признавали все — и кадеты, пытавшиеся вначале крайне неудачно конкурировать с социал-демократами, и реакционеры, и, наконец, департамент полиции, усмотревший в массовых рабочих организациях новую опасность для существующего строя. Но при этом органы политического сыска на первых порах не различали в этих организациях большевиков и меньшевиков — и не столько из-за недостаточной осведомленности, сколько ввиду действительно не слишком глубокого размежевания среди рабочих-социал-демократов.

В составе профсоюзного актива, который, естественно, был

более политически дифференцирован, доля нефракционных социал-демократов тоже была значительной. Так, среди 29 участников Всероссийской конференции профсоюзов металлистов (апрель 1907 г.) оказалось 11 меньшевиков, 5 большевиков, 10 нефракционных социал-демократов[98]; среди 64 делегатов Всероссийской конференции печатников, проходившей в том же году, — 26 меньшевиков, 8 бундовцев, 4 большевика, 3 польских социал-демократа, 6 нефракционных, 5 сочувствующих РСДРП и 7 эсеров[99]. Из 12 московских профсоюзов, представленных на 1-м Всероссийском съезде фабрично-заводских врачей (1–6 апреля 1909 г.), 6 профсоюзов представляли делегаты-большевики, 3 — большевики и меньшевики-партийцы, 1 — меньшевики, 2 — меньшевики-партийцы и социал-демократы с невыясненной фракционной принадлежностью. Из 7 петербургских профсоюзов 3 были представлены большевиками, 1 — меньшевиками и 3, в том числе союз металлистов, — нефракционными социал-демократами, одним из которых был Малиновский[100].

Численность рабочих организаций сократилась, но «организованность» тех, кто оставался в их рядах, предполагала «сознательность», а сознательность понималась социал-демократами как революционность. В условиях упадка рабочего движения она выражалась прежде всего в стремлении сохранить революционные традиции, не дать изгладиться из памяти рабочих событиям «первого натиска бури». Как вспоминали члены кружка петербургских рабочих-большевиков (входивших и в союз металлистов — среди них были А.В.Шотман, И.Г.Правдин, М.И.Калипин, С.В.Малышев и другие, хорошо знавшие Малиновского), они «очень часто сходились и беседовали о былом…» и в то же время «строили планы на будущее»[101]. А.К.Гастев — в годы реакции член правления союза — записал типичный для того периода разговор профсоюзных активистов: «Скоро ли кончатся эти ночи, и мы снова заговорим по-октябрьски? (то-есть так, как в дни всероссийской октябрьской стачки 1905 г. — ***И.Р.***)…Неужели годами, неужели десятками лет тянуться будет эта жизнь? После мучительной работы спать, как брошенная колода. Завтра вставать, чтобы опять гнуть спину господину капиталу… После дневной каторги разве способны мы «развивать свое пролетарское сознание»?»

Их не удовлетворяла поэтому и роль, какую они играли в профсоюзе, где, несмотря на демократические процедуры обсуждения, часто принимались решения, предлагаемые советниками из интеллигенции, — как выразился не слишком дружелюбно один рабочий, — «особым сословием вершителей наших судеб», подобно тому, как раньше «специалисты-

революционеры ковали наше революционное сознание». И чувствуя «предел своего развития» при существующем строе, они видели единственный выход в новой революции[102].

Такое умонастроение должно было быть близко Малиновскому. Оно не вытекало из идейных основ какого-то одного социалистического течения. Во всех составах правления союза металлистов (до первой победы большевиков в апреле 1913 г.) имелись, наряду с большевиками, меньшевиками и эсерами, в большом количестве нефракционные социал-демократы и беспартийные[103]. Примем во внимание, что далеко не всегда такой состав отражал политические симпатии в низах. Предпочтение тому или иному кандидату отдавалось не столько в результате сопоставления политических взглядов, сколько по тому, как проявил себя кандидат в профсоюзной работе; поглощенность этой работой почти наверняка обеспечивала поддержку[104], а Малиновский, как мы видели, был действительно ею почти целиком поглощен.

С другой стороны, многие профсоюзные активисты из нефракционных намеренно сторонились острых политических вопросов и не хотели вникать в существо полемики, бушевавшей на страницах заграничных социал-демократических изданий. Этим изданиям они противопоставляли газеты и журналы, издававшиеся в России — пусть принадлежавшие разным направлениям, но пока что обходившиеся без полемических излишеств.

5 февраля 1912 года один из работников петербургского союза металлистов (по собственному определению, «меньшевик-объединенец») писал ссыльному товарищу: «От общепартийной жизни я почти оторван. Работаю только в союзе по металлу, да при газетах «Звезда» и «Живое дело». «Нашей» литературы не встречали уже три года. Да и зачем она нам? У нас есть «Звезда», «Живое дело», «Металлист». Указок ленинского и проч. пошиба нам не надо. Заграничных рацей нс перевариваем мы теперь. Ленин, Плеханов постолько хороши, поскольку они действуют в области политической экономии, философии» (поясним, что «Звезду» издавали в Петербурге большевики, а «Живое дело» — меньшевики; редактировавший «Живое дело» Константин Ермолаев в письме своему другу Петру Гарви подтверждал: «Звезду» распространяют те же лица, что и «Живое дело»). «… Дрязги надоели, — продолжал тот же рабочий-металлист. — Ленин украл несколько тысяч из кассы Центрального комитета, Мартов и другие не хотят того-то, и т. д. Поди разбирайся в той сутолоке, которую заварили…»[105]. Так рассуждали не только меньшевики; даже некоторые ленинцы — делегаты Пражской

конференции говорили, отмечая непопулярность заграничной газеты «Социал-демократ», что она «пишется только для интеллигенции», а рабочим «понятно лишь одно — очень сильно ругаются»[106].

Таким образом, межеумочный, как говорили встарь, строй взглядов секретаря столичного союза металлистов не был чем-то исключительным в той среде, в которой он вращался. Примиренческие настроения действительно были «разлиты в воздухе».

На 28 декабря 1909 г. было назначено открытие в Петербурге еще одного широкого форума с участием рабочих — Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. К съезду готовились профсоюзы, культурно-просветительные общества, социал-демократическая фракция III Государственной думы. Рабочие организации избрали на съезд до 40 делегатов и среди них Малиновского, но 15 ноября он был арестован вместе с другими участниками нелегального собрания, на котором предполагалось обсудить представляемые на съезд доклады.

Участвовать в съезде ему не довелось. После двухмесячной отсидки в доме предварительного заключения и запрещения жительства в Петербурге он вынужден был в феврале 1910 г. перебраться в Москву. Правление союза металлистов помогло ему материально, собрали деньги и рабочие. Когда он зашел перед отъездом в помещение союза, его встретили аплодисментами.

Снова пришлось вспомнить токарное ремесло, почти забытое за три года секретарства (сначала он поступил на завод Штолле за Бутырской заставой, потом перешел с помощью Г.М.Кржижановского в Сокольнический трамвайный парк)[107]. Москва не сулила ему прежних возможностей и масштабов общественной деятельности. Слабые профсоюзы объединяли здесь небольшое число рабочих, профсоюз металлистов был закрыт еще в июле 1907 г. Кроме попыток поддержать существование уцелевших профсоюзов, работа местных социал-демократов распространялась на кооперативы и культурно-просветительные общества, также крайне малочисленные. Преобладали среди московских рабочих тесно связанные с деревней текстильщики. Реакция здесь казалась особенно безысходной.

Единственной отдушиной была возможность пополнить знания. Он запомнил лестные спора, сказанные ему в Петербурге социал-демократкой Кувшинской, — «Товарищ Роман, учитесь, Ваше будущее впереди», и теперь поступил на вечерние курсы по истории в недавно открытом народном университете имени Шанявского и на курсы по кооперации. Здесь он познакомился со

многими социал-демократами-москвичами, в том числе с Валерианом Плетневым.

Один из сторонников ликвидаторства как-то бросил фразу: «Рабочим в подполье невмоготу!» Настроение Малиновского эта фраза выражала как нельзя лучше. Не потому, что он был убежденным ♦ликвидатором», а просто в силу особенностей личного, преимущественно легального опыта. С легальностью связывал он и свои честолюбивые устремления, заторможенные высылкой из столицы.

А тем временем РСДРП раздиралась противоречиями. Большевики-ленинцы порвали со своими недавними единомышленниками — «отзовистами», те, кого называли ликвидаторами, ратовали за легальную партию, появились группы меньшевиков-партийцев и большевиков-примиренцев. Возможно ли снова их объединить на базе общих целей, единой тактики? На этот счет также не было единого мнения — даже среди большевиков. Ясно было одно: партия, выступающая от имени рабочих, но не умеющая сохранить и расширить связи с рабочими, обречена. Где бы ни находились зарекомендовавшие уже себя на общественном поприще рабочие, они были теперь в особой цене.

Начало 1910 г. ознаменовалось последней попыткой враждующих социал-демократических фракций найти путь к примирению. В Париже состоялся январский (объединительный) пленум ЦК РСДРП. Во исполнение его решений в Россию направился опытный большевик-подпольщик Ногин, которому было поручено сформировать Русскую коллегию ЦК — практический центр, способный наладить революционную работу во всероссийском масштабе и имеющий право кооптации (поскольку сознавалась неизбежность арестов).

Ногин надеялся на трех меньшевиков-петербуржцев, избранных в ЦК еще в 1907 г., на Лондонском съезде, — К.М.Ермолаева, П.А.Гарви и И.А.Исува, но они категорически отказались войти в состав Русской коллегии, заявив, что считают вредным само существование нелегального ЦК. Вмешательство такой коллегии в процесс естественного рождения новой, открытой партии было бы подобно, по их мнению, вырыванию плода из чрева матери на втором месяце беременности.

Неудача не обескуражила Ногина. Продолжая поиск подходящих «практиков», он побывал в Петербурге, Иваново-Вознесенске, Баку. В Москве он установил связь с председателем центрального бюро московских профсоюзов большевиком М.И.Фрумкиным и с меньшевиком-партийцем В.П.Милютиным. Январский пленум единодушно высказался за введение в ЦК

рабочих и, как вспоминал Фрумкин, «обсуждая кандидатуру рабочего в ЦК, мы не могли найти более яркой фигуры, чем Малиновский. Он, правда, часто колебался в сторону меньшевиков, но мы считали эти колебания присущими легальной работе профсоюзов, рассчитывая, что активное вступление в руководящую политическую работу выпрямит зигзаги прошлого»[108]. Имя Малиновского назвал Ногину перед его отъездом из Парижа и Зиновьев, одобрил эту кандидатуру приехавший позднее в Москву член ЦК И.Ф. Дубровинский. Вероятно, и самому Ногину, когда-то рабочему, а ныне профессиональному революционеру, неотличимому уже от партийцев-интеллигентов, задача приобщения к цекистской деятельности передовых пролетариев представлялась чрезвычайно важной.

В апреле — мае 1910 г. Ногии несколько раз встречался с Малиновским и его товарищем Саввой Шевченко, также высланным из Петербурга (они жили в одной квартире). Чтобы присмотреться к ним и убедиться, способны ли они вести нелегальную работу, Ногин поручил им организовать в Ярославле типографию ЦК для печатания листовок. Малиновский занимался закупкой шрифта и бумаги, в Ярославль выезжал Шевченко. Для решения вопроса о составе Русской коллегии Ногин вместе с Дубровинским, Милютиным, Малиновским и Шевченко дважды проводили нелегальные совещания — в Петровском парке и на Воробьевых горах. Примечательно, однако, что прямое предложение стать членом ЦК Малиновского не обрадовало, вероятно, он не считал его высокой для себя честью. По словам Ногина, он «ломался и как-то нс давал определенного ответа», выражая готовность быть лишь «подсобным работником». В конце концов он все же согласился и даже бросил работу на заводе, рассчитывая на жалованье из партийной кассы. Предполагалось, что вскоре он отправится с партийными поручениями на Урал[109].

Оформить кооптацию не успели: 12 и 13 мая полиция арестовала несколько десятков московских социал-демократов, в том числе всех участников совещаний, кроме Дубровинского, арестованного позже. Некоторые подробности о пребывании Ногина под арестом в Мясницком полицейском доме сообщает (видимо, со слов Ногина) Фрумкин. В смежной с Ногиным камере оказался Малиновский, он тут же стал спрашивать в форточку фамилию соседа и, услышав — Ногин, — радостно закричал: «Я вас знаю, я встречался с вами в Петербурге, интересуясь вопросами страхования!» Возмущенный Ногин возразил: «Я вас не знаю, вы что-то путаете…»[110]. Отдельные детали рассказа

сомнительны (например, зачем было Ногину называть настоящую свою фамилию, раз он проживал по чужому паспорту, Малиновский же знал его как «Макара»), но время и место «встречи», проверяемые документально, свидетельствуют в пользу самого факта. Конечно, истолковать его можно и как всего лишь неконспиративность Малиновского, вследствие неопытности в нелегальных делах.

Так или иначе, но Ногина продержали в заключении четыре месяца и снова отправили в Сибирь, тогда как Малиновского и еще трех заключенных освободили через десять дней. Телеграмма смотрителю полицейского дома, подписанная 23 мая жандармским ротмистром В.Г.Ивановым, гласила: «Немедленно освободить из-под стражи…»[111].

Малиновский объяснил столь быстрое свое освобождение тем, что правительство, как ему сказали в охранке, ничего не имеет против работы в профсоюзах, а в революционных партиях он дал честное слово не участвовать[112]. Было и это отчасти похоже на правду: Малиновского сопровождала репутация «чистого профессионалиста». Но, с другой стороны, пе в обычаях социал-демократов было давать подобные обязательства охранке…

Что же произошло на самом деле? На следствии и на суде в 1918 г. Малиновский показал, что после московского ареста его допрашивали в охранном отделении три раза. Инкриминировалась ему организация типографии в Ярославле, за это полагалась суровая кара — до 12 лет каторги. Ротмистр Иванов, заведовавший социал-демократическим отделом охранного отделения, склонил его к сотрудничеству, пообещав в этом случае прекратить дело; боязнь каторги, необеспеченность жены и детей вынудили его согласиться, хотя и не сразу. Иванов не преминул заявить о приверженности правительства прогрессу — но «все это нужно медленно». Вместе с тем он убедил его в том, что партия опутана сетями провокации в такой степени, что невозможно разобрать, кто провокатор, а кто честный человек; руководители партии, внушал он Малиновскому, это группа предателей, при помощи которых охранка вылавливает «бунтующий рабочий элемент». В доказательство осведомленности охранки Иванов воспроизвел слова Малиновского, рассказал о его последних встречах и показал фотографии, на одной из которых он был снят вместе с Ногиным в Петровском парке. Одна подробность его сразила: он и Ногин ели простоквашу — и это запечатлел фотограф из охранки… В итоге он поверил Иванову: «…Я увидел, что это правда, что кругом ложь и продажа».

Не соглашался он сначала «не потому, что почувствовал отвращение к этому предложению, я этого не переживал, — объяснял Малиновский, — а просто я не хотел потому, что я не видел возможности справиться с той двойственной ролью, которую я должен был нести». «Решающим моментом», по его словам, явилась угроза открыть его уголовное прошлое. «Тут уже для меня вопрос был решен совершенно, тут уже я не колебался ни в чем, ни вопроса об угрызении совести у меня не было, у меня был только страх перед тем, что меня разоблачат…»[113].

Иванов употребил, таким образом, хорошо отработанные методы, предусмотренные инструкциями департамента полиции и московской охранки; Малиновский сравнивал впоследствии жандармского ротмистра с «пауком» и даже с «сатаной», хотя ему вовсе не пришлось, как живописует этот эпизод историк В.Жухрай, сидеть несколько дней на цементном полу в сырой и темной камере без кровати, нар и стула, где его «фактически не кормили», — ничего этого не было. Малиновский никогда не связывал свое предательство с условиями заключения, а бывший вице-директор департамента полиции С.Е. Виссарионов, выступавший на суде в 1918 г. в качестве свидетеля, подтвердил: Малиновский был вовлечен в провокаторство обычными приемами — арестом и предложением служить в охранке, чтобы избавиться от наказания[114].

Еще более существенны показания Иванова (в 1917 г.), из которых видно, что роль Малиновского была не такой уж страдательной: он сам заявил о желании откровенно переговорить с начальником охранки полковником П.П.Заварзиным, и после этого разговора Заварзин сообщил Иванову, что Малиновский дал согласие стать секретным сотрудником. Заварзину, написавшему в эмиграции воспоминания о своей деятельности, тоже запомнилось, что Малиновскому не сделали сразу прямого предложения сотрудничать, но дали понять, что не считают его убежденным революционером. Разговор с Заварзиным был продолжительным — «до утра», Малиновский долго «молчал и размышлял», и оказалось, что «настроение его учтено верно»[115].

Документы дела Московского охранного отделения «О дворянине Р. В.Малиновском» выстраивают события в такой последовательности: 13 мая — задержание его в Петровском парке; 14 мая — обыск на квартире в доме № 9 на Пресненской улице, не обнаруживший «ничего преступного»; в тот же день — допрос, результатом которого явились собственноручные показания Малиновского, заявившего, между прочим, что ни к каким противоправительственным организациям он не

принадлежал и не принадлежит, а из лиц на предъявленных фотокарточках знает одного Шевченко[116]. Никаких следов вопроса о типографии в Ярославле здесь нет. Нет и записи о беседе с Заварзиным. Дело о типографии было, таким образом, закрыто, сделка состоялась: показательно и то, что одновременно с Малиновским освободили Шевченко.

Без сведений о типографии трудно, однако, судить, насколько реальной была угроза каторги, которой Малиновский оправдывал свое предательство. Что же касается «решающего момента», то далее мы увидим, что этот момент допроса он придумал в 1918 г., когда его судили, а в 1910 г., в охранке, о его уголовном прошлом не было и речи. Но, чтобы приблизиться к пониманию причин его падения, нужно обратиться и к этой странице его биографии, закрытой от тех, кто окружал Малиновского в Петербурге и в Москве.

На следующий день после ареста Малиновского в охранном отделении заполнили антропометрическую карточку для последующего опознания арестованного. Она сохранилась, и можно сравнить ее со словесными зарисовками современников. Судя по их воспоминаниям, при первом знакомстве Малиновский отталкивал всем своим видом и повадками. Доля истины в этом есть и значительная, но есть и обычный для мемуаров элемент домысливания в свете того, что стало известно впоследствии. А.А.Трояновский, например, утверждал, что выражение глаз Малиновского напомнило ему палача, с которым он ехал в одном вагоне на поселение в Сибирь, — из чего он сразу же сделал вывод: Малиновский — «человек, способный на все»[117]. Н.К.Крупской тоже его глаза в первую минуту показались «какими-то неприятными», не понравилась «деланная развязность» (так написано в воспоминаниях, но в более ранних показаниях Крупской Чрезвычайной следственной комиссии, где также описывается первая ее встреча с Малиновским, этого нет, напротив, она заявила, что Малиновский вначале произвел на нее, как и на мужа, «хорошее впечатление»[118].

Карточка из московской охранки имеет то преимущество, что она бесстрастна. На ней, как полагалось, наклеены три фотографии — в профиль, в фас и во весь рост («в том самом головном уборе, верхнем платье и обуви, в которых был задержан»). Кепка, демисезонное пальто, под пиджаком темная косоворотка — самое обычное, будничное обличье российского мастерового начала века. Приметы, записанные рукой полицейского чиновника: рыжие волосы с проседью, светлорыжая борода, бледное, рябое лицо, худая шея, узкие плечи, скорая походка, природный язык — русский, без иностранного акцента

(по другим свидетельствам акцент был). Указана кличка филерского наблюдения — «Приятель»[119].

Сохранилась еще одна фотография, на обороте ее написано: «Роман Малиновский, 18 мая 1892 г. Привлечен к дознанию по 251 статье уложения»[120]. Очевидно, указана дата фотографирования, а не привлечения к дознанию. В изданной Министерством юстиции ведомости справок о судимости за 1899 г. есть запись о том, что приговором Плоцкого окружного суда он был осужден к тюремному заключению на два с половиной года за третью по счету кражу со взломом из обитаемого строения и отбыл наказание в 1902 г. Есть еще сводный алфавитный указатель справок о судимости, из которого явствует, что первые две кражи он совершил в 1897 и 1898 гг.[121]

Кроме этих документов, мы можем опираться только на признания самого Малиновского. Родился он 18 марта 1877 г. (а не в 1878 г., как сказано во всех справочниках), в обедневшей многодетной шляхетской семье. Дед Малиновского был состоятельным человеком, тайным советником. За причастность к восстанию 1863 г. два его сына были сосланы в Иркутск. Третьего сына, отца Малиновского, тоже выслали — на Волгу, откуда он возвратился через семь лет и, так как имения, принадлежавшие семье, были конфискованы, поступил на службу управляющим чужим имением, затем был заведующим сахарным заводом в Блонском уезде Варшавской губернии, где и умер (подозревали отравление), оставив шестерых детей.

Роману — третьему ребенку в семье — было тогда восемь лет. Семья жила в деревне Крубицы под Плоцком. В 1891 г. умерла мать, и он остался круглым сиротой. Старшая сестра определила его учеником в книжный магазин в Плоцке, но там ему не понравилось, и в 1892 или в 1893 г. он был отдан на попечение мужу тетки (сестры отца) Бурзынскому, который владел небольшим заводом в Варшаве (согласно объяснению 1918 г., его «тянуло на завод», и поэтому он сам бежал в Варшаву). Здесь он проработал около трех лет в мастерской по изготовлению золотых и мельхиоровых изделий Грощковского и Годыцкого и приобрел профессию токаря по металлу.

Неудовлетворенный и этим, летом 1897 г. он решил вместе с приятелем отправиться в «кругосветное путешествие» — то ли с 3, то ли с 15 рублями в кармане. Искатели приключений добрались только до германской границы. Голод заставил их войти в пустой дом, взять продукты и деньги, но вскоре их поймали. Малиновский все же сумел бежать. Два или три месяца он находился «среди самых страшных подонков общества», занимался воровством («крал не только три раза», но «мало

попадался»), пока не был снова арестован и после 7-месячного заключения осужден в июне — июле 1900 г. по совокупности преступлений на полтора года тюрьмы. Отбывая наказание в Плоцкой тюрьме, он изготовлял перламутровые пуговицы по заказу фабриканта, на фабрике которого он работал недолго и после выхода на свободу.

Версия о трех судимостях Малиновского за уголовные преступления источниками не подтверждается. Сопоставление дат указывает также, что он был прав, когда говорил, что заключение его продолжалось полтора, а не два с половиной года.

В ноябре 1901 г. его призвали на военную службу, и он попал — вероятно, благодаря высокому росту, — в лейб-гвардии Измайловский полк, расквартированный в Петербурге. По словам Малиновского, во время службы в строю к нему придирались офицеры; легче было в мастерских Главного штаба в Красном Селе и в полковых оружейных мастерских, где он некоторое время работал, а с 1904 г. положение конюха командира полка оставляло ему достаточно времени, которым он мог свободно распоряжаться[122].

Совершенно иначе сложились к тому времени судьбы его братьев и сестер. Старший брат Сигизмунд, студент-социалист, за участие в беспорядках в Калише был исключен в 1892 г. из Варшавского университета и выслан в Пермскую губернию, но после сокращения срока ссылки по амнистии в связи с коронацией Николая II получил возможность продолжать учебу на медицинском факультете Казанского университета. Окончив университет, он расстался с увлечениями молодости («политикой теперь не интересуется, социалистом перестал быть, но прогрессист»), женился и стал преуспевающим врачом, практиковавшим в Казани и Ессентуках. Сведения эти поддаются проверке и уточнению: согласно данным из официальных списков студентов Казанского университета, в Варшавском университете Сигизмунд учился с 1891 по 1893 г. (на медицинском факультете и один год на юридическом), в Казанском — с 1895 по 1900 г.[123]

Старшая сестра Казимира окончила консерваторию и служила бонной в богатых домах Киева и Петербурга, обучая детей иностранным языкам («не соглашается с бойкотом евреев, против правительства», — отметил Малиновский). Сестра Вацлава вышла замуж за инженера-строителя в Варшаве, оба «за бойкот евреев, но против москалей». Младшая сестра стала учительницей в Калишской губернии. Еще один брат — Викентий уехал в Америку и, по слухам, разбогател[124]. Роман единственный из семьи не стал ни предпринимателем, ни профессионалом-

интеллигентом, но ревностно следил за тем, как складывались судьбы родных, — вплоть до их политических и национальных пристрастий. Давая показания в 1918 г., он объяснял свое согласие сотрудничать с охранкой и тем, что разоблачение его уголовного прошлого навлекло бы позор на брата, «тогда уже доктора в Казани»[125].

Два эпизода биографии Малиновского, о которых мы знаем только с его слов — непосредственно или в передаче его собеседников — заслуживают особого внимания. Первый важен прежде всего постольку, поскольку с ним связывают приобретение будущим провокатором фамилии, под которой он известен. Факт заимствования фамилии никто из историков, в том числе и автор книги, не подвергал еще сомнению. Но первоначальная фамилия «Малиновского» до сих пор не установлена. Чтобы внести какую-то ясность, необходимо, забегая вперед, обратиться к некоторым более поздним событиям его жизни, вернее, к тому, как он их изображал, хотя при этом придется пробираться через дебри противоречий.

30—31 октября 1912 г. он приоткрыл завесу над этим эпизодом в беседе с приехавшим в Москву вице-директором департамента полиции С. Е. Виссарионовым — это была уже вторая их встреча. Он сообщил ему, что в молодости, еще до совершеннолетия вынужден был воспользоваться чужим паспортом «учинением тяжкого преступления, что угрожало ему строгим наказанием вплоть до смертной казни»[126]. Очевидно, имелось в виду не воровство. Но от партийной следственной комиссии, разбиравшей в 1914 г. его дело, он скрыл и факты воровства и судимость. Арест в 1899 г. он объяснял в своих первых показаниях тем, что ему приписали убийство городового, тогда как он лишь оказал сопротивление при попытке задержания, сорвав с него шашку; спустя несколько дней этот городовой был убит, но кем-то другим, и суд в июне — июле 1900 г. Малиновского оправдал. Дата суда указана верно, но судили его, как мы знаем, совсем не за то. К этим устным показаниям он затем письменно добавил — так же туманно, как и в охранке, — что «в самых молодых годах» с ним «было крайне печальное и тяжелое происшествие», связанное «с честью женщины», и поэтому он не считает возможным об этом говорить[127].

Воспоминания Зиновьева в описании этого «крайне печального и тяжелого происшествия» более конкретны: Малиновский рассказал, как «нечаянно» убил на пароходе молодого парня, поссорившись с ним из-за девушки. Дело было ночью; выбросив тело убитого в воду, он присвоил его паспорт, и

«стало быть, — заключал Зиновьев, — он вовсе не Малиновский». А чужой паспорт понадобился ему, чтобы избавиться от позора после суда за воровство. Выходит, что инцидент имел место после его освобождения из плоцкой тюрьмы, но до призыва в армию, где-то во второй половине 1901 г. Если это так, то судили его в 1900 г. «вовсе не как Малиновского». Однако в документах о судимости он проходит именно как Малиновский. Во-вторых, сам Зиновьев сопроводил свое изложение показаний рядом оговорок: «абсолютно не ручаюсь за версию, но, кажется, он говорил это»; возможно, он просто «у ехавшего пассажира украл его паспорт»; «или он Малиновский, но вот что-то у него в прошлом»[128]. В результате привлекательная конкретность описания оказывается мнимой, и эпизод приобретает крайне неопределенные очертания. Совпадает с тем, что есть в следственном деле 1914 г., лишь амурный мотив происшествия. Судя по всему, Зиновьев невольно присоединил к смутным воспоминаниям о следствии 1914 г. узнанное позже, в 1917 и 1918 гг., в частности, о воровстве и об осуждении за воровство.

Между тем о чужом паспорте Малиновский говорил Ленину и Зиновьеву еще до партийного расследования, на Пражской конференции в январе 1912 г. Ленину запомнилось, что речь шла о прошлом — «ему пришлось жить под чужим паспортом в связи с событиями 1905 года», а Зиновьеву — что Малиновский продолжает жить «нелегально», по «очень прочному паспорту» (показания 1917 г.)[129]. Согласно же рапорту Виссарионова об упомянутой выше беседе с Малиновским 30–31 октября 1912 г., тот изложил ему свой разговор с Лениным на Пражской конференции следующим образом: он рассказал Ленину, что «легализовался по чужому паспорту, что фамилия, которую он теперь носит, в действительности ему не принадлежит, и [то], что связано с ней и с первым носителем ее, ему неизвестно», а причиной как раз и послужило «тяжкое преступление». Своим откровенным рассказом он решил предупредить «возможность раскрытия перед партией этих сведений». По-видимому, дополнительно уже Виссарионову он сказал, что опознания кем-либо из земляков не опасается, так как порвал с родиной (с местом рождения) около 20 лет назад (имелся в виду отъезд в Варшаву)[130].

Выдвигалось предположение, что настоящая его фамилия, имя и отчество — Генрих Георгиевич Эвальд[131]. Скорей всего, это предположение возникло в связи с тем, что сразу после своего избрания депутатом Государственной думы Малиновский направился во Владимирскую губернию, в село Зуево, чтобы встретиться с также избранным в Думу Ф.Н.Самойловым, и по

приезде предъявил годовой паспорт на имя томского мещанина Генриха Эрнестовича (!) Эйвальдта (!). Фамилия явно не польская. Дело в том, что паспорт этот был фальшивым, выданным Малиновскому накануне поездки в Московском охранном отделении, так как поездка осуществлялась конспиративно, по партийной линии, о чем Малиновский, конечно, сообщил своим хозяевам[132]. Соответствующий навык у него был: по чужому, но не фальшивому паспорту своего приятеля П.Сицинского он ездил на Пражскую конференцию.

С другой стороны, то, что Малиновский все-таки настоящая его фамилия, как будто бы явствует из упомянутых выше документальных данных о старшем его брате, имя, отчество и фамилия которого — Сигизмунд-Казимир Вацлавов Малиновский; родом он был, как и Роман, из Гостынского уезда Варшавской губернии. Вплоть до первой мировой войны Роман переписывался с братом. «…От Сигизмунда нет писем целый год», — сообщал он жене 12 декабря 1915 г.[133]. Правда, в записи поройинских показаний Малиновского есть несколько загадочная фраза: поступая в Казанский университет (напомним, это было в 1895 г.), Сигиз-мунд получил паспорт «на основании разных документов без справок по месту рождения. В книгах сказано: разыскивается». Значит ли это, что и Сигизмунд жил не под своей фамилией, что и он не Малиновский? Но как объяснить в таком случае совпадение данных в украденном у случайного попутчика паспорте Рома-па с данными в паспорте Сигизмунда? Или и кражу паспорта (даже если не было убийства) нужно отнести всецело на счет плохой памяти Зиновьева?

Партийное следствие в этой поистине фантасмагорической ситуации не разобралось. Приступая 15 (28) мая 1914 г. в Порой и не к первому допросу Малиновского, Ленин спросил прежде всего о его имени; Малиновский отвечать отказался до «поездки на место для проверки», с чем комиссия почему-то согласилась, решив сначала «выслушать все данные о семейном положении Р.Малиновского и затем потребовать объявления фамилии»[134]. Сама постановка этого вопроса в начале следствия, очевидно, была вызвана тем, что члены следственной комиссии Ленин и Зиновьев вспомнили сказанное Малиновским на Пражской конференции о проживании по чужому паспорту. Но, если судить по протоколам, а они велись очень подробно, комиссия к этой теме больше не возвращалась.

Последнее расследование должно было поставить все точки над i. Малиновский свои письменные показания, адресованные «Всероссийскому народному трибуналу РСФСР», начал с того момента биографии, когда он остался сиротой, и ничего не

сказал на этот раз **о** том, где и в какой семье родился, а следователь, обвинитель и судьи не проявили к его происхождению ни малейшего интереса. Можно, однако, предположить, что, поскольку вопрос о настоящем имени вообще не был задан, они обратили внимание на те места в письменных и устных показаниях Малиновского, где давалась еще одна версия объяснения, по-видимому, их удовлетворившая.

Теперь он утверждал, что вся история с «тяжким преступлением» и с «чужим паспортом» — вымысел: на Пражской конференции «…я Ленину, Григорию, Каменеву создал легенду, что я нелегальный, что у меня есть преступление в молодости, которое может повредить делу»; эту легенду он придумал, когда Ленин заговорил с ним о возможности выдвинуть его кандидатуру на выборах в Государственную думу. Свой отказ он мотивировал тем, что принесет «вред себе и партии», но отказывался недостаточно решительно, «не настаивал» — отчасти потому, что это предложение оказалось для него неожиданным, отчасти потому, что оно было все же заманчивым. Именно нерешительность он ставил себе в вину как «сознательное преступление»: «…разве я за эту легенду боролся, разве я представил ее в таком виде, чтобы Ленин и Григорий не согласились на это…»[135] (то есть решили не выдвигать его кандидатуру).

Желание Малиновского стать депутатом, о чем выше уже говорилось, и опасения в связи с этим (для них имелись основания) не противоречат друг другу. В остальном изложение разговора с Лениным совпадает с тем, как пересказали его Виссарионов, а затем Зиновьев. Довольно близко и изложение реакции Ленина: у Малиновского — «Ленин не спрашивал подробности — в чем дело»; у Виссарионова — Ленин отнесся к рассказу «с полным доверием». Таким образом, единственное отличие показаний Малиновского в 1918 г. от всех других свидетельств, включая его собственные показания в прошлом, — это признание, что он сочинил на Пражской конференции (а значит, повторил и в Поронине) «легенду». Себя он при этом не выгораживал, никакой выгоды из этого признания извлечь он не мог; наоборот, утверждая, что совершил политическое преступление, неизвестное еще обвинителям, он усугублял свою вину перед судившей его партией. Но это означает, что все, так старательно им запутанное, он же в конце концов и распутал, сказав, наконец, в 1918 г. правду: от рождения он был Малиновским — что и было зафиксировано в приговоре суда и полностью согласуется с тем, что мы знаем о его брате, и с документами о судимости.

Второй, но, по-видимому, невыдуманный переломный момент его жизни относится к весне 1905 г.: увидев, как по Измайловскому проспекту, мимо казарм ведут под конвоем рабочих-забастовщиков, он открыто выразил им сочувствие и «возмущал солдат». На него донесли и предложили на выбор — идти под суд или отправляться «добровольцем» на русско-японскую войну. Он выбрал второе, его даже произвели в ефрейторы, но уже в Могилеве пришло известие об окончании войны, и маршевый батальон, с которым он был отправлен летом 1905 г., возвратился в Петербург. В апреле 1906 г. Малиновского уволили в запас.

Снова он оказался перед выбором: вернуться в Польшу или оставаться в Петербурге. Он предпочел остаться, возможно, по очень простой причине — здесь у него была уже невеста, Стефа, прислуга ротного командира. Через месяц после увольнения Романа из армии они обвенчались. Поступив на завод «Лангезипен», он быстро выдвинулся как активист рабочего движения. Еще будучи солдатом, он участвовал, переодевшись в штатскую одежду, в манифестациях протеста после 9 января. В 1906 г. ему приходилось охранять митинги (на одном из них выступал популярный тогда оратор студент-большевик «товарищ Абрам» — под этим псевдонимом скрывался будущий обвинитель Малиновского Николай Крыленко)[136].

Все это мало похоже на биографию заурядного уголовника. В рабочее движение Малиновский вошел естественным образом — не «пробрался» туда, не «втерся в доверие», как нередко утверждали потом. По, конечно, он и не переродился полностью от соприкосновения с новой средой, тем более, что и среда эта была достаточно пестрой.

Нет необходимости ни преувеличивать, ни преуменьшать то, что отличало и выделяло его среди питерских металлистов. На заводах можно было встретить в это время и бывших сельских жителей и горожан; первые преобладали. Заводской рабочий — сын дворянина, понятно, был исключением. Но и многие недавние крестьяне, брошенные в городской водоворот, чувствовали себя увереннее в большом коллективе, тянулись, ради этого, подобно Малиновскому, к «тяжелой работе» — в отличие от их отцов и родни, для которых пределом мечтаний в городе было собственное торговое дело, а верным путем к этой цели — карьера приказчика. Малиновский лишь раньше и решительнее многих оборвал прежние социальные связи. И хотя он был родом из польской деревни, его не тянуло обратно оставленное там хозяйство, как многих выходцев из русских деревень.

Несомненно, он был образованнее среднего рабочего. На вопрос удивленного его речью председателя IV Государственной думы М.В.Родзянко — какое у Вас образование? — он ответил: домашнее; так оно, скорей всего, и было, но домашнее образование в культурной семье дало ему, конечно, больше, чем могли дать большинству рабочих сельские или городские начальные училища (к 1914 г. даже в столице не все рабочие были элементарно грамотными, среди рабочих-мужчин грамотных было 82 %, среди работниц — 56 %). Но пример старшего брата и сестер не мог не напоминать ему, что он остался недоучкой. Как и многие другие молодые рабочие, он стремился учиться дальше, усиленно занимался самообразованием. Природные способности помогали ему быстро впитывать идеи, насыщавшие революционную атмосферу, прежде всего идею классовой борьбы за социальную справедливость.

Принято думать, что «рабочую интеллигенцию» составляли непременно высококвалифицированные рабочие. Таких рабочих на петербургских заводах действительно называли «интеллигентами», «грамотеями», заводская администрация их ценила, нередко не обращая внимания на их неблагонадежность, укрывая от полиции и даже переманивая с других предприятий. Малиновский к их числу не принадлежал. «Работу я знал плохо, — вспоминал он о времени, проведенном на заводе «Лангезипен», — но поляк мастер Бернацкий относился ко мне снисходительно», однако «я при всем его хорошем ко мне отношении ненавидел его…».

Революция открыла перед политически активным слоем рабочих невиданные раньше возможности самореализации вне производства. Последующее резкое их сужение вызвало разочарование и апатию, привело к распространению всякого рода суррогатов общественной активности — от участия в разбойных «экспроприациях» до выпадов против интеллигенции во имя развития «рабочей самодеятельности», — впрочем, не без влияния экстремистов-партийцев из самой интеллигенции. Во всех такого рода акциях и настроениях находила выражение примитивная революционность, в которой жажда мести обществу соединялась с желанием любыми средствами утвердить себя. Вербуя агентуру в такой среде, охранка по существу предлагала участникам революции своеобразный способ удовлетворения честолюбивых и карьеристских поползновений (и то и другое, как мы видим, было свойственно Малиновскому в высокой степени), не требуя при этом разрыва с революционным движением. Тем самым формировалась некая промежуточная, духовно маргинальная группа, обслуживающая господствующую систему,

но не принадлежавшая ей целиком ни по социальному положению, ни по мировоззрению.

С такой точки зрения и следует подходить к вопросу о том, когда Малиновский начал предавать товарищей. Несмотря на проводившиеся в 1917 и 1918 гг. расследования, вопрос этот так и остался непроясненным. В сохранившихся документах московской охранки данные о провокаторской деятельности Малиновского в предшествующий поступлению на службу период отсутствуют. Единственное исключение — приписка рукой вице-директора департамента полиции Виссарионова на справке о деятельности секретного сотрудника «Портного» за 1912 год: «С 1906 по 1910 г. [был] секретарем Петербургского] союза металлистов. «Эрнест» — в 1907 и 1910 г. говорил добровольно с начальником] охранного] отделения] по телефону; чл[ен] партии с 1901 г.»[137]

Об этот документ споткнулись обе следственные комиссии. Вероятно, Виссарионов записал чье-то устное сообщение, так как текст сплошь состоит из неточностей: секретарем союза металлистов Малиновский в 1910 г. уже не был; если что-то он и сообщал по телефону, то не начальнику, а начальникам охранных отделений — в 1907 г. в Петербурге, а в 1910 г. — в Москве. Но в Москве он носил кличку «Портной» (не потому, конечно, что работал портным, как можно кое-где прочитать; клички выбирались по контрасту с реалиями биографии и облика агента). И наконец, с партийными организациями он соприкоснулся впервые в 1906 г., но никак не в 1901 г. — почти весь этот год он находился в тюрьме. В показаниях 1914 г. он отметил только, что в 1902–1903 гг. встретился, работая в оружейных мастерских Измайловского полка, с социал-демократом, петербургским рабочим Семеновым, который оказал на него большое влияние[138]. Войти в социал-демократическую организацию до революции он не мог.

Когда Чрезвычайная следственная комиссия, обнаружившая документ об «Эрнесте», предъявила его Виссарионову, тот при всем старании не смог вспомнить ни происхождения своей записи, ни клички «Эрнест»[139]. Не сумел объяснить приписку Виссарионова и больше всех имевший дело с Малиновским В.Г. Иванов; Малиновский не говорил ни ему, ни кому-либо другому в московской охранке о своем сотрудничестве с охранкой в прошлом[140]. Жена Малиновского показала, что муж получил предложение сотрудничать, когда арестовывался в 1906–1908 гг., но она не знает, согласился ли, и не слыхала клички «Эрнест». Однако, во-первых, Малиновский в указанные годы по всем данным не арестовывался[141], во-вторых, предложение

сотрудничать подразумевало постоянную службу; «штучники» же не имели кличек.

Не в том ли разгадка нагромождения несообразностей, что их источник — снова сам Малиновский, а приписка Виссарионова — не что иное, как сделанная наспех запись очередной порции «автобиографических» сведений, полученных во время второй беседы с ним в октябре 1912 г. (тогда же он сообщил Виссарионову о разговоре с Лениным на Пражской конференции)? Не решил ли он, что в связи с предстоявшим повышением — переходом в непосредственное распоряжение департамента полиции — полезно преувеличить перед новым начальством свои «заслуги», удлинив агентурный стаж?

В том, что такое предположение небеспочвенно, убеждает и одно место в показаниях директора департамента полиции Белецкого, который вспомнил признание Малиновского, касавшееся еще более раннего момента его биографии: доказывая уже в Петербурге Белецкому в одной из бесед свою изначальную преданность правительству, Малиновский рассказал, как во время прохождения воинской службы в Измайловском полку он по собственной инициативе дал знать Петербургскому охранному отделению об антиправительственном брожении среди солдат полка, причем сделал это безвозмездно[142]. Тем самым начало «работы» отодвигалось еще дальше. Справки Белецкий наводить не стал, к тому же «штучная» информация не всегда фиксировалась, да и вообще он не интересовался прошлым Малиновского, чтобы не задеть его самолюбия, — таково было одно из правил общения с секретными сотрудниками. Поэтому вполне возможно, что, затевая этот разговор, Малиновский просто набивал себе цену. Видимо, он не знал о том пункте инструкции департамента полиции, который не требовал от агента изменить свои убеждения «коренным образом». Следователи, которые допрашивали Белецкого, не посчитали эту информацию серьезной.

Не имея возможности допросить самого Малиновского, Чрезвычайная следственная комиссия ограничилась неопределенным выводом: «Время его первого сближения с розыскными органами в точности установить не удалось…» Этот вывод буквально повторялся в обвинительном заключении 1918 г., но авторы его — большевики склонны были все же видеть в записи Виссарионова «значительную дозу достоверности». Однако никаких новых данных они не привели, а старые не проверили. Малиновский по этому поводу не допрашивался. Сам он лишь заявил, что во время военной службы ничего не знал о существовании охранного отделения[143]. Перечень пунктов

обвинения в обвинительном заключении открывался 1910 годом.

Бесспорно одно: ловцы душ из московской охранки верно почувствовали внутреннюю готовность Малиновского к предательству, поняли, говоря языком секретной полицейской инструкции, что он «подает надежду». Но эта готовность созрела в нем, вероятно, не раньше переезда в Москву. Только в Москве он сделал вывод: в рамках рабочего движения возможности продвижения вверх для него исчерпаны.

Первое донесение Малиновского — «Портного» датировано 5 июля 1910 г., а всего за два с половиной года службы в Московском охранном отделении была составлена на основании его бесед с руководителями охранки 81 агентурная записка — 25 в 1910 г., 33 - в 1911 г. и 23 — в 1912 г., причем они становились все более и более обстоятельными. Поскольку «Портной» проявил «большие способности», росла и его «ценность», что вполне осязаемо выразилось для него в повышении жалования с первоначальных 50 руб. до 100[144].

Не отразилась на устойчивости его положения и смена в июле 1912 г. П.П.Заварзина новым начальником охранки полковником А.П.Мартыновым, ранее возглавлявшим Саратовское районное охранное отделение. Полковник считался тонким ценителем искусства — искусства организации провокационной деятельности в том числе. Все, что касается «Портного», заявил он подчиненным, превосходно ему известно из переписки охранного отделения с департаментом полиции. Малиновский утверждал на суде, что «просто боялся» Мартынова. Но Мартынов не предъявлял ему никаких претензий, также считая, что новый секретный сотрудник справляется с «двойственной ролью». Несомненно, за это время была по достоинству оценена и способность «Портного» приспосабливаться к обстоятельствам, и актерский талант, и прекрасная память[145].

Все это заставляет усомниться в том, что было заявлено Малиновским на суде: в начале службы он-де почти ничего не сообщал или сообщал ложные сведения — «не потому, что меня совесть мучила», а потому, что «тогда знал очень мало», а также, чтобы отомстить «за то, что я сам переживал», — «мне люди были жалки как личности». Вопрос о душевном его состоянии оставим пока в стороне. Объем сообщаемых им сведений был на самом деле не так уж мал. Но из этого не следует что можно ручаться за абсолютную достоверность и точность всех без исключения его донесений: большевики, знакомившиеся уже в советское время с тем, как отражалась их деятельность Малиновским, считали, что он был информатором «с тенденцией, во-первых, и с фантазией,

во-вторых»[146].

Охранка не оставляла его своим вниманием и как видного социал-демократа, активного участника легального движения — преимущественно кооперативного и культурно-просветительного. 13 ноября 1910 г. он был задержан на неразрешенном собрании в помещении союза деревообделочников, но через три дня освобожден как обычно, вместе с другими арестованными. 30 декабря по требованию Петербургского охранного отделения его обыскали на квартире в Сокольниках — однако не сразу; получив из Петербурга предписание об аресте, В.Г.Иванов 17 декабря ответил: «Войдет в общую ликвидацию, до каковой обыск его безусловно невозможен». По собственной инициативе московская охранка провела еще два обыска — 14 апреля и 16 ноября 1911 г., также без последствий[147].

В первый период предательства Малиновский использовал в качестве главного канала информации свои связи с меньшевиком Василием Шером. Активный работник профсоюзного движения В.В.Шер еще до 1905 г. принимал участие в создании первого профсоюза в Москве — нелегального «Союза московских типографских рабочих для борьбы за улучшение труда». В 1905—1907 гг. он работал в Москве и Петербурге, где познакомился с Малиновским; одно время редактировал журнал петербургского союза металлистов, в 1907 г. организовал в Финляндии Всероссийскую конференцию профсоюзов печатников. На Штутгартском конгрессе Второго Интернационала Шер входил в небольшую группу представителей российских профсоюзов. Вернувшись в 1908 г. в Москву, Шер подготовил в семинарии Московского университета и сумел издать солидный труд но истории профессионального движения московских печатников — первое в России научное исследование такого рода[148].

Появление в Москве административно высланных петербургских рабочих вселило в Шера надежды на активизацию рабочего движения, прежде всего через легальную его сферу, и, конечно, не случайно с легкой руки именно Шера Малиновский прослыл «русским Бебелем». Принадлежавший Шеру дом в 1-м Зачатьевском переулке был местом встреч и меньшевиков и большевиков. Здесь проживал большевик Г.К.Голенко, которого навещал наезжавший в Москву Фрумкин. В январе 1911 г. Малиновский сообщил охранке о посещении квартиры Голенко депутатом III Государственной думы рабочим-большевиком Н.Г.Полетаевым, рассказавшим о предстоящем свидании с В.И.Лениным и о намерении побывать по поручению Ленина в некоторых южных городах с целью восстановления партийных связей и организаций[149].

И Малиновский жил одно время в этом гостеприимном доме. Когда Ногин предложил ему войти в ЦК, он прежде всего посоветовался с Шером, которого «глубоко уважал». Шер не отговаривал, ведь речь шла о единой РСДРП.

Летом 1910 г. впервые возникла мысль выдвинуть кандидатуру Малиновского на предстоявших в 1912 г. выборах в Государственную думу. Видимо, ободренный этой перспективой Малиновский стал убеждать большевиков взять в свои руки проведение петиционной кампании. Между гем идея сбора подписей под петицией в Думу о «свободе коалиций» была сугубо ликвидаторской, большого сочувствия среди рабочих она пе встретила. Насторожило и неумеренное любопытство Малиновского по поводу участия социал-демократов в дополнительных выборах в Думу, проходивших в Москве в конце 1910 г.

Правда, теперь Малиновского повсюду сопровождал снова появившийся на московском социал-демократическом небосклоне «Кацап» — Андрей Поляков («интеллигентного вида рабочий с длинной бородой, фигурой апостола», — так описывал его Фрумкин). Поляков был членом правления Общества разумных развлечений, Малиновский также бывал здесь. Вместе они посетили Тулу, где с августа жил под видом частного преподавателя английского языка Атясова бежавший из ссылки Виктор Ногин[150]. Относительно Полякова тоже имелись подозрения: отсидев после ареста в октябре 1909 г. семь месяцев в Таганской тюрьме, он получил, несмотря на серьезные улики, удивительно мягкий приговор — год крепости с зачетом предварительного заключения[151]. Но в таком случае было непонятно, кто кого обхаживает — Поляков Малиновского или наоборот.

В конце концов Ногин и Фрумкин решили все же отстранить Малиновского от партийной работы под предлогом его «проваленности». Заодно решили отстранить и Полякова, его подозревали больше. Но 28 февраля 1911 г. Фрумкин был арестован, а 26 марта в Туле арестовали Ногина и всех, кто был с ним связан, снова разладив возобновившуюся работу по созданию русской части ЦК РСДРП. Отметим, что Малиновскому Ногин опять предлагал войти в ЦК, но тот, как и в первый раз, отказался. Провал в Туле был делом рук и Малиновского и Полякова. Но действовали они независимо друг от друга.

Фрумкина отправили в военно-окружной суд в Петербург (за ним было старое дело об участии во время революции в военной организации Петербургского комитета РСДРП), и там он попросил большевика Н.Н. Крести некого, пришедшего в

качестве. присяжного поверенного на свидание, передать, кому следует, что Малиновский не заслуживает доверия. Было ли поручение выполнено? Сведений на этот счет нет. Стоит только учесть, что Крестинский знал Малиновского в лучшую его пору, работая юрисконсультом петербургского союза металлистов.

Ногин, только оказавшись летом 1912 г. в верхоянской ссылке, сумел узнать через местных полицейских, что его арестовали вовсе не за участие в «Тульской СДРП», как ему объясняли в Москве, а за формирование Русской коллегии ЦК. Как рассказывал впоследствии председатель парижской комиссии ЦК РСДРП по делам о провокации меньшевик Б.И.Горев, он получил из Сибири — то ли от Ногина, то ли от Дубровинского — письмо, в котором сообщалось, что московской охранке был известен «разговор в самом интимном кругу нескольких видных членов партии, среди которых был Малиновский», но Горев счел подозрение «слишком неопределенным»[152]. Сам он был в 1913 г. арестован и отправлен в Туруханский край. Тогда же Дубровинский в состоянии тяжелой депрессии покончил с собой. Ногин, много раз совершавший побеги из ссылки, на этот раз отбыл ее до конца и вернулся в европейскую Россию (в Саратов) только перед войной, в июле 1914 г. Вопрос о Малиновском он больше не поднимал.

В конце 1910 г. впервые пересеклись пути Малиновского и 22-летнего студента Московского университета большевика Николая Бухарина, который работал преимущественно в сфере легальной и полулегальной, в частности, стремился вместе с другими студентами — социал-демократами направить в революционное русло студенческое движение. Эту сторону его партийной работы Малиновский «освещать» не имел возможности. Зато в поле его зрения оказались легальные культурно-просветительные общества с участием рабочих, где также часто бывал Бухарин.

Одно из них возникло под прикрытием Дорогомиловского общества трезвости. При обществе действовала вечерняя школа для рабочих, запятых на фабриках Хамовнического района; в актив ее входили работавший секретарем союза текстильщиков В.Ф. Плетнев (после Октябрьской революции — председатель Пролеткульта), рабочий — серебренник В.С.Бронников (по сведениям охранки, «фанатически преданный делу РСДРП и верящий в возможность осуществления в ближайшем будущем конечных идеалов ее программы»[153]), столяр Д.И.Русин и Малиновский. Здесь он читал лекции о страхований, а иногда и революционные стихи, устраивал вечеринки. Учительница школы М.П.Розанова была секретарем нелегальной кассы помощи политзаключенным, она же организовала из учащихся социал-

демократический кружок, объединявший до 80 человек, Бухарин занимался с ними политической экономией[154]. Приглашались и другие лекторы, например, Шер, но Малиновский, сообщая в одном из донесений в охранку о предстоящих лекциях Шера, не преминул подчеркнуть, что, «хотя при изложении и будет известного рода тенденциозность освещения фактов», все же «не будет того задора и приподнятой атмосферы, какими сопровождается чтение докладов «Николая» (Бухарина)»[155].

На следствии в 1918 г. Малиновский заявил, что Бухарина он «берег как мог» и, когда о нем спрашивали в охранке, «лез из кожи, чтобы оградить его…»[156] Впрочем, если верить показаниям Малиновского, он «берег» очень многих…

В изображении западных, а с недавних пор и отечественных историков молодой Бухарин на протяжении многих лет был едва ли не самым проницательным и упорным обвинителем Малиновского. Как полагает Стивен Коэн, отказ Ленина прислушаться к доводам Бухарина явился источником постоянных трений между ними, начиная. с первого приезда Бухарина в Краков осенью 1912 г. и вплоть до 1917 г.; это обстоятельство омрачало их отношения и в период первой мировой войны, способствуя усилению возникших в это время идейных разногласий[157]. Советский биограф Бухарина И.Е.Горелов также пишет ***6*** «довольно натянутых отношениях» между Лениным и неколебимо убежденным в «провокаторской сущности» Малиновского Бухариным[158].

По-видимому, эта точка зрения восходит к соответствующим страницам книги Давида Шуба о Ленине. Не ссылаясь на какие-либо источники, Шуб утверждал, что Бухарин с самого начала не доверял Малиновскому, несмотря на все попытки провокатора завоевать его доверие. Еще тогда, в Москве Бухарин заметил, что всякий раз, когда он организовывал встречи с товарищами, его поджидали агенты охранки; между тем места этих встреч были известны Малиновскому. Арест в декабре 1910 г., положивший конец революционной работе Бухарина в России, окончательно убедил его в том, что предал его Малиновский. Описывает Шуб и беседу в Кракове на эту тему с Лениным и особенно картинно — организованную там же очную ставку: Малиновский, увидев Бухарина, «был объят ужасом», но, когда в комнате появился Ленин, «пришел в себя, подошел к Бухарину с распростертыми объятиями и сказал: «Николай! Как ты сюда попал?», чем и развеял у Ленина всякие сомнения»[159].

В изложении самого Бухарина, в его письмах и показаниях нее выглядит совершенно иначе, да и другие достоверные свидетельства расходятся с мнением об исключительной его

проницательности. Начать с того, что в Москве общение Бухарина с Малиновским было непродолжительным: имя Бухарина появилось в донесениях провокатора в ноябре 1910 г.[160], а в ночь с 19 на 20 декабря Бухарин был арестован на собрании актива московской большевистской организации. За это время они встречались несколько раз: впервые — на собрании сотрудников журнала союза пастильщиков «Голос жизни», затем в Дорогомиловской школе и еще, по словам Бухарина, «раза 2–3».

При первой же встрече (в присутствии Шера, который был хорошим знакомым и Бухарина еще с гимназических времен) между ними произошло столкновение на идейной почве: Бухарин выступал как большевик, Малиновский — как — «ликвидатор»[161]. Правда, из Петербурга Малиновский приехал нефракционным социал-демократом, но 25 мая 1910 г. агент охранки Ф.А. Кукушкин («Нина») называл его «убежденным сторонником ликвидаторского направления», а в сентябре точно так же писал о себе в одном из донесений он сам[162]. Все знали, что преимущественно ликвидаторским был и круг его общения. Бухарин, таким образом, не ошибся, определяя шесть с лишним лет спустя в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии тогдашнюю политическую физиономию своего оппонента. Не напоминал Малиновский большевика и своей неконспиративностью: слишком о многом разговаривал по телефону и т. д. При всем том подозрений он у Бухарина не вызывал — не только до декабрьского ареста, но и довольно долго в период заключения в Сущевском полицейском доме, где, казалось бы, было время поразмыслить над причинами провалов (всего Бухарин провел там полгода).

Лишь во второй половине тюремного заключения Бухарина в беседах заключенных всплыло имя Малиновского. В.Ф.Плетнев, А.Г.Козлов, М.П.Быков и В.С.Бронников, рабочие-меньшевики, знавшие Малиновского дольше, чем Бухарин, рассказали ему о своих подозрениях. Арестовали их 4 апреля 1911 г., в ходе осуществления целой серии превентивных арестов рабочих, избранных профсоюзами на 2-й Всероссийский съезд фабрично-заводских врачей; полиция хотела помешать вторичному использованию трибуны съезда в революционных целях и установлению контактов между социал-демократами, приехавшими на съезд из разных городов. Собственно, делегатом был только Плетнев, остальных рабочих задержали вместе с ним для отвода глаз, якобы за нарушение общественной тишины и порядка. Уже потом дело раздули до неимоверной величины: арестованных обвинили в намерении «сорганизовать особый, исключительно законспирированный руководящий аппарат из

делегатов всех вообще партийных как легальных, так равно и подпольных организаций».

Во время обыска на квартире Плетнева полиция захватила адресованное ему письмо, в котором говорилось, что Малиновскому необходимо участвовать в съезде («он все-таки знает кое-что в этой отрасли» — намек на 1-й съезд фабрично-заводских врачей), а потому следует помочь ему получить полномочия от какого-либо московского профсоюза, например, союза текстильщиков (от которого, однако, был делегирован сам Плетнев). Через несколько дней у другого арестованного делегата — И.А.Пильщикова обнаружили еще одно письмо с упоминанием Малиновского. Несмотря на это, Малиновский отделался обыском[163]. Плетнев и его товарищи вспоминали и более ранние случаи, наводившие на подозрения. Бухарину запомнился такой факт: при провале совещания представителей профсоюзов 13 ноября 1910 г. (готовилась демонстрация в связи со смертью Льва Толстого) жена Малиновского «преждевременно рано» принесла ему все необходимое для отсидки в тюрьме — так, будто знала заранее о предстоящем аресте. Уже в тюрьме выяснилось, что охранке известно в мельчайших подробностях, как та же группа рабочих, включая Малиновского, встречала Новый год.

Все это рабочие рассказали одному Бухарину с тем, чтобы по выходе на волю он передал их подозрения кому-либо из членов МК РСДРП[164]. С 21 февраля 1911 г. в той же тюремной камере находился товарищ Бухарина по работе в легальных организациях и среди студенчества Валериан Оболенский (Н.Осинский); уже в советское время он писал, что именно с 1911 г. вместе с Бухариным пришел к твердому убеждению в провокаторстве Малиновского[165]. Вполне возможно, что Бухарин решил поделиться с Осинским сведениями, полученными от рабочих, но ни характер этих сведений, ни последующее поведение Бухарина не дают оснований говорить — по крайней мере, применительно к нему — о «твердом убеждении». Достаточно сказать, что самое важное из сведений «четверки» — историю с компрометировавшим Малиновского письмом Бухарин просто забыл, в чем сам признавался Ленину в конце 1913 г., после того, как ему напомнил об этом Шер.

Впоследствии Бухарин называл только два источника сомнений, шедших через него: ту же группу рабочих и Шера, причем данные Шера стали ему известны много позже описываемых событий, в эмиграции. В упомянутой выше беседе, состоявшейся в Вене в декабре 1913 г., тот рассказал, но «сугубо осторожно… о «странности» ряда арестов в их группе, среди которой был и Малиновский»[166].

Шер имел ввиду события, происходившие в то время, когда Бухарин с Осинским все еще продолжали «жить душа в душу» (слова Осинского) в камере Сущевского полицейского дома, ожидая решения своей участи. После ареста большинства рабочих-делегатов 2-го съезда фабрично-заводских врачей (остальные отказались участвовать в его работе в знак протеста) группа московских меньшевиков приступила к подготовке всероссийского съезда социал-демократов — деятелей профессионального движения. В группу входили знавшие друг друга В.В.Шер, А.С.Орлов (И.Круглов), В.Ежов (С.О.Цедербаум), П.Н.Колокольников (К.Дмитриев), Б.С.Кибрик (С.Яковлев), Л.М.Хинчук, В.Г.Чиркин, Л.С.Виленский (З.Ленский) и Р.В.Малиновский. Когда от переписки и совещаний, на которых разработали программу съезда и проекты резолюций, инициаторы решили перейти к объездам городов, поручив это Кибрику, Чиркину и Шеру, все трое были тут же арестованы. Момент для ареста выбрали, конечно, хозяева Малиновского. При этом, кроме Малиновского, были предусмотрительно оставлены на свободе еще несколько членов инициативной группы[167].

Если охранка и допустила оплошность, так только в том, что рабочие-москвичи, заподозрившие Малиновского, и арестованные вслед за ними инициаторы несостоявшегося меньшевистского съезда оказались почти одновременно в «ближней» ссылке — в Вологодской губернии, получив, благодаря этому, возможность обменяться впечатлениями о Малиновском в связи с тем и другим арестами. В.Г.Чиркин свои сомнения, аналогичные догадкам Шера («странные» аресты!), высказал Бронникову, а весной 1912 г. еще одному ссыльному, знакомому по Петербургу рабочему-большевику Сергею Малышеву. Малышев, однако, возмутился, усмотрев в его словах проявление личной неприязни; еще в петербургском союзе металлистов, вспомнил он, у Чиркина с Малиновским были «нелады». Когда Малиновский стал депутатом Думы, Малышев посчитал необходимым письменно сообщить ему о «нетоварищеском», «непорядочном» поведении Чиркина, а заодно о том, что сказанную им «большую гадость» повторял кое-кто из «единоверцев», он же, Малышев, с ними «ругался», а с Чиркиным «порвал всякую связь». Сообщил Малышев и о том, что в начале избирательной кампании по выборам в IV Думу снова были попытки со стороны некоторых ссыльных выразить Малиновскому недоверие, но успеха они не имели[168].

Весьма показательно: несмотря ни на что, переписывались с Малиновским и подозревавшие его рабочие-москвичи. Плетнев, узнав о выдвижении Малиновского в Думу, решил, что

протестовать не следует, ввиду отсутствия конкретных фактов и документальных доказательств. По той же самой причине Шер отговорил одного из товарищей-ссыльных — А. И. Виноградова — от того, чтобы поднимать дело официально, а после избрания Малиновского депутатом сам тепло поздравил его[169].

Возможно, еще одним упрямым товарищем был все тот же Василий Чиркин. Как показал в 1917 г. Козлов, по возвращении из ссылки в Петербург в октябре 1913 г. Чиркин беседовал о Малиновском с депутатом-меньшевиком Н.С.Чхеидзе. В свою очередь, Чхеидзе рассказал, что получил несколько писем насчет Малиновского на Москвы, но опять-таки без «фактических данных»[170]. Если этот разговор действительно имел место, то Чхеидзе или не принял слона Чиркина всерьез или посещение Чиркина вообще выпало у него из памяти: отвечая в 1917 г. следователю Чрезвычайной следственной комиссии на вопрос о знакомстве с Малиновским, он определенно утверждал, что ничего о жизни и деятельности Малиновского н период, предшествовавший избранию его депутатом, не знает; в III Государственной думе видел его лишь однажды; не вспомнил он ни о Чиркине, ни о письмах из Москвы[171]. Правда, по сведениям Л.О. Дан, Чхеидзе и Скобелев получали какие-то анонимные письма, но решили, что это полицейская интрига[172].

И еще один факт, которым нельзя пренебречь, выясняя, имел ли место демарш Чиркина: ликвидаторская газета указывала в 1914 г. как на источник слухов о Малиновском сведения, полученные от «отдельных правдистов», но не от меньшевиков[173].

А Бухарин? 21 июня 1911 г. его отправили в ссылку в Онегу Архангельской губернии, откуда он уже 30 августа совершил побег. Заграничный паспорт на имя купца Орлова раздобыл ему В.М.Шулитиков; на даче, которую тот снимал с семьей в Кунцеве, Бухарин скрывался после побега [174]. Видимо, Шулятикову — члену МК РСДРП, входившему, между прочим, в комиссию по борьбе с провокаторами, — Бухарин и сообщил то, что поведали ему четверо рабочих. Вскоре после этого Шулятиков умер, и что он сумел сделать, неизвестно. Бухарин в этот момент был уже за границей. Нет никаких сведений о его беседе с Лениным на эту тему осенью 1912 г., когда они впервые встретились, ни тем более об очной ставке с Малиновским. Забывчивость Бухарина, да и другие данные позволяют отнести первую его попытку проинформировать Ленина о старых слухах только к осени 1913 г. А во время избирательной кампании 1912 г. он ограничился тем, что выразил удивление, почему выдвинули кандидатом в депутаты Думы человека, известного своей

принципиальной неустойчивостью[175].

Давая в 1914 г. показания партийной следственной комиссии, Бухарин указал на еще одно обстоятельство, которое заставляло осторожно относиться к иным подозрениям: причиной недоброжелательства могла быть любвеобильная натура Малиновского. Шер знал, например, о романтической истории между женой Чиркина и Малиновским; предметом соперничества Виноградова и Малиновского в Москве была учительница Дорогомиловской школы М. И. Лазарева[176].

Попробуем подвести итог. Итак, никто из москвичей — потенциальных свидетелей против Малиновского не предпринял в 1910–1912 гг. сколько-нибудь серьезных шагов в связи с появившимися у них сомнениями. И Бухарину и его информаторам имевшиеся тогда данные представлялись косвенными и недостаточными, таковыми они, собственно говоря, и являлись. Ни меньшевики, ни Бухарин вовсе не были убеждены в справедливости подозрений.

Пассивность их может теперь показаться удивительной, но это связано в значительной мере с тем, что, максимально вычленив факты, касающиеся Малиновского, мы отвлеклись от других. Малиновский был не первым и не единственным агентом московской охранки. Известно, что в Москве чуть ли не каждому арестованному по политическому делу предлагалось пополнить их число, — настолько, писал большевик И. И.Скворцов-Степанов, «охранка обнаглела». В 1919 г. он торжествующе вспоминал о «непроходимой глупости» охранников, предполагавших, «будто человек, связанный с революцией полтора десятка лет и занимавший ответственные посты, способен из-за мелких выгод или удобств уничтожить или оплевать все свое прошлое и больше всего — самого себя»[177]. Скворцову-Степанову посчастливилось не дожить до того времени, когда тысячи большевиков, раздавленных сталинской охранкой, оплевывали себя и свое прошлое. Поив царские времена не-все находили в себе силы устоять перед куда более мягким нажимом.

Многочисленная рать провокаторов действовала настолько успешно, что окончательная ликвидация РСДРП представлялась руководству охранки делом вполне реальным и близким[178]. С июня 1907 г. по ноябрь 1910 г. Московская организация РСДРП подвергалась групповым арестам 11 раз. Только в течение 1910 г. в Москве было арестовано свыше 250 членов партии, члены ряда районных комитетов, три состава Исполнительной комиссии МК и Московского областного бюро[179].

Разгул провокации имел разнообразные последствия. Немалые усилия, предпринимавшиеся, чтобы усовершенствовать

конспирацию, обнаружить и обезвредить полицейскую агентуру, то и дело прерывались новыми арестами и неизбежным, вследствие этого, нарушением преемственности партийной работы. В.М.Шулятиков сообщал в одном из писем: «Почти вся работа уходит на поиски провокаторов. Одно время МК не мог даже функционировать.

Два секретаря МК были подозрительными элементами. Такая форма борьбы поглощала много сил»[180].

Помимо прямого урона и отвлечения сил, распространение провокации не могло не отразиться на взаимоотношениях в партийной среде. Этот момент особо оттеняла в одном из писем Инесса Арманд: «Провокаторство, принявшее такие большие размеры, — ужасное явление, при котором должно быть очень тяжело работать. Мне писали из Москвы, что подозрительность ко всем и каждому развита до мании, — каково вести партийную работу с людьми, которым доверяешь лишь вполовину, которых готов постоянно заподозрить в провокаторстве!»[181]. Известны случаи психических заболеваний на этой почве; в конце 1908 г. признаки мании преследования обнаружились у московского большевика С.Я.Цейтлина[182].

Так обстояло дело еще до появления в Москве Малиновского, еще до того, как охранка завербовала Полякова, Маракушева, Романова, Поскребухина, Лобова — самых известных московских провокаторов — социал-демократов. Не удивительно, что в 1910–1911 гг. картина не изменилась к лучшему; Бухарин рисовал ее теми же красками, что Шулятиков и Инесса Арманд: «… В то время в Москве была эпидемия шпиономании, которая часто превращала всю нелегальную партийную работу в перманентное следствие. Слухов ходило n+1… Мне лично известен был ряд случаев, чрезвычайно мучительно переживавшихся, когда бывали подозреваемы лица, абсолютно чистые…»[183]

И уже в советское время, на вечере, посвященном памяти И.И.Скворцова-Степанова, когда Бухарину казалось, что все это в далеком прошлом, он повторил: «…Партийная организация разъедалась коррозией провокации… Сколько я могу назвать имен весьма почтенных, уважаемых и ценимых, которые потом сыграли крупную роль в истории нашей партии, на которых было подозрение, что они на службе в охранном отделении. Гнуснейшее было время. Так было всюду напихано провокаторов, что, я помню, со мной произошел такой случай. Будучи выпущенным из тюрьмы, будучи членом комиссии по выявлению провокации, я получил определенную партийную явку, чтобы передать материал, и сдал его в руки человеку, который оказался именно провокатором»[184]. Москва исключением не являлась, так

было везде.

Подозрительность была реакцией на многочисленные провалы и аресты. Ее искусно подогревала охранка: настоящие провокаторы, чтобы отвлечь от себя внимание, стремились бросить тень подозрения на других, слухи раздувались и для того, чтобы вызвать панические настроения и бегство из нелегальных организаций. Ряд фактов свидетельствует о том, что эта тактика давала определенный эффект. Так, в январе 1909 г., после захвата полицией строго законспирированной типографии, где печатался нелегальный орган МК РСДРП «Рабочее знамя», безосновательно обвинили в сотрудничестве с охранкой секретаря МК И.В.Орловского (Никифора). Через несколько лет он снова был «разоблачен» — уже в Сибири. Сообщая об этом в 1913 г. большевик А.В.Калинин писал, что «политическая ссылка кроет в себе массу лиц или имеющих или имевших соприкосновение с охранным отделением»[185].

Понятно, что в сложившихся условиях ответной реакцией со стороны более опытных революционеров, сознававших, насколько разрушительными могут быть последствия шпиономании, было спасительное недоверие к всевозможным слухам, отказ от поспешности в решении человеческих судеб. И даже если подозрения были очень сильны, чаще подозреваемых отстраняли от партийной работы, чем «распубликовывали», то есть прямо объявляли провокаторами в печати.

Проблема защиты от провокации стояла перед РСДРП с момента возникновения. Значение ее для самого существования партии понимали все социал-демократы. Но кристаллизация течений внутри социал-демократии выявила разные подходы к ее решению.

«Расправа с уже уличенными провокаторами совершенно, конечно, не разрешает вопроса или, вернее, разрешает в очень — незначительной степени, как оградить партийные организации от проникновения в них провокаторов. На самом деле, как помешать провокатору вступить в организацию?» — писала И.Арманд. Между тем Ленин продолжал с большой категоричностью повторять тем, кто жаловался на засилье провокаторов, свою излюбленную мысль: «Нужно строить организацию так, чтобы в нее не мог попасть провокатор»[186]. Ленина прежде всего и имела в виду И.Арманд, когда ссылалась на «многих», которые «утверждают, что следует лучше законспирироваться, что после 905 года организации в этом смысле очень распустились». Эта, по ее словам, «очень старая песня» уже не удовлетворяла. Опыт показал, что сами по себе меры организационного порядка не помогают. И.Арманд, трезво взглянувшая на вещи, сделала

небольшой шаг вперед: «…Партия, — заметила она, — бессильна уничтожить провокаторство в ее рядах, раз оно становится провокаторством еп masse, потому что причины этого явления вне ее»[187].

Лидеры «ликвидаторов» предлагали свой рецепт — разрыв с подпольем. Но заманчивая идея открытой рабочей партии при третьеиюньском политическом режиме не выдерживала столкновения с действительностью. Политика царизма в отношении легальных рабочих организаций оставалась преимущественно репрессивной, провокаторы проникали и в эти организации. Чтобы осуществить свои начинания, сторонники легализма сами вынуждены были действовать нелегально. Пример с несостоявшимся меньшевистским съездом профсоюзных работников в 1911 г. в этом смысле показателен.

В 1914 г. находившаяся в ссылке большевичка М. И. Бурко спрашивала петербургских товарищей, насколько изменилась практическая работа «ликвидаторов»: «… Я, конечно, говорю не о сущности их проповеди, а о форме, ведь они от кружковщины открещиваются, так меня интересует, как они устраиваются…»[188] Мы не знаем, какой ответ получила Бурко, но по существу именно на ее вопрос отвечал ликвидатор Я.Герке, когда раздраженно сообщал своему единомышленнику К.А.Гвоздеву, что для петербургских «ликвидаторов» характерен «атавизм подпольных настроений». «… Борьба за открытое движение ушла из поля зрения наших. На первый план выступило подполье со всеми его конспирациями и навыками и… провокатурой, косящей налево и направо… Открытая работа — ее фактически сейчас совсем нет»[189].

У большевиков не оказалось чудодейственного противоядия от провокации. Не было у них и своей «контрразведки»; наивное мнение, будто они сумели проникнуть «в высшие звенья государственного аппарата или в близкие к правительственным инстанциям круги»[190], ни на чем не основано. Выход они видели в том, что с неизбежным новым революционным подъемом большевики восстановят дееспособность партии, а значит и ее способность защититься от провокации.

Глава 3. ВОЗВЫШЕНИЕ

Интеллигенция ушла прочь (туда этой б… и дорога), рабочие сами стали на ноги против ликвидаторов.

В. И. Ленин

В зимнюю Прагу социал-демократы России съезжались долго, по одному, по два, чтобы не привлечь к себе внимания. Держались по привычке осторожно, не догадываясь, что жители Праги без большого труда узнают русских по характерному признаку — галошам. Не вполне понимали они и зачем их призвали за границу, какая им предназначается роль.

С 1911 г. Ленин добивался полного разрыва с меньшевиками и превращения большевистской фракции в составе РСДРП в самостоятельную и однородную партию. С этой целью в январе 1912 г. в Праге была созвана вместо предполагавшейся общепартийной конференции конференция фракционная. Современники называли ее ленинской: почти все делегаты не представляли никаких иных оттенков мнений в РСДРП и даже в большевизме. Отказались приехать депутаты III Государственной думы — и большевики и меньшевики. Отсутствовали представители входивших в РСДРП национальных партий. У Ленина не нашлось здесь серьезных оппонентов. Иметь их и не входило в его расчеты, так как возможность компромиссов отвергалась заранее. Виднейшие большевики — «примиренцы» (Гольденберг, Дубровинский, Ногин, Рыков) были к этому времени арестованы. Когда семь делегатов почувствовали уже по приезде в Прагу ущербность состава конференции и снова направили приглашения в десять адресов, Ленин осудил их инициативу и пригрозил покинуть конференцию, чем и заставил их смириться[191].

Делегатов встречали сначала на промежуточной явке — в Лейпциге или в Париже. Некоторых делегатов полиция перехватила еще до того, как они достигли границы. Среди прибывших на конференцию были только два меньшевика-партийца — между тем они преобладали в ряде городов, ни одного впередовца, о которых и на конференции говорили, что они ведут «антиликвидаторскую» работу. Но Ленин убедил делегатов в том, что и это весьма малопредставительное собрание может вывести, наконец, партию из тупика. «Заурядное

совещание сравнительно молодых большевистских практиков» (по определению Г.Е.Зиновьева[192]) было объявлено всероссийской и общепартийной конференцией, а ее резолюции — обязательными для всех социал-демократов.

Обосновывая после конференции необходимость раскола, Ленин заявил, что фактически уже существуют две партии. Этот тезис вызвал бурю негодования, причем не только среди так называемых ликвидаторов. Противники конференции сравнивали политику Ленина с цезаризмом (Д.З.Мануильский), называли его новым злейшим врагом партии (Х.Рапопорт), обвиняли в экспроприации имени партии (М.Либер) и т. д. Как сообщал из Парижа агент охранки Бряндинский, Ленин, слушая их выступления, хохотал[193]. Критика, которую он, конечно, предвидел, казалась ему несопоставимой с выгодами от конференции. Ведь конференция потребовала от членов партии разъяснять, что без нового подъема революционного движения невозможно никакое улучшение положения рабочих, и, следовательно, всякий, кто хочет такого улучшения, должен бороться за новую революцию.

Меньше, чем через три месяца после того, как делегаты Пражской конференции покинули Народный дом чешских социал-демократов, этот прогноз как будто бы нашел подтверждение в стачках протеста против расстрела рабочих на Ленских золотых приисках. Расстрел, как считал Ленин, обнаружил неисправимость царского режима. Если в 1911 г. в политических стачках участвовало 8 тысяч рабочих, то только в апреле 1912 г. — не менее 300 тысяч[194].

Но и руководители департамента полиции имели основание полагать, что продвинулись вперед в борьбе с революционной опасностью, так как сумели провести на ленинскую конференцию двух своих агентов. Один из них — сверх всяких ожиданий — стал членом избранного на конференции ЦК РСДРП. Это и был Малиновский.

Ставку делали, впрочем, сразу на нескольких, и в том, что одним из делегатов оказался Малиновский, едва ли не главную роль сыграл «Его Величество случай». Московский комитет РСДРП давно не существовал, как и общегородская организация, рабочие кружки были деморализованы отсутствием литературы, средств и интеллигенции. Восстановить комитет поручили бежавшему из Нарымского края «ярому ленинцу» Голощекину (Филиппу). 2 декабря 1911 г. он прибыл в Москву. Связаться с кружками ему не удалось. Ничего не оставалось, как обратиться к легальным организациям; их активисты, до сих пор бездействовавшие, охотно согласились сформировать

«руководящий коллектив». Так появился новый «Московский комитет», в который вошли 5 человек, в том числе Голощекин и его помощница В. Н.Лобова, тут же избранные делегатами конференции.

Но Лобова из-за болезни мужа поехать не смогла, и оба мандата вручила Голощекину с правом передать один из них кому-либо из авторитетных большевиков, проживавших за границей. 21 декабря Голощекин выехал из Москвы и, миновав границу, направился в Париж. Его сопровождал присоединившийся к нему в Двинске Бряндинский. Однако Бряндинскому — агенту московской охранки с 1909 г. — не доверял отвечавший за доставку делегатов Пятницкий; заподозрила его и Крупская. Место проведения конференции от него скрыли[195], и второй московский мандат Голощекин передал в Париже Зиновьеву. С приездом в Прагу они задержались, так как, опасаясь слежки, решили добираться до Праги кружным путем — через Тулон, покупая билеты каждый раз лишь до промежуточных станций[196].

Между тем Ленин, предположив, что делегат от Москвы провалился, но не считая возможным начинать конференцию без представителя московской организации, поручил Пятницкому обеспечить избрание нового делегата. С этой целью в Москву был послан большевик-эмигрант Лазарь Зеликсон; приехав 2 января 1912 г., он сумел связаться с Лобовой и организовать получение мандата от нескольких профсоюзов, а затем и от МК для Малиновского. Кандидатуру его предложила Лобова[197].

Год спустя, когда Малиновский был уже депутатом IV Государственной думы, а Лобова — секретарем группы депутатов-большевиков, она писала в ссылку московскому знакомому С.Филлеру: «А ведь мы с Вами до некоторой части причастны к его избранию. Помните? Недурно ведь вышло»[198]. Для Малиновского в тот момент предложение отправляться на ленинскую конференцию было полной неожиданностью, сначала он отказывался (или делал вид, что отказывается), говорил, что мало знает подполье, не бывал па партийных собраниях (это соответствовало действительности) и не сможет ничего сказать делегатам конференции о положении московской нелегальной организации. Долгое время он даже думал, что Лобова выдвинула его кандидатуру потому, что сама была агентом охранки, так как дать согласие участвовать в конференции потребовал от него и Заварзин.

Поставив охранку в известность о своем избрании и получив надлежащие инструкции, он выехал из Москвы — якобы для того, чтобы навестить больного брата в Польше (о чем Поляков донес

13 января 1912 г.). Отпуск с работы устроил ему Г.М.Кржижановский. С дороги он послал две телеграммы: одну в Москву, Лобовой («еду благополучно»), другую в Лейпциг, куда была назначена ему явка, с просьбой не открывать конференцию до его приезда[199]. Но конференция начала работу еще 5 (18) января, как только явились, наконец, два делегата с московскими мандатами — Голощекин и Зиновьев. По свидетельству А.С.Романова — еще одного агента охранки, проникшего на конференцию (и тоже с опозданием), Малиновский прибыл, когда она шла к концу[200]; это подтверждается отсутствием записей его выступлений в сохранившейся части протоколов конференции, недостает как раз протоколов последних заседаний, проходивших 13(26)-17(30) января, когда он выступал.

Малиновский должен был, во-первых, сообщить охранке, где проходит конференция (что он, по его словам, не сделал, а может быть, просто не успел) и, во-вторых, обратить на себя внимание, произвести впечатление на Ленина и окружавших его лиц и войти к ним в доверие[201]. Делегат конференции А.К.Воронский вспоминал, как Малиновский «часто вертелся около Ленина, Зиновьева и Каменева, на заседаниях усердно им поддакивал, доводил до крайности их положения»[202]. Это несколько шаржированное описание соответствует той задаче, какую стремился решить Малиновский, но не вносит еще полной ясности в вопрос о причинах столь быстрого и явного успеха: Малиновского избрали членом ЦК партии, несмотря на то, что основные решения конференции были приняты в его отсутствие. Судить о содержании его речей в последние дни конференции и о том, как они воспринимались, мы можем только по воспоминаниям делегатов, а они во многом расходятся.

Воронский, впервые увидевший тогда Малиновского («Константина»), оставил выразительный его портрет: «По внешнему своему виду он производил отрицательное впечатление. Он был высокого роста, крепок, почти щегольски одет. Глубокие и многочисленные оспины придавали его лицу свирепое выражение, оно казалось обожженным. Рыжие волосы жестко и густо покрывали голову, желтые глаза быстро скользили и перебегали с одного предмета на другой. Он казался излишне суетливым и шумным. От разговора с ним я сразу уставал»[203]. Напротив, Зиновьев, помнивший Малиновского по Петербургу, находил, что «своей внешностью, своими манерами и пр. он ничем не выделялся (в дурную сторону) от других передовых интеллигентных рабочих, кроме разве мелочей». И на конференции он держался, по мнению Зиновьева, «очень умно и тактично»[204].

По-разному характеризуется в воспоминаниях отношение к Малиновскому руководителей партии и делегатов, приехавших из России, а также ход выборов в ЦК РСДРП.

По словам Воронского, «русские делегаты встретили его (Малиновского) настороженно и холодно», хотя «сдержанное к нему отношение казалось совсем им незаслуженным», и «ему доверяли заграничные товарищи». Ленин, пишет Воронений, настаивал на введении Малиновского в ЦК РСДРП, в то время как русские делегаты его отводили; большинство было первоначально против Малиновского. Поэтому две кандидатуры — Малиновского и еще одного делегата — не собрали необходимого количества голосов, и понадобилось провести повторное голосование. Лишь после этого Малиновский прошел в ЦК[205].

Прямо противоположна версия Г.К.Орджоникидзе: кандидатуру Малиновского предлагали как раз русские делегаты, так как «он выступал великолепно», но Ленин возражал; в ответ на замечание Орджоникидзе — «Вы же говорили, что нужны рабочие, это же рабочий» — Ленин ответил: «Рабочих нужно вводить в ЦК, но нужно вводить таких рабочих, которых знаешь»[206]. О том, что Малиновского выбрали в ЦК «наперекор» Ленину, не раз писал со слов Орджоникидзе Г.И.Петровский[207]: в 1916–1917 гг. они находились вместе в ссылке в Якутске, там Орджоникидзе и рассказал ему, как проходила Пражская конференция.

На конференции, кроме Ленина, только Орджоникидзе знал фамилии кандидатов и точные результаты голосования; из соображений конспирации эти результаты не оглашались, Ленин и Орджоникидзе сообщали каждому члену ЦК в отдельности — на ухо — о его избрании. Но и Воронский и Орджоникидзе единодушны в том, что об избрании Малиновского делегаты узнали. Что же касается перебаллотировки, о которой пишет Воронский, то из полицейского отчета видно, что она действительно проводилась, но между Голощекиным и самим Воровским[208], и следовательно, Малиновский прошел в ЦК при первом же голосовании.

В протоколах конференции имеются вполне подтверждающие этот вывод данные подсчета голосов: за Малиновского проголосовало 12 делегатов (столько же, сколько за Орджоникидзе, Спан-даряна и Шварцмана; за Ленина и Зиновьева — по 13, за Голощекина и Воронского — по 5, при повторном голосовании прошел Голощекин)[209]. Очевидно, эти документальные данные и следует считать бесспорным итоговым показателем отношения делегатов Пражской конференции к Малиновскому.

Описывая выборы в ЦК, Воронский допустил, таким образом, явную, но скорее всего невольную ошибку. Означает ли это, что столь же неверно он представил отношение Ленина к Малиновскому, и мы должны поверить Орджоникидзе? Но версия Орджоникидзе слишком не вяжется со всем, что известно об отношении Ленина к Малиновскому в дальнейшем. С другой стороны, ошибка памяти здесь невероятна, беседу с Лениным Орджоникидзе описал весьма детально. В таком случае может быть единственное объяснение: мемуарист сознательно исказил факты ради созидания посмертного ленинского культа, чем усердно занимались в 20-е годы все наследники Ленина[210].

Для Орджоникидзе это было тем более естественно, что с первой встречи в 1911 г. в Париже этот наивный и непосредственный тогда парень (по определению Зиновьева) относился к Ленину с обожанием. После нескольких месяцев общения Ленин доверил ему подобрать надежных делегатов на Пражскую конференцию, с чем Орджоникидзе успешно справился. Взаимная их симпатия была омрачена в конце жизни Ленина известным «грузинским инцидентом», когда, по словам Ленина, «Серго зарвался», набросившись с кулаками на одного из «национал-уклонистов», который в пылу спора обозвал его «сталинским ишаком»[211]. Ленин потребовал «примерно наказать» Орджоникидзе за «великорусский шовинизм» и рукоприкладство, заметив, что говорит это с сожалением, так как принадлежит «к числу его друзей»[212].

Рисуя в 1925 г. образ непогрешимого вождя, чуть ли не предвидевшего, благодаря своему «чутью», возможность предательства Малиновского («…А если он завтра выкинет какую-нибудь штуку? Если он выскочит из ЦК и создаст оппозицию, что вы будете делать?»), Орджоникидзе хотел, по-видимому, искупить таким дешевым способом свою вину перед покойным Ильичом. Сделать это было тем легче, что в печати тот же вымысел вкратце уже изложил в 1922 г. Петровский, правда, без того, чтобы сочинять сказанные якобы Лениным слова.

Существуют и другие основания отдать предпочтение свидетельству Воровского. Первую реакцию Ленина на неожиданное появление Малиновского в пражском народном доме описал Зиновьев. «Вот это то, чего нам недостает на конференции!» — воскликнул Ленин[213]. Эти слова, сказанные еще до появления «Константина» в зале, где проходила конференция, до личного знакомства с ним, объясняют многое. Для Ленина Малиновский был не просто еще одним московским делегатом, но прежде всего известным деятелем рабочего движения, олицетворявшим те тенденции его развития, о которых

говорилось на конференции.

Порвав с меньшевиками, Ленин частично и косвенно признал их правоту в вопросе об организации партии: жизнь убеждала в том, что ставка только на подполье грозит полной изоляцией от рабочих, обессмысливая усилия, предпринятые Лениным для раскола РСДРП. Теперь Ленин предлагал ориентироваться на тип организации германской социал-демократии при Бисмарке: введенные им «исключительные законы» пришлось отменить, так как социал-демократы, подвергшиеся преследованиям, даже усилили свое влияние, опираясь на легальные позиции и на представительство в рейхстаге. «Мы сделали недостаточно в легальных обществах, — убеждал Ленин делегатов. — Надо вырвать их из рук либералов, [вырвать] все легальное движение. Нужно распространять, расширять легальные общества… Везде нелегальные ячейки окружать сетью легальных ячеек»[214].

Вот эту перспективу, когда партия, оставаясь верной революционным целям, будет опираться на легальные организации, и высвечивал, как представлялось Ленину, приход к большевикам Малиновского. Понятно, что впечатление от его облика и манер не могло играть в таком случае существенной роли. Ведь ему доверяли задолго до конференции тысячи рабочих, наблюдавшие «шаг за шагом жизнь и деятельность своего секретаря»[215] (из показаний Ленина в 1917 г.), — могли ли этим похвастать профессиональные революционеры-подпольщики, известные узкому кругу партийцев и мало кому из беспартийных рабочих?

Не приходится удивляться и тому, что Ленин не придал значения словам Малиновского (сказанным «под большим секретом») о том, что ему пришлось жить по чужому паспорту в связи с событиями 1905 года — в этом не было ничего необыкновенного, многие социал-демократы поступали так же; выше уже говорилось, что в подробности Ленин вникать не стал. Не обратил внимания на этот «секрет» и Зиновьев[216].

Известно, что первые выступления Малиновского в партийной среде не всегда удовлетворяли требовательных слушателей. На Краковском совещании ЦК РСДРП с партийными работниками в конце 1912 г. его речи, как вспоминал А.А.Трояновский, свелись к освещению экономического положения разных категорий рабочих; большого понимания политического положения и широты взглядов он не обнаружил[217]. Выступая после совещания с публичным рефератом в зале Краковского народного университета имени А.Мицкевича, он рассказал о рабочем движении в России, говорил красноречиво, но и здесь от него ожидали более глубокого

политического анализа[218]. По-видимому, Ленина это не смущало. Он ценил Малиновского за то, что тот рассказывает о хорошо ему знакомом, рассказывает не стандартно, по-своему, подтверждая, следовательно, тем самым неразрывную связь с рабочим классом. Можно было заслушаться, свидетельствуют Зиновьев и Крупская, когда он рассказывал о быте рабочих, о различиях между питерским и московским рабочими[219]. И, конечно, совсем немаловажно было то, что Малиновский принадлежал к признанному авангарду рабочего класса — к металлистам, к «рабочей интеллигенции».

Мысль о неизбежности появления и в России подлинных рабочих лидеров превратилась к тому времени в общее место социал-демократической агитации. В Петербурге еще в 1905 г. социал-демократы-профессионалы говорили о развитых, начитанных рабочих: «Это будущие русские Бебели»[220]. Сталин не сказал ничего оригинального, когда в 1910 г. закончил прокламацию к 70-летаю Августа Бебеля словами: «Да послужит он примером для нас, русских рабочих, особенно нуждающихся в Бебелях рабочего движения»[221]. И М.Горький восклицал, обращаясь к одному из своих корреспондентов: «Когда, наконец, у нас явятся политиками сами рабочие!»[222]. В свое время отзовисты, критиковавшие рабочих депутатов III Государственной думы за оппортунистическую тактику, объясняли ее тем, что во фракции «нет Бебелей», и призыва-ли отказаться в таком случае от участия в Думе. На это Ленин отвечал: «Бебелем нельзя родиться, Бебелем надо сделаться, Бебели не выходят готовыми, как Минерва из головы Юпитера, а создаются партией и рабочим классом»[223].

И вот теперь, казалось, у большевиков появился почти сформировавшийся рабочий-парламентарий, обладающий необходимыми для этого качествами. Решение выдвинуть кандидатуру Малиновского на выборах в IV Государственную думу представлялось совершенно естественным (тем более, что о своих шансах пройти в выборщики сообщил Ленину и Зиновьеву он сам). Другая мысль — включить его и в состав ЦК, возможно, утвердилась не сразу. Разговор с Лениным, о котором пишет Орджоникидзе, правдоподобен постольку, поскольку в прежних составах думских социал-демократических фракций еще не было депутатов, которые одновременно являлись бы и членами ЦК РСДРП. Но, видимо, вскоре точка зрения Ленина на этот счет изменилась. Ведь ему было известно, в отличие от большинства делегатов, что вопрос о Малиновском — члене ЦК уже стоял в 1910–1911 гг. И хотя Ленин не намеревался выпускать из своих рук бразды правления, заманчиво было утереть нос меньшевикам,

твердившим о самодеятельности рабочих, но не имевшим рабочих среди руководителей своей фракции.

Итак, дело вовсе не в том, что Малиновский с первого взгляда чудесным образом «очаровал» и «покорил» Ленина[224]. Причины выдвижения этого деятеля рабочего движения в большевистской иерархии вполне рационально постижимы. Когда в 1917 г. Ленин предстал перед Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, объяснение, которое он дал на сей счет, прозвучало даже для тех, кто его допрашивал, убедительно:

«Малиновский явился на конференцию с именем одного из очень видных работников легального движения, про которого немало говорили в меньшевистских кругах, считавших Малиновского своим. Я слышал, что меньшевик Шер называл даже Малиновского «русским Бебелем». Особенно большую популярность Малиновскому не только среди руководителей социал-демократической партии, но и среди широкой рабочей массы создало то, что он был секретарем одного из самых крупных профессиональных союзов, именно: союза металлистов. Выдвинуться среди этой профессии, насчитывавшей много вполне развитых рабочих, приобрести популярность на должности, требовавшей постоянного общения с массой, было нелегко, и потому авторитетность Малиновского казалась всем нам, участникам Пражской конференции, совершенно бесспорной. Когда Малиновский рассказал еще нам, что он сам постепенно, после самых серьезных размышлений и наблюдений переходил от меньшевизма к большевизму, что весной 1911-го года он из-за этого своего перехода имел самое резкое столкновение с виднейшими рабочими-меньшевиками, позвавшими его на одно из наиболее важных и ответственных меньшевистских совещаний, то авторитетность Малиновского еще больше поднялась в глазах всех конферентов…

Малиновский не мог бы пройти ни в ЦК, ни в Государственную думу от нашей партии, если бы не изобразил из себя горячего и убежденного большевика, «собственным опытом» изведавшего всю опасность ликвидаторства в своей долгой легальной работе»[225].

Сработали в конечном счете два фактора, определившие доверие делегатов к Малиновскому, — реальная его популярность, заслуженная прежде всего работой в Петербурге в 1906–1909 гг., и эволюция взглядов, о которой он заявил на конференции. Никто не мог предположить, что объяснение мотивов его перехода на сторону большевиков заранее отрепетировано под руководством опытного наставника из московской охранки. Но пригодилась и былая слава

нефракционного социал-демократа, импонировавшая двум делегатам-плехановцам — Я.Д.Зевину и Д.М.Шварцману; Малиновский убеждал их не колебаться, но делал это, как пишет Зиновьев, «с большим тактом»[226].

В результате усилий Ленина изменился привычный облик Центрального Комитета, была отброшена традиция выбирать в ЦК только достаточно опытных партийцев-интеллигентов, главным образом, партийных публицистов. Г1а сей раз в ЦК избрали и таких «молодых, рядовых работников», которые, как самокритично выразился Орджоникидзе, «стояли ниже… Малиновского, по крайней мере, по выступлениям». Трое — Малиновский, Шварцман и кооптированный в ЦК заочно Белостоцкий — были рабочими. Когда Орджоникидзе усомнился в том, что сам он до-стоен «заседать наряду с Ильичом», Ленин нашел убедительный для него аргумент: «Вы думаете, что из интеллигенции выйдет толк? А поезжайте, соберите, каждый из вас, хотя бы по десятку рабочих, организуйте, и это будет большое дело». Членам ЦК надлежало, таким образом, быть прежде всего организаторами. Масштабы их деятельности после развала 1907–1911 гг., судя по изложению ленинской мысли в воспоминаниях Орджоникидзе, представлялись Ленину еще довольно скромными («по десятку рабочих»). Все, кроме будущего депутата Малиновского, должны были вести жизнь подпольщиков, профессиональных революционеров, не отступая от ленинской модели партии, — с поправками на «легальные возможности», о которых было сказано выше.

Выступая на заключительном заседании конференции, Ленин выразил радость в связи с тем, что рабочие, опекавшиеся раньше интеллигенцией, выросли и сумели взять партийную работу в свои руки[227]. У делегатов-рабочих эта откровенная лесть нашла благодарный отклик. Завершение конференции отметили пирушкой, делегаты усердно опорожняли бутылки; питерский делегат Залуцкий твердил, подвыпив, что он чистокровный пролетарий и не допустит интеллигенции издеваться над ним… [228].

Впервые собравшийся новый ЦК поручил Малиновскому вместе с Голощекиным и Орджоникидзе организовать возвращение делегатов в Россию. Лично ему было рекомендовано держаться до выборов в Думу «архиосторожно»[229].

…В тот год два во многом противоположных по своей направленности события — торжества в честь 100-летия Отечественной войны 1812 года и выборы в IV Государственную думу — одно за другим поглотили внимание жителей Москвы. Общее между ними все же имелось — и там и там шла «борьба за

массы». От первого события Малиновский остался в стороне, соблюдая рекомендованную «архиосторожность», хотя Москву изредка посещал, так как там по-прежнему находилась его семья, да и с ротмистром Ивановым нужно было встречаться. Зато покровители Малиновского имели к московским торжествам самое прямое отношение.

Официальная подготовка к юбилею началась давно, еще в первые годы царствования Николая II. Расчет был на то, что подъем патриотических чувств укрепит престиж самодержавия; намеченные празднества (25 и 26 августа на Бородинском поле, с 27 по 30 — в Москве) должны были проходить от начала до конца в присутствии царского семейства. Ожидалось большое стечение любопытствующих — до 100 тыс. человек, говорили об «историческом примирении царя с Москвой» после бесславного начала царствования, ознаменованного Ходынкой, и декабрьского восстания 1905 г.

За проведение торжеств отвечал московский губернатор В. Ф.Джунковский, за безопасность царя — высшие чины Министерства внутренних дел. Все они — министр А.А.Макаров, директор департамента полиции С. П. Белецкий, вице-директор С. Е. Виссарионов — заблаговременно приехали в Москву. По долгу службы они, конечно, знали, что надеяться на всеобщий энтузиазм по случаю юбилея не приходится. Во всяком случае нереально было думать, что напоминанием о народном подвиге столетней давности удастся вытеснить из сознания по крайней мере рабочих боль и гнев, вызванные кровавым подавлением стачки на Ленских приисках. Макаров не мог не знать о возмущении его ответом на запрос в Думе по поводу расстрела: «Так было, и так будет впредь!» Газеты, кроме правых, писали о предстоящем событии в Москве и губернии сдержанно, левые с иронией сообщали об участии в празднествах «потешных» — ученической военизированной организации, субсидируемой правительством, и обращали внимание на громадные затраты — в сравнении с по-прежнему мизерными, по их мнению, ассигнованиями на народное просвещение и здравоохранение[230].

Впрочем, о том же — о «расхищении времени и средств» ради «искусственного взбадривания общества» писали и скептически настроенные консерваторы, например, ведущий публицист «Нового времени» М.О.Меньшиков. Предстоящие торжества Меньшиков называл «комедией, которая едва ли кого обманет», она не заменит «действительных успехов власти»[231].

Ответственные за организацию торжеств оказались на высоте. Особенно много сил вложил в это дело губернатор Джунковский,

подробно описавший впоследствии свои труды по благоустройству района сражения и сами торжества. В распоряжение губернатора выделили роту саперов и арестантов из московских тюрем. 18 августа он переехал в Бородино со всей своей канцелярией.

Результаты его усилий, учитывая сжатые сроки, были впечатляющими. Именно тогда были установлены памятники героям Отечественной войны, реставрированы укрепления — Шевардин-ский редут и Семеновские флеши, открыт Бородинский музей. Понадобилось не только привести в образцовый порядок Бородинское поле, но и построить шоссе и временную железнодорожную ветку с платформой и павильоном для стоянки императорских поездов, перестроить станцию Бородино, отремонтировать ведущие к историческим местам дороги, соорудить новые мосты.

До одной из дорог, впрочем, руки не дошли, и когда прибывший на торжества Николай II пожелал совершить поездку верхом на Утицкий курган, сопровождавший его Джунковский предупредил, что дорога после прошедшего ливня будет «отчаянная»; пришлось все время объезжать громадные рытвины и ямы, наполненные водой. Несмотря на это, царь был очень доволен и благодарил Джунковского за то, что увидал, наконец, «настоящую российскую деревенскую дорогу», о которых, по его признанию, он знал до сих пор только по рассказам.

Программа празднеств предоставила царю возможность увидеть и «настоящее» деревенское население: 5 тысяч специально отобранных крестьян из всех губерний во главе со своими волостными старшинами были построены на Бородинском поле «живой стеной» в четыре линии, впереди палаток, в которых они жили несколько дней в ожидании торжественной минуты. За доставленное удовольствие волостных старшин ждал обед в Кремле: «щи, пирог, цыплята с огурцом и сладкое», — пунктуально отметил Джунковский, не забывший переписать и куда более изысканное французское меню парадного обеда в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, устроенного для военно-начальствующих лиц. Удалось разыскать и привезти на празднества нескольких столетних и более старцев — «свидетелей» событий Отечественной войны. Общение с народом продолжалось в виде приемов учащихся московских ремесленных школ и воспитанников приютов, преподносивших императрице, наследнику и великим княжнам изготовленные ими подарки.

Единственный, по словам Джунковского, прискорбный инцидент, подействовавший удручающе на царя, свиту и гостей,

произошел во время смотра войск на Ходынском поле (опять роковая Ходынка!), когда из строя вышел солдат Бахурин, пытаясь подать царю прошение. После смотра командующий Московским военным округом генерал П.А.Плеве полу[232]! и л высочайший выговор, прочие командиры — взыскания, а главный виновник инцидента приговорен по законам военного времени (1) к каторжным работам, но два месяца спустя великодушно помилован царем. Торжества завершились грандиозным всенародным молением на Красной площади с участием тысячи представителей духовенства в парадных, шитых золотом малиновых облачениях; из Успенского собора они вышли к народу на площадь в сопровождении царя и членов царской семьи…

Николай II был удовлетворен: подобные зрелищные мероприятия по случаю исторических юбилеев и сопутствовавший им несомненный, но кратковременный эмоциональный подъем массы зрителей убеждали его в том, что, вопреки всему, единство царя и народа — реальность, и, следовательно, можно игнорировать претензии политических партий и Государственной думы, — «страна правее, чем Дума». Москва казалась ему символом духовной, а значит и политической устойчивости; демонстративно подчеркивая свою симпатию к первопрестольной столице, он пытался найти решение исторического спора между традиционно-национальным и европейским началами в русской культуре и жизни простейшим способом — реставрируя внешние признаки допетровской Руси, имитируя образ народного царя.

На организаторов торжеств пролился дождь наград. Джунковского ожидало назначение товарищем министра внутренних дел, в ведение его переходил департамент полиции. Виссарионова царь пожаловал в последний день своего пребывания в Москве чином действительного статского советника[233]. Вероятно, то, что это произошло в Москве, доставило и «профессору» сыскного дела удовольствие: в Москве он когда-то окончил 1-ю мужскую гимназию на Волхонке, напротив храма Христа Спасителя (как раз в ней двадцать лет спустя учились Шер и Бухарин), затем он учился, как и они, на юридическом факультете Московского университета. Службу он начинал в Московской судебной палате и в 1903–1906 гг. уже заведовал политическим отделом Московского охранного отделения.

Пожалование состоялось по всеподданейшему докладу министра внутренних дел, но вряд ли Макаров упомянул, чем занимался Виссарионов в дни Бородинских торжеств помимо

забот об охране царя. Еще весной 1912 г. во время ревизии Московского охранного отделения вице-директор департамента полиции узнал от начальника отделения Заварзина сногсшибательную новость: секретного со-Iрудника «Портного» социал-демократы намерены выдвинуть в IV Государственную думу, он сам доказывает, как будет выгодно его избрание правительству. 5 мая Виссарионов направил рапорт об згом министру внутренних дел. Новый начальник московской охранки Мартынов, принявший дела у Заварзина в июле, подтвердил: у Малиновского очень сильны шансы пройти в Думу. В связи с этим Белецкий предложил своему заместителю воспользоваться поездкой на Бородинские торжества чтобы лично познакомиться с Малиновским и обсудить все возникающие вопросы.

Первая их встреча произошла в присутствии Мартынова и Иванова. Разговор был, по словам Виссарионова, «обо всех обстоятельствах», в том числе о переезде Малиновского в случае его избрания в Петербург, о жаловании, о месте «работы». Малиновский признался, что не хотел бы «работать» с Петербургским охранным отделением, и встретил со стороны собеседников полное понимание, несмотря на то, что раньше ни один из секретных сотрудников не связывался напрямую с департаментом полиции[234].

Развернутую аргументацию в пользу продвижения Малиновского в депутаты мы находим в письме Мартынова Виссарионову от 25 августа 1912 г. Возможные варианты при том или ином исходе вы**боров** представлялись Мартынову следующим образом: если избрание не состоится, то «серьезность партийных связей «Портного»… приведет или к полному отдалению его от дела или же, в противном случае, при его широкой популярности, к более чем нежелательному провалу». Если же Малиновский пройдет в депутаты, то «он окажется окончательно забронированным от упреков в бездеятельности со стороны своих единомышленников и от возможности непосредственного воздействия розыскных органов империи»[235]. Иначе говоря, не исключалось, что Малиновский откажется от карьеры провокатора. Депутатское звание мыслилось как гарантия от такой нежелательной перспективы: более видное и безопасное положение будет побуждать Малиновского усерднее служить правительству, охранка же, идя навстречу честолюбивым устремлениям провокатора, теснее привяжет его к себе.

Прогноз и тактика, предложенные Мартыновым, были приняты. В департаменте полиции высказывали некоторые опасения начальник особого отдела департамента Еремин и сам Виссарионов, но Белецкий решительно поддержал план

Мартынова. Ни Золотарев (товарищ министра), ни Макаров не возражали[236]. Священного трепета перед Государственной думой никто из них не испытывал. С помощью провокации в свое время сфабриковали предлог для разгона II Думы — мнимый «военный заговор» членов социал-демократической фракции. И Макарову и Белецкому было хорошо известно, как неприязненно относятся к Думе Николай II и его ближайшее окружение.

Расчищать Малиновскому дорогу в Думу пришлось немедленно. Для участия в выборах рабочим полагалось иметь как минимум шестимесячный стаж работы на одном предприятии. 14 февраля 1912 г. Малиновский поступил на небольшую красильно-аппретурную фабрику В.Фёрмана в подмосковном селе Ростокино (450 рабочих), но незадолго до истечения необходимого срока у него возник конфликт с мастером Кривовым, который решил, что Малиновский претендует на его место. Малиновский действительно выражал недовольство своим положением на фабрике, не соответствующим, как он заявлял, его квалификации, но скорее всего, ради того, чтобы обратить на себя внимание. В результате усилий Кривова как раз в августе Малиновского уволили. Выход охранка нашла в том, чтобы во время торжеств на Бородинском поле арестовать приехавшего туда Кривова, немало тем изумленного, так как он считался «человеком благонамеренного образа мыслей и поведения», хотя, по словам Малиновского, «он слыл среди рабочих за прохвоста, и те его не любили». Под стражей Кривова продержали две недели; за это время запись об увольнении Малиновского в фабричной конторской книге превратилась в запись об отпуске[237].

Подсказали ему, как поступить, юристы-меньшевики, и, когда Фёрман пожаловался на незаконность избрания уполномоченным от его фабрики «бывшего рабочего», уездная комиссия по делам о выборах сочла претензию неосновательной. Получив из канцелярии губернатора жалобу Фёрмана, комиссия ответила 21 сентября, что его заявление «не подкреплено никакими доказательствами» и что «к отмене выборов оснований на найдено». На ответе комиссии сохранилась пометка красным карандашом: «Малинов-гкого внести вновь». Сам Малиновский впоследствии с удовольствием рассказывал, как он тогда «ловко вывернулся»[238].

Ко времени работы Малиновского на ростокинской фабрике относится единственная сохранившаяся семейная фотография: Малиновский с женой и двумя сыновьями — шестилетним Владимиром и двухлетним Виктором. Дети в матросках, глава семейства тоже нарядный, с бантом; лицо — по сравнению с

фотографией на жандармской карточке 1910 **г.** — округлившееся.

Вывод, к которому в 1917 г. пришла Чрезвычайная следственная комиссия — Малиновский стал депутатом благодаря стараниям охранки, — пережил Временное правительство. Но, приняв этот вывод как исчерпывающий существо дела, советские историки потеряли интерес к истории самих выборов, о которых (в отличие от выборов в других промышленных губерниях) нельзя прочитать ни в одном из исследований.

Охранка, как мы увидим, действительно сделала все от нее зависящее, чтобы убрать возникшие на пути Малиновского в Думу препятствия. Но, во-первых, она не могла прямо предписать участникам выборов угодный ей конечный результат, во-вторых, этот результат нельзя было предугадать из-за сложности избирательной системы.

Закон 3 июня 1907 г. о выборах в Государственную думу предусматривал обязательное избрание шести депутатов-рабочих, по одному из каждой из шести промышленных губерний, в том числе от Московской, исключая, однако, Москву. Рабочие, допускавшиеся к выборам, сначала выбирали на своих предприятиях уполномоченных, те, в свою очередь, выборщиков, из числа которых и избирался депутат. На этой последней стадии выборов голосовали ныборщики от всех курий; рабочие-выборщики были среди них в меньшинстве (в Московской губернии — 9 человек). Только если эта горстка рабочих выдвигала общего кандидата, правым и буржуазным выборщикам ничего не оставалось, как проголосовать за их избранника или же на худой конец воздержаться; здесь для избрания было достаточно трети голосов.

Несмотря на отстранение рабочих Москвы от выборов, важно было выбрать депутата, которого и они могли бы считать своим представителем. Чтобы обеспечить полное единодушие выборщиков-рабочих, необходимы были целенаправленные усилия и, конечно, нельзя было обойтись только узаконенными, легальными собраниями. Нужны были, наконец, деньги для разъездов по губернии. Они поступали и от большевиков и от меньшевиков. Так, 200 руб. прислало Заграничное бюро ЦК РСДРП, 15 руб. внес Г.М.Кржижановский, 50 — В.Н.Малянтович[239].

О намерении создать в Москве кружок из возможных кандидатов и подготовить их для ведения избирательной кампании говорилось еще на Пражской конференции[240]. Всю кампанию направлял объединенный социал-демократический избирательный комитет, в который вошли, главным образом,

представители партийной интеллигенции, имевшие сравнительно прочное легальное положение: большевики В.А.Обух и Д.И.Курский, примыкавший в прошлом к большевикам В.М.Фриче, меньшевики А.М.Никитин и В.Н.Малянтович[241]. Комитету помогали члены московской студенческой социал-демократической организации, ее возглавлял Лев Суница — студент-математик, большевик, но с примиренческими, объединительными тенденциями[242].

Оказались в составе комитета и опытные провокаторы — журналист М.Танин (С.А.Регекампф) — он числился большевиком — и старый знакомый Малиновского член Московского областного бюро РСДРП «Кацап» (А.А.Поляков); оба исправно информировали охранку о работе комитета и ходе избирательной кампании. Тем же занимался сам Малиновский. Посильно освещали выборы еще несколько агентов калибром поменьше[243].

Подробностью донесений состязался с Малиновским Поляков, имевший в охранке кличку «Сидор». Подозревавшие его большевики находились в сибирской ссылке. Его репутация солидного рабочего-партийца в общем не пострадала и от того, что незадолго до выборов он принял участие в Августовской конференции в Вене. Конференция была созвана под флагом единства всех социал-демократов, в противовес Пражской, но среди делегатов преобладали эмигранты, и на их фоне Поляков, приехавший из России, выглядел совсем неплохо. Л.Мартов считал его «почти ленинцем», представителем большой рабочей организации, члены которой сначала признали Пражскую конференцию, а потом «передумали»[244]. В Вене Поляков занимал самую левую позицию, оспаривал мнение ликвидаторов, будто в России нет прочных ленинских организаций[245]. Правда, темные слухи о Полякове дошли и до Ноны, но инициатор конференции Л.Д.Троцкий счел их «фракционной интригой». Видимо, по возвращении с конференции Поляков передал москвичам благосклонное мнение лидеров Августовского блока о Малиновском, который казался им фигурой того же плана, что и он сам, — выдающимся рабочим, пусть ленинцем, но не безнадежным…[246].

Погубила Полякова случайность. Уже в конце избирательной кампании, в октябре, некто, назвавший себя уволенным со службы чиновником охранного отделений, — как выяснилось потом, филер Егор Клинков — сообщил по телефону Малянтовичу и Никитину, что в избирательном комитете «есть Азеф», и довольно точно описал Полякова[247] (примечательно, что после отстранения от партийной работы Поляков, пытаясь оправдаться, обращался ла содействием к «товарищу

Малиновскому», по-прежнему не подозревая, что тот его товарищ и на другом поприще[248]). Выход «Сидора» из игры явился для охранки большой потерей; Виссарионов, которому доложили о происшествии, выразил в связи с.тим обеспокоенность за Малиновского…[249].

Избирательный комитет решил поддержать его кандидатуру в середине сентября, но вначале в принятое решение посвятили немногих рабочих. К тому же Малиновский не мог быть широко известен на предприятиях губернии, так как лишь недавно перешел на подмосковную фабрику. Преувеличенные, как выяснилось, надежды возлагал он на своих петербургских друзей, таких, как бывший казначей союза металлистов С.П.Ершов; они посетили по его заданию несколько фабрик, агитировали за Малиновского, но без особого успеха. Поляков даже утверждал, что деятельность их заключалась в беспрерывном пьянстве и спаивании некоторых уполномоченных[250]. 23 сентября он же сообщил в охранку: «Дело популяризации названной кандидатуры продвигается вперед очень медленно, так как на местах, требуют определенных, засвидетельствованных партийной печатью мандатов, кои давали бы уполномоченным от рабочих видеть в товарищах Малиновского людей, работающих не от своего имени, а по поручению партии»[251].

Большинство уполномоченных познакомилось с Малиновским уже в Москве. Приехав за день до официального съезда уполномоченных, они остановились в предоставленном в их распоряжение городским головой «Доме трудолюбия», что по Большому Харитоньевскому переулку. Здесь и появился впервые перед ними Малиновский, и, как случалось нередко, самое первое впечатление было не в его пользу.

Один из уполномоченных, предположительно И.Т.Савинов, так описал эту встречу (блокнот с наброском «Воспоминаний о Р.М.» был отобран у него при обыске в 1914 г. и сохранился в архивной коллекции «вещественных доказательств»): «… Я увидел фигуру Р.М., который с карандашом в руках стоял среди группы рабочих и рассказывал о себе…, во всем придавая…своей личности значение… [Он] имел около себя…молодцов не более десятка. Но вид их внешний не привлекал малейшего доверия. Да и он сам в этом нисколько не сомневался. И поэтому старался подстроиться к каждому». По словам уполномоченного Косенкова, «он был похож в то время на попугая, бросаясь от одного к другому и повторяя слово каждого наподобие попугая». Самому И.Т.Савинову Малиновский напомнил Хлестакова; он «чрезвычайно энергично хлопотал о том, чтобы пройти в Думу» и «особенно ухаживал за мной».

Собравшихся поначалу насторожила такая настойчивость. В тех же «Воспоминаниях о Р.М.» говорится: «…Один из уполномоченных сказал ему вслед…что вот будет депутат. Его слова мне показались очень странны: почему он, а не другой кто еще?…Меня осаждали товарищи и сообщали, что здесь распускают слух, что депутатом должен быть Р.М.Товарищи спрашивали: знаете ли его или нет и как нам к нему относиться?»[252]

Уполномоченные-большевики Балашов, Миритеев, Овчинкин, знавшие уже о директиве ЦК РСДРП, составили предварительный список кандидатов в выборщики и усиленно агитировали за Малиновского. Отношение к нему решительно изменилось, когда он выступил с речью. «Сотни глаз устремились в одну точку и как острия впились в мощную фигуру, поднявшуюся на трибуну. Шапка курчавой, густой шевелюры затряслась в воздухе, серебром заискрилась в блеске огня, а стальной, грудной, властно манящий к себе и гипнотизирующий голос звоном пронесся в свободном пространстве зала»[253]. К тому же оратор говорил о том, что собравшиеся хотели от него услышать, — о нелегком положении рабочих, о незабываемом 1905 годе…

Агитация продолжалась во время съезда уполномоченных. Съезд открылся утром 30 сентября в здании Городской думы. Из 232 его участников 85–90 были определенными социал-демократами, не считая сочувствующих; рабочих правого толка оказалось всего лишь двое. Выборщиками избрали только социал-демократов, за них голосовали и эсеры, и беспартийные. Больше всех голосов получил И.Т.Савинов, 29-летний рабочий Пехорской мануфактуры, — 175, следом за ним шел Малиновский — 170; Савинов объяснял свое первенство тем, что, не зная о намерениях партийного центра, вел избирательную кампанию самостоятельно, лично побывал на «громадном количестве» фабрик и заводов[254]. Но сведениям агентуры, Малиновский держался на съезде «нагло и вызывающе, публично выставляя свою принадлежность к социал-демократии и хвастаясь теми карами, которые он понес за свои убеждения»[255].

7 октября рабочие-выборщики провели нелегальное собрание с участием некоторых представителей московской социал-демократической организации. Они приняли большевистский наказ будущему депутату и тайным голосованием решили отстаивать Малиновского. 13 октября состоялось еще одно такое собрание — на квартире Малиновского. На том и другом председательствовал Савинов[256], смирившийся скрепя сердце с тем, что не ему быть депутатом.

К выборам по рабочей курии проявили немалый интерес

московские либералы. Городской голова октябрист Н.И.Гучков, председательствовавший на съезде уполномоченных, подметил главное, что отличало избирательную кампанию 1912 г. от предыдущей: теперь уполномоченные от рабочих представляли собой «совершенно новую, партийно-дисциплинированную массу». Не без удивления отметил он и то, что уполномоченные держались с большим тактом, спокойно выслушивали возражения, давали высказываться всем желающим[257]. Кадеты и прогрессисты устроили даже отдельную встречу с рабочими-выборщиками — 25 октября, в доме известного педагога К.К.Мазинга. «Им, — вспоминал И.Н.Миритеев, — редко соприкасавшимся с рабочими, было интересно, видимо, знать наши мысли и взгляды, и как мы реагируем на политические события, а потому они закидывали нас вопросами один за другим»[258].

Примерно в это время, почти на финишной прямой возникло ще одно непредвиденное препятствие. Вопреки тому, что Малиновский утверждал впоследствии (поступить на службу в охранку и 1910 г. его вынудили угрозой разоблачения старой его судимости за воровство), об этом он решился поведать Мартынову лишь накануне выборов — как выразился потом Белецкий, «в минуту крайности»[259]. Раньше в беседах с Мартыновым «Портной» ограничивался туманными намеками на то, что «за ним есть прошлое»[260]. Признание Малиновского оказалось новостью для всех заинтересованных лиц. Очевидно, ни у Заварзина, ни у Мартынова, ни у Иванова, если бы они заранее знали, о чем идет речь, не был оснований скрывать от департамента полиции факт биографии Малиновского, который грозил срывом всего намеченного плана: осужденные за кражу со взломом не имели права на участие в выборах.

Неприятная новость повергла руководителей департамента в замешательство. Решено было, однако, не отступать. 12 октября министр внутренних дел Макаров, посоветовавшись с подчиненными, распорядился «предоставить дело избрания его естественному ходу». Можно подумать, что это было равносильно приказу самоустраниться, но руководители полицейского ведомства и их подчиненные хорошо понимали друг друга. 17 октября Белецкий передал многозначительное распоряжение министра Мартынову; через два дня Мартынов ответил: «Дело предоставлено его естественному ходу. Успех обеспечен»[261].

Чем же именно был обеспечен успех? Согласно объяснению Белецкого, Малиновский тут же съездил в Плоцкую губернию и добыл себе посредством взятки свидетельство о несудимости[262]. Малиновский на суде в 1918 г. отрицал факт поездки и, видимо,

на сей раз был прав: отлучаться из Москвы у него просто не было времени. Не помнил о такой поездке и Иванов[263]. Вероятно, необходимую операцию Мартынов проделал самостоятельно (может быть, по подсказке Малиновского), даже не поставив в известность московского губернатора, о чем они условились с Белецким. Директор департамента полиции, однако, считал это простительным; слишком уж ясно обнаружил он свое горячее желание видеть «Портного» депутатом, а Мартынову неловко было перед директором, что заранее не собрал все сведения о Малиновском.

Как бы то ни было, но, если еще в сентябре Фёрман, жалуясь на избрание Малиновского уполномоченным, называл своего «бывшего рабочего» шляхтичем (причем уроженцем Варшавской губернии), то с октября Малиновский уже числился крестьянином Плоцкой губернии, Липновского уезда, гмины Чарны, деревни Глодово[264]. Это был тот самый район Польши на границе с Германией, где двадцатилетним он совершил первую кражу; тогда, после задержания, его препроводили в Чарненский арестный дом, откуда он бежал, разломав печь…

Самое последнее препятствие, устранить которое охранка была уже не в силах, состояло в том, что неожиданно уклончивую полицию занял выборщик А.И.Безлепкин, рабочий Коломенского завода. На нелегальные совещания выборщиков он просто не являлся, а в других случаях отделывался репликами неопределенного характера. Уговорить его не нарушать единство рабочих пробовали члены избирательного комитета Д.И.Курский и А.М.Никитин; И.Т.Савинов, которого обязали не расставаться ни на миг с Безлепкиным, убеждал его всю ночь накануне съезда выборщиков. И все же до последнего момента полной уверенности в том, что он не подведет, не было[265]. Раздосадованный Малиновский **даже** воскликнул, обращаясь к Миритееву: «Что мне делать, или размозжить ему голову вот этой тростью или утопить в грязной канаве?»[266], а по другой версии ударил-таки соперника — правда, не по голове, а в грудь.

У меньшевиков, информировал 18 октября Ф.И.Даи П. Б.Аксельрода, дела по рабочей курии далеко не блестящи, «в Москве пройдет Малиновский, по-видимому, член ленинского ЦК», но и в других городах существует «грозная опасность быть побитыми»[267].

Губернский избирательный съезд для выборов депутатов собрался 25 октября в зале Благородного собрания. Кадетам сообщили заблаговременно о сложившейся ситуации, они обещали голосовать за Малиновского. Правые выборщики, как и ожидалось, предложили Безлепкина, назывались и другие

кандидатуры, но только Малиновский заявил «громко, на всю залу»: «По желанию социал-демократической партии я согласен баллотироваться». Активно противодействовали ему духовные лица: пытаясь повлиять на выборщиков — крестьян, они твердили, что голосовать за поляка и католика — грех. Голосовали трижды, и лишь после того, как Безлепкин, несмотря на возгласы справа — «просим, просим», окончательно снял свою кандидатуру, заявив об пом «тихим и колеблющимся голосом». Кандидатура Малиновского собрала необходимое количество голосов — 38 из 91[268].

Гак осуществилась мечта, которую давно лелеял Роман Малиновский. Своим избранием он был обязан в первую очередь авторитету РСДРП, от имени которой выступал. Именно РСДРП, ибо и мету пал он как сторонник единства обеих фракций, и не только большевики, но и меньшевики оказали ему содействие. Помогли и кадеты. Как и в других пяти губерниях, от которых в Думу прошли рабочие-большевики, решающую роль сыграли факторы общероссийского значения: рост активности радикального слоя рабочих, возрождение нелегальных партийных организаций (на фоне политической индифферентности большинства рабочих).

Собственно, выборы в IV Думу и выявили наличие этих «самочинных» организаций, ранее не имевших часто связи с партийными центрами[269]. К осени 1912 г. в Москве насчитывалось 40 социал-демократических ячеек и групп, объединявших 480 членов партии (в том числе 300 рабочих), в Московской окружной организации — соответственно 30 и 400[270]. «От исхода выборов зависит очень многое для строительства партии», — заключал Ленин[271].

Итоги подводили тогда же в департаменте полиции, после второй встречи Виссарионова с новым депутатом. И здесь пришли к выводу, что выборы пошли на пользу революционерам: «до этих выборов левые не являли еще той сорганизованности, какую они явили позднее», отмечал Джунковский[272]. Но избрание Малиновского, полагали будущие подчиненные Джунковского, перекрывает этот отрицательный результат.

13 ноября выборщик Ф.А.Балашов с гордостью сообщал товарищу в Петербург: «Вчера проводили к вам нашу силу в лице Малиновского»[273]. А десять лет спустя И.Н.Миритеев, вспоминая московские выборы, сокрушенно писал: Малиновский «был ничем иным, как марионеткой, которую дергали за нити царские жандармы, и лишь его искусство казаться безупречным, а может быть и внутренняя борьба, склонявшая его к искренности, ввела в заблуждение и ЦК и самого Ильича, доверявшего Малиновскому,

а также и нас — выборщиков… Мы выбрали депутата-провокатора, потому что мы были членами партии и подчинялись ее директивам. Это были гримасы прошлого нелегального революционного движения, и они темным покрывалом закрывали все светлое и честное…»[274]. Объяснение не исчерпывающее, но более здравого о причинах возвышения Малиновского больше никто из современников-большевиков не сказал. Но и Миритеев не мог предвидеть, что «гримасы прошлого» получат трагическое продолжение, когда, подчиняясь директивам партии, большевики будут покорно уничтожать друг друга…

Глава 4. КАРЬЕРА

Человек свободен, когда ему не нужно выбирать. Свобода воли, вечно стоящая перед устрашающей необходимостью делать избрание навязанного со стороны и сверху, порабощала и угнетала человека.

Н. А. Бердяев

Сомнительно, чтобы Малиновскому когда-нибудь попадались на глаза строки поэтов «серебряного века», посвященные Петербургу: «Нет! Ты потонешь в тине черной, проклятый город, Божий враг!» (З.Гиппиус) — или: «Бессмысленный город, впутанный в дымы трубного леса» (В.Маяковский). «Рабочая интеллигенция» питалась другой духовной пищей. Но если бы Малиновский и прочитал эти стихи, они не нашли бы отклика в душе «слуги двух господ». Петербург по-прежнему притягивал Малиновского-революционера и Малиновского-провокатора. И не только хорошо знакомый ему «Питер», Петербург заводских окраин, но и глубоко чуждый поэтам официальный, казенный Санкт-Петербург, тот, говоря словами Александра Бенуа, «солдафон с палкой», каким он оставался «для прежней, большой, доброй, неряшливой России».

На пороге зимы 1912 г. Роман Малиновский, совсем недавно шляхтич, а теперь волею судеб крестьянин, вернулся на законном основании в столицу Российской империи, и перед ним — не посетителем, как когда-то, а полноправным депутатом — распахнулись, наконец, заветные двери Таврического дворца.

Построенный в царствование Екатерины II для Потемкина и превращенный Павлом I в пику матери в конюшню, дворец пережил в 1906 г. второе рождение: зимний его сад перестроили в зал заседаний Государственной думы. Как бы не оценивалось место того учреждения в политической системе царской России, ответственность депутатского звания сознавал каждый, кого избрали в Думу. «Страшно говорить в Государственной думе», — признавался В.В.Шульгин, человек неробкого десятка, сравнивая украшенную двуглавым орлом кафедру с Голгофой. Что же должны были в таком случае испытывать, поднимаясь на эту «Голгофу», малообразованные депутаты из народных низов, не вхожие до того ни в какие дворцы?

В 1913 г. получила распространение фотооткрытка: 14 членов

социал-демократической фракции IV Государственной думы стоят в парке позади Таврического дворца; в центре группы двое — Н.С.Чхеидзе (он возглавлял фракцию и в III Думе) и Р.В.Малиновский. Всего лишь 14 из 442 — меньше любой думской фракции, кроме трудовиков. В новом — «парламенте», социальный и партийный состав которого предопределила измененная 3 июня 1907 г. избирательная система, а также широкомасштабные злоупотребления администрации во время выборов, 185 мест принадлежало правым, 107 — либералам и 98 — октябристам[275]. В таком плотном окружении ни о какой самостоятельной «законодательной» деятельности рабочие депутаты не могли помышлять, а тем, кто имел такое намерение, Ленин скоро объяснил, что это не нужно. В чем они не сомневались, так это в том, что их слово будет все-таки услышано за пределами Таврического дворца, где продолжало неуклонно расти стачечное движение. В 1912 г. число забастовщиков достигло 1,5 млн., свыше миллиона из них участвовало в политических стачках.

Группе депутатов-большевиков отводилась роль легального центра, способного вести в более или менее прикрытом виде революционную агитацию и воздействовать тем самым на рабочее движение. Вторым таким центром была издававшаяся в Петербурге с апреля 1912 г. «Правда», направляемая из-за границы Лениным; здесь предполагалось печатать без изъятий речи рабочих депутатов. Осенью еще одну легальную рабочую газету — «Луч» — стали издавать меньшевики.

5 декабря 1912 г. Малиновский разослал по нескольким московским адресам письмо с отчетом о начале своей депутатской деятельности. «По приезде в Питер я, конечно, присоединился к прежде приехавшим товарищам, — писал он. — К открытию Думы сорганизовались в социал-демократическую фракцию. Во фракцию вошло 13 товарищей; из них 6 рабочих товарищей, которые прошли только от рабочей курии, и 7 товарищей от общей курии». Номер «Правды» с их биографиями Малиновский обещал прислать «в более или менее достаточном количестве». Далее в письме сообщалось, что фракция отказалась участвовать в голосовании по составу президиума Думы, так как президиум, избранный враждебным рабочему классу большинством, будет неизбежно вести борьбу с социал-демократами: «Выбирайте кого хотите, мы все же используем Думу в интересах народа».

Вторым и наиболее важным выступлением фракции — оно еще было впереди — Малиновский назвал ответ на правительственную декларацию, с которой должен был выступить

председатель Совета министров В. И. Коковцов. «В этом ответе мы должны высказать все те требования, которые высказывает сознательный пролетариат. Мы должны открыто и ясно осветить политику правительства и правящих классов; должны выяснить настоящее положение рабочего движения и зачем мы пошли в Думу. Мы должны сделать это в наиболее полной форме».

Ответ (декларация) фракции, сообщал Малиновский, «уже составляется нами на ежедневных собраниях»[276]. Известно, что подготовка декларации заняла много времени. Большевик Н.Н.Крестинский писал еще 14 ноября, что участвует в обсуждении ее проекта[277]. Этот проект написал меньшевик Ф.И.Дан, но в результате обсуждения почти все умеренные (с точки зрения большевиков) формулировки были отвергнуты, а более решительно звучащие ленинские положения (из присланного петербургским большевикам письма «К вопросу о некоторых выступлениях рабочих депутатов») включены в окончательный текст[278].

Малиновский, естественно, умолчал в своем письме о том, что за обсуждением во фракции последовало еще одно «обсуждение»: 27 ноября он представил текст декларации Белецкому, сообщив, что именно ему как рабочему фракция поручила ее огласить. По словам Белецкого, Малиновский отстаивал «каждый пункт», опасаясь в случае существенных изменений возбудить у других членов фракции и «сведущих лиц» подозрения. В конце концов договорились, что своим поведением на кафедре Малиновский выведет из себя председателя Думы М.В.Родзянко, и тот лишит его слова. «Исправленный» текст Белецкий показал министру внутренних дел Макарову, и 30 ноября Малиновский получил его обратно[279]. Свои письма в Москву он направил, таким образом, уже после осуществления необычной цензурной операции, и в свете этого факта становится очевидным, насколько лицемерными были его рассуждения в тех же письмах насчет того, что буржуазные газеты будут сокращать и искажать речи членов социал-демократической фракции, а потому нужно, чтобы рабочие выписывали и требовали у газетчиков «Правду».

Дебют Малиновского состоялся 7 декабря. Ожидания департамента полиции оправдались при этом лишь отчасти. Предполагалось, что Родзянко позволит прочитать не более трети текста, на деле же Малиновский прочитал декларацию почти целиком, несмотря на шум справа и неоднократные замечания председателя. Пропустил он только, якобы из-за волнения, важное место, где разоблачался противонародный характер третьеиюньского избирательного закона, которому

противопоставлялось требование «полновластного народного представительства» на основе всеобщего и равного, прямого и тайного избирательного права, без различия пола, национальности и религии. Выпал также пункт о культурно-национальной автономии, включенный по настоянию меньшевиков. Но другие революционные положения декларации прозвучали с полной определенностью. В конце своего выступления Малиновский провозгласил намерение рабочих депутатов «работать для приближения того часа, когда всенародное учредительное собрание положит начало полной демократизации государственного строя России и тем самым расчистит пролетариату путь для борьбы за освобождение от цепей наемного рабства, для борьбы за социализм»[280].

Автор текста Ф.И.Дан намеренно поставил эти «страшные слова» в конец декларации, понимая, что в противном случае оратора могут сразу лишить слова[281]. Расчет оказался правильным. К тому же Родзянко, сделавший Малиновскому по ходу речи несколько предупреждений, не понял прямого сигнала Малиновского, брошенного как раз перед этими последними словами, — «Лишайте!», и позволил ему таким образом дочитать декларацию до конца.

Своими способностями и опытом участия в легальном движении Малиновский превосходил остальных рабочих депутатов. Но сразу после выборов современники обращали внимание прежде всего на то, что вся большевистская шестерка (Р.В.Малиновский, А.Е.Бадаев, М.К.Муранов, Ф.Н.Самойлов, Г. И. Петровский, Н.Р.Шагов) оказалась сильнее рабочей части третьедумской социал-демократической фракции. Так, В. Н.Лобова, хотя и выделяла московского депутата, который «обещает стать русским Бебелем», вместе с тем считала «очень удачной» всю новую фракцию и особенно ее большевистскую часть[282]. «… Выбрали действительно лучшую публику — по влиянию, партийности, преданности делу», — писала после первой встречи с депутатами Н. К. Крупская[283]. В другом письме она характеризовала их как «архипартийную публику», «стоящую много выше среднего уровня»[284]. «В куриальной шестерке не один Малиновский, — радовалась она, — крупные величины Петровский и Самойлов; Шагов тоже хороший оратор и партиец, Бадаев учится и быстро растет»[285]. И снова (в письме Л.М.Горькому): «Я четырех видела пока, один мне меньше понравился, хоть и партиец он очень и делу предан, но шаблонный очень, зато трое других — такая уж публика великолепная, вся душа у них в деле, и искренности, убежденности уйма. Остальных двух тоже хвалят, особенно

иваново-вознесенца… Малиновский к Вам все стремился…»[286].

Костромского депутата Шагова Крупская перехвалила — оратором он оказался неважным, и можно было бы все эти оценки посчитать завышенными, излишне восторженными, если бы они не совпали с мнением достаточно искушенных депутатов-меньшевиков Н.С.Чхеидзе и М.И.Скобелева: самый последний депутат из шестерки, заявили они, не уступает лучшему рабочему депутату III Думы[287] (таким считался рабочий-меньшевик из Екатеринослава Г.С.Кузнецов). Более сдержанно, но все же положительно характеризовал фракцию Ф.И.Дан: «Что касается членов фракции, то большинство их — очень дельные и толковые люди. Таковые имеются и в меньшинстве (то есть среди большевиков — Я.Р.). Но они сбиты с толку, презрительно отзываются о думских «речушках» и, по-видимому, главной задачей считают борьбу с крамолой (то есть с «ликвидаторством» — ***И.Р.)***. Таких, однако, в сущности всего лишь трое»[288]. Вероятно, Дан имел в виду Малиновского, Муранова и кого-то еще из депутатов-большевиков. Бывший петербургский депутат, когда-то ленинец левее самого Ленина Г.А.Алексинский в письме Бадаеву с похвалой отозвался о первых выступлениях Малиновского, Петровского и Муранова: «вообще теперь, — писал он, — стало интересно читать речи социал-демократических депутатов, тогда как третьедумские речи были скучны и мало социал-демократичны»[289].

При таком составе фракции предложения Малиновского не всегда находили поддержку, в чем-то ему приходилось «подделываться» к другим депутатам[290]. Петровскому, который завидовал Малиновскому, превосходство его не казалось абсолютным: «Малиновский в понимании практического и профессионального рабочего движения был выше всех нас, но в области теории был полный болван…»[291]. Действительно, московский депутат не прошел школу нелегальных марксистских кружков; Петровский и другие рабочие, вступившие в социал-демократическое движение до первой революции, «теорию» знали, может быть, лучше. Но в Думе необходимо было и многое другое и прежде всего ораторские данные. Большевистское руководство намеревалось использовать «ильные стороны Малиновского. Приобретенная им известность оратора на рабочих собраниях и общественных съездах давала основания верить в его успех на думской трибуне.

С другой стороны, быстро обнаружились особенности его характера, осложнявшие коллективную работу: высокомерие и крайняя неуравновешенность. «Как цекиста, — свидетельствует Ленин, — мы ценили Малиновского именно за его агитаторскую

и думскую деятельность особенно: как организатор он казался нам слишком нервным и неровным с людьми»[292]. Почувствовали это прежде всего депутаты. При обсуждении на заседаниях фракции даже незначительных вопросов Малиновский нередко выходил из себя, впадал в истерику, третировал товарищей[293]. Как говорила потом Е.Ф.Розмирович, «это был ад. Учинял этот ад сам Малиновский, скандаля колоссально из-за всякого пустячка»; он «чуть не стулья ломал»[294]. Это вызвало отпор и жалобы депутатов, жаловались и местные работники, в связи с чем Ленин вспоминал аналогичный печальный опыт с некоторыми депутатами I и II Государственных дум, заключая отсюда, что «высокое звание» члена Думы кружит голову и иногда «портит» людей. Малиновскому выговаривали, требовали от него более товарищеского отношения к коллегам по фракции, но помогало это лишь на время[295].

«… Малиновский по характеру своему был горяч и вспыльчив, самолюбив и властолюбив. Он имел о себе очень высокое мнение и заметно проявлял тенденцию играть роль руководителя, обладая при этом изрядной долей нахальства», — вспоминал Федор Самойлов. Он же описал инцидент, иллюстрирующий эту характеристику. Предполагалось организовать в Поронине партийную школу для рабочих, наподобие школы в Лонжюмю: для начала Заграничное бюро ЦК пригласило приехать на летние думские каникулы 1913 г. депутатов-большевиков. Сразу выразили согласие только Малиновский и Муранов, остальные доказывали, что следует использовать каникулы прежде всего для встреч с избирателями и до кладов местным партийным организациям, а уж потом отправляться за границу. В этом духе фракция и приняла решение, но недовольный им Малиновский «сорвал с себя часы и бросил их о стол так, что они разбились, и еще долго кричал и волновался»[296]. Еще об одном конфликте упоминала накануне Поронинского совещания Крупская: «Боимся, что благодаря трениям с Костей Шагов не приедет, а между тем его присутствие чрезвычайно важно»[297].

В сравнении с деловыми достоинствами Малиновского все это казалось, однако не столь важным. Главной сферой проявления этих достоинств была думская трибуна. Поэтому о думской работе, а также о легальной ««Правде» больше всего беседовал с ним Ленин во время посещений Малиновским Кракова и Поронина (первая после Пражской конференции встреча состоялась еще до открытия Думы; тогда у Ленина побывали из новых депутатов только Малиновский и Муранов, и Ленин писал после встречи: «Впечатление превосходное… Почва

богатая, но нужна долгая работа…»)[298]. Это впечатление укреплялось подмеченной тогда же депутатами-меньшевиками «рабской преданностью» Малиновскому Ленину[299].

Впоследствии, после разоблачения Малиновского, иные современники утверждали, что его выступления с думской трибуны отличались от выступлений других рабочих депутатов большей умеренностью, «приглаженностью»[300]. Этой оценке противоречит отсутствие замечаний такого рода со стороны Заграничного бюро ЦК и, напротив, недовольство тех, кто действительно занимался в какой-то степени «приглаживанием» речей, — Белецкого и Виссарионова. Неудовольствие Белецкого вызвала, например, эффектная концовка выступления Малиновского по смете Министерства торговли и промышленности: «Ни гроша правительству, руки которого обагрены кровью ленских рабочих!» (выговор был сделан, однако, после произнесения речи). Необходимо учесть еще одно обстоятельство: если проект речи готовили состоявшие при фракции «сведущие лица», помогавшие депутатам и находившиеся в Петербурге (Е.Ф.Розмирович, Н.В.Крыленко и др.), Малиновский обычно записывал с их слов основные тезисы, которые потом развивал. Розмирович сравнивала его речи в Думе не с выступлениями других депутатов, а с тем, что говорил сам Малиновский на заседаниях фракции, а говорил он «необыкновенно увлекательно и красноречиво», но в Думе те же его рассказы и впечатления «выходили гораздо бледнее, он как бы смягчал острые углы… по сравнению с первоначальным планом», объясняя это трудностями выступления во враждебной аудитории[301]. Но, конечно, эти речи не сочинялись в охранке, как писал в своих воспоминаниях не очень осведомленный на сей счет П.Н.Милюков[302].

Как воспринимали его выступления депутаты Думы г~ не большевики? Авторитетно в данном случае мнение Родзянко: речи Малиновского, признавал председатель Думы, были очень резкие и в то же время «чрезвычайно интересные, очень увлекательные и обоснованные… и так осторожно составленные, что мне не приходилось прибегать к цензуре»[303]. «…Что аудитория ему внимала, несмотря на резкость его выступлений, — это несомненно», — вспоминал Чхеидзе[304]. И бесспорно, что ему почти не приходилось слышать злорадные выкрики правых депутатов: «Читает!..» (выступать, читая речи по бумажке, не полагалось!).

Малиновский не следовал рабски и тем проектам речей, которые присылались из-за границы, он обогащал их разнообразным фактическим и в том числе автобиографическим

материалом, живыми наблюдениями, которых подчас не хватало в речах его менее умелых товарищей. Приводимые им факты всегда были уместны и подавались как типичные, создавая правдивую картину положения большинства рабочих.

Ряд таких примеров он привел в первой же своей речи, перед тем, как прочитать декларацию социал-демократической фракции. Говоря о положении рабочих, он вспомнил о железнодорожных предприятиях, где ему самому «чтобы не лишиться куска хлеба, пришлось работать в месяц по 78 сверхурочных часов; на 14-е воскресенье только я имел отдых» (по-видимому, он имел в виду Сокольнический трамвайный парк). Утверждая, что у рабочих «вера в законность разрушена», он нарисовал картинку с натуры: «Без десяти минут двенадцать на одной из фабрик подходит мастер и говорит рабочему: «Ты чем сегодня занимался? — Я вот рамы собирал. — Это, брат, мало, ты ничего сегодня не делал, и поэтому сегодня за полдня я ничего не заплачу… И в ту же самую минуту подходит другой рабочий, который должен получить расчет через 2–3 дня, и спрашивает меня: товарищ Малиновский, ведь он же и мне полдня не запишет, хотя я с вами вместе работал и весь в поту»[305]. Доказательность и логичность речи ослабили бдительность Родзянко перед чтением декларации, что и привело к нежелательному для полицейских цензоров Малиновского результату.

Первую думскую сессию социал-демократические депутаты начали целой серией запросов правительству, требуя признать их спешными. В защиту спешности выступал и Малиновский — по трем запросам из четырех. Последний запрос касался взрыва на Охтенском пороховом заводе, унесшего 60 человеческих жизней. От этого частного факта Малиновский поднялся до обобщений, используя сравнительную статистику несчастных случаев на производстве в России и в других странах для доказательства того, что взрыв не был простой случайностью, и смерть людей на совести военного министерства, сознательно пренебрегавшего безопасностью рабочих. Проект речи подготовил Зиновьев[306], но и на этот раз Малиновский сослался на собственные впечатления:

«Я сам был на месте взрыва, я собственными глазами видел изуродованные тела, я слышал стоны раненых, я видел слезы сирот и вдов, я видел траурную десятитысячную толпу, которая молчаливо шла за погибшими товарищами, я слышал проклятия, срывавшиеся с уст самых мирных, самых тихих и спокойных людей, я наблюдал ропот, справедливый ропот возмущения во всех рабочих кварталах Петербурга… Я спрашиваю вас, господа, неужели перед лицом этого моря человеческих страданий вы

опять остановитесь, опять хватит у вас смелости сказать: запрос этот неспешен»[307]. Большинство Думы (134-против 127) признало запрос спешным. Впрочем, сыграло роль и то, что речь шла о военном производстве.

Обращался Малиновский и к далекому уже польскому периоду своей жизни, но, вероятно, используя и сведения, полученные от родственников и знакомых. По поводу национального гнета и национальной розни в Польше он говорил: «Я знаю те отношения, которые имеются в Польше… Я сам на собственной спине испытывал ваше отношение к нам… Моя спина не выпрямится от этого, господа, вы ее гнули в продолжение 15 лет». Он рассказывал, как капиталисты-евреи рассчитывали поляков, а капиталисты-поляки — евреев, «а страдает и голодает за это рабочий класс, неимущий элемент Польши…», и заключал: «Мы одни, социалисты, последовательны, мы не знаем; ни поляков, ни русских, ни евреев…»[308]

Подходящий пример он сумел найти даже при обсуждении ответа министра торговли и промышленности на запрос о нефтяном синдикате, вздувавшем цены на свою продукцию: «Я хотя давно уехал из Польши, но житель ее и уроженец, и будучи еще мальчиком, помню такой случай: для того, чтобы переехать из Плоцка в Варшаву, мы в старое доброе время платили 15 коп. на пароходе, ну двугривенный другой раз. Откуда-то, ни с того, ни с сего, цена поднялась до 75 коп., а через два дня до 1 р. 20. Конечно, тогда мне было непонятно, в чем дело, а теперь я думаю: немыслимо, чтобы в продолжение двух недель на нефть или на что-либо другое так цены поднялись, чтобы с 20 коп. нужно было перескочить до 1 р. 20 коп. за проезд». И отмечая беспомощность правительства, Малиновский подчеркнул, что законы против синдикатов не соблюдаются подобно тому, как это происходит, когда отказывают рабочим в регистрации профсоюзов, — и в том и в другом случае это делается в интересах капиталистов[309].

Читая теперь выступления Малиновского в Думе, невозможно поверить в их неискренность: он говорил о том, что испытал сам и что испытывали его главные слушатели — рабочие, о том, что формировало их радикальное умонастроение.

Часто можно было видеть Малиновского в редакции «Правды», так как ему вменялось в обязанность заботиться о распространении и упрочении легального органа ЦК, подобно тому, как этим занимался в период становления газеты депутат III Думы Н.Г. Полетаев[310]. В соответствии с решением ЦК РСДРП о реорганизации работы редакции «Правды», принятым в начале января 1913 г., Малиновский вместе с Петровским вошел в состав

узкой редакционной коллегии «Правды» (первое время отсутствовало разделение труда между депутатами, и Малиновский держался в «Правде» как единоличный контролер, вникая во все стороны жизни газеты). В «Правде» и в примыкавших к ней легальных журналах печатались время от времени его статьи.

В редакции «Правды» увидел впервые Малиновского студент Вячеслав Скрябин (Молотов), ее секретарь, состоявший по должности в переписке с Лениным и осваивавший таким способом азы ленинизма: Ленин в своих письмах изливал возмущение тем, что редакция вычеркивает из его статей упоминания о «ликвидаторах» и требовал «коренных перемен». Московский депутат появился в редакции в качестве предвестника таких перемен и произвел на будущего верного сталинского соратника наилучшее впечатление, о чем Молотов много десятков лет спустя рассказал поэту Ф.Чуеву: «Живой такой человек, оборотистый, умел держаться: когда нужно — с гонором, когда надо — молчаливый… Красивый, довольно симпатичный…»[311]

Естественно, что Малиновскому поручили поддерживать связь между фракцией и профсоюзом. Он принял участие в отвоевании на сторону большевиков родного ему петербургского союза металлистов; в апреле 1913 г. члены союза впервые избрали правление, в котором сторонники «Правды» имели большинство (13 из 25), а в августе рабочие-меньшевики были вытеснены из правления полностью. За одну из статей Малиновского в «Правде» о союзе металлистов газета подверглась очередной репрессии: на редактора (как всегда, подставного) был наложен штраф с заменой трехмесячным арестом. Но в большинстве случаев Малиновский старался держаться в определенных рамках, чтобы не доводить дела до более серьезных наказаний и сохранить для нелегальной партии легальную газету.

Преимущество Малиновского перед другими депутатами заключалось, помимо прочего, в петербургских связях. Он знал здесь многих, и его знали такие известные рабочие-партийцы из числа металлистов, как С.П.Медведев, М.И.Калинин, А.В.Шотман, И.Г.Правдин. Калинин в это время, по его же словам, «свой нос не высовывал в нелегальной работе»[312]; ЦК поручил ему и Правдину помогать думской фракции, в которой петербургский депутат Бадаев на первых порах был на положении ученика: самый молодой из всей шестерки он стал депутатом случайно (большевики, чтобы не допустить избрания в столице меньшевика, раскололи рабочих-выборщиков, выдвинув

параллельного кандидата)[313]. Естественно, что равным своим наставникам мог быть только Малиновский.

Через Шотмана, который в 1910 г. перебрался в Гельсингфорс, депутаты установили связи с финскими социал-демократами. В феврале 1913 г. состоялись две встречи с ними — в Выборге и Гельсингфорсе, вторая встреча — с социал-демократической фракцией гейма почти в полном составе, причем Малиновский обнаружил знание обсуждавшейся финнами проблемы — выбирать ли представителей Финляндии в Государственную думу и высказался в том духе, что, пока действует третьеиюньский избирательный закон, нельзя рассчитывать на сочувствие Финляндии со стороны думского большинства; участвовать в выборах — значит признавать допустимым существование наряду с демократическим законодательством в Финляндии, где были всеобщие выборы, реакционного общероссийского законодательства. Он, вероятно, готовился к этой ответственной встрече, но все, что он говорил, высказываясь в разное время по национальному вопросу, казалось всегда органичным, вытекающим из интеранационалистских убеждений и чувств.

По мере того, как росло правдистское влияние, росла популярность Романа Малиновского — рабочего трибуна, авторитетного руководителя. Это было результатом и его собственных усилий, и усилий его окружения, а также членов Заграничного бюро ЦК.

…А вечерами, облачившись в сюртук, он отправлялся на тайные свидания с шефом — совсем другой человек, личный секретный сотрудник директора департамента полиции Белецкого «Икс». Встречались обычно в заранее заказанных на подставное лицо отдельных кабинетах первоклассных петербургских ресторанов — Палкина, «Малоярославец», «Старый Донон», «Новый Донон». Сначала приходили Белецкий с Виссарионовым, через некоторое время появлялся, опасливо озираясь, «Икс».

В располагающей, непринужденной обстановке Белецкий задавал вопросы, Виссарионов вел записи (потом, когда он покинул департамент полиции, записывать стал сам директор). Кроме тетради в черном коленкоровом переплете — дневника агентурных наблюдений «Икса», Белецкий брал с собой доклады начальников охранных отделений и заграничной агентуры: «Икс» выступал здесь в качестве эксперта: проверял, уточнял, давал разъяснения, иногда обещал навести справки у того или иного депутата.

С собою «Икс» приносил письма Ленина, Зиновьева,

Крупской, приносил также проекты или тексты своих речей, получая указания, какие места следует смягчить; однажды принес весь архив фракции (архив переходил от одного депутата к другому), и за ночь по поручению Белецкого было перепечатано все, что его интересовало. Сообщал «Икс» и о намерениях депутатов во время их поездок на места, чтобы Белецкий мог через провинциальные розыскные органы расстроить намечавшиеся собрания; когда же депутаты возвращались, он докладывал об их впечатлениях. Помогала ему поистине феноменальная память. В своем общении с Малиновским Белецкий исходил из того, что ценность агентуры определяется «силой выношенности ее, своею работою над нею и постепенным возвышением или, лучше сказать, поднятием ее значения в организации и проведением ее в верхи партийного руководительства»[314], то есть превращением осведомителя в провокатора.

Свидания преследовали со стороны Белецкого и иную, «воспитательную» цель: дать почувствовать «Иксу», что его сведения также есть чем проверить. Малиновский многое скрывал, сильно дорожа, по словам Белецкого, своим положением в партии и во фракции, но в распоряжении департамента полиции имелось достаточно других источников информации. Рядом с комнатой социал-демократической фракции было оборудовано «помещение для интеллигентных развитых агентов», которые с помощью «слуховых аппаратов» записывали все, что говорили депутаты. Когда во время свидания Малиновский что-то не договаривал, Белецкий его поправлял и довел в конце концов до убеждения, что в составе фракции есть еще один секретный сотрудник (разубеждать его Белецкий, разумеется, не стал)[315].

Белецкий дважды удостоил «Икса» приема у себя дома, один раз они встретились в департаменте полиции. Вмешательство Белецкого в думскую деятельность Малиновского в иных случаях носило характер отеческой заботы: он категорически запретил агенту-депутату выступать по запросу об избиении рабочих на московской фабрике Гивартовского, так как пришлось бы задеть при этом помощника градоначальника Модля, который знал, что Малиновский секретный сотрудник, и мог отомстить ему разоблачением.

Два раза в месяц Виссарионов, выполнявший еще и функции кассира, выплачивал «Иксу» жалованье под собственноручные его расписки измененным почерком. Оправдательными документами для Виссарионова они не были, так как деньги выдавал ему Белецкий, находившийся тут же; скорее это было ритуалом, «носило характер психологического

напоминания Малиновскому… о его отношениях к департаменту». Почти все (но все же не все) такие расписки Белецкий уничтожил, покидая в 1914 г. свой пост[316]. Зато в большом количестве сохранились обращения Виссарионова к Белецкому с просьбой выдать деньги для оплаты трудов «Икса» и других агентурных расходов, его же расписки в получении шансов и отчеты об их израсходовании.

До 1 февраля 1913 г. Малиновскому платили 400 руб. в месяц, затем 500. Поездки оплачивались особо. Так, 19 декабря 1912 г. Виссарионов докладывал, что выдал «Иксу» по его просьбе для поездки за границу — на Краковское совещание — 150 руб.; 14 января 1913 г. — о том, что необходимо оплатить его иногородние поездки[317]. Само собой, оплачивались и ресторанные счета. Записан был и такой расход — «по вечеру в пользу «Правды». Этот студенческий вечер с участием артиста Александрийского театра И.Н.Ходотова проводился в декабре 1912 г. Чтобы уменьшить количество «партийной публики», Белецкий купил у Малиновского часть билетов и приказал раздать их женам и сестрам чиновников департамента полиции, изображавшим на вечере курсисток[318].

В памяти Елизаветы Драбкиной, дружившей со своими сверстниками — детьми рабочих депутатов, ярко запечатлелся случай, относящийся, по-видимому, к 1913 г.: заигравшись в квартире Малиновских, дети нечаянно стащили с постели лоскутное одеяло, и под ним вдруг обнаружилось другое — розовое, атласное. И тут обычно ласковая, приветливая Стефа — Стефанида Андреевна Малиновская «буквально закатилась от бешенства, вцепилась нам в волосы и вышвырнула из квартиры на лестницу»[319]. Не только дети замечали, что Малиновские живут лучше семей других депутатов-рабочих, не экономят. Малиновский же упрекал их и скупости, неподобающей избранникам рабочего класса.

Влияние Стефы на мужа ни для кого не было секретом. Познакомившись в 1904 г. со статным гвардейцем, она свела его со своими родичами — питерскими рабочими, устроившими жениха на завод, когда закончился срок службы. С этого момента она распоряжалась всем его заработком. Знала она и о сотрудничестве мужа в московской охранке, однажды даже передала по его поручению какие-то сведения полковнику Мартынову. Карьера мужа в ее глазах выглядела так: сначала он поступил «на жалованье» в партию социал-демократов, а затем в охранное отделение. Эта «скромная», по словам Белецкого, женщина, «склонная к буржуазному образу жизни», считала естественным, что за службу правительству мужу платят все

больше и больше.

Прижимистость ее не осталась незамеченной Белецким; после «откровенного разговора… на эту тему» он прибавил «Иксу» еще 200 рублей на личные расходы, но предупредил, чтобы тот не выделялся широким образом жизни, не увлекался слишком своим внешним видом. Должно было это укрепить и его семейное положение, так как семьей, как свидетельствует Белецкий, «он гордился и любил ее по-своему». И здесь Белецкий исходил из того, что интересы дела требуют заботиться об агенте. Малиновский отвечал на заботу «уважением» и свои обязанности «все-таки» выполнял[320].

Ничье предательство, если брать агентов по РСДРП, не оплачивалось еще так щедро. Бывшему члену социал-демократической фракции III Государственной думы, секретному сотруднику Петербургского охранного отделения В.Е.Шурканову платили, например, сначала 100 руб., потом 125[321]. Задним числом Белецкий признавался, что розыскные органы «скопидомничали», но в необходимости дифференцировать оплату услуг агентуры не сомневался. Чем же был столь ценен Малиновский — помимо или, вернее, с учетом его незаурядных способностей?

При переходе Малиновского в ведение департамента полиции Белецкий не потребовал от него привычных доносов на конкретных лиц. С этим справлялись сотрудники столичной охранки. Поэтому в петербургский период Малиновский «выдал» в прямом смысле этого слова меньшее число лиц, чем в Москве. Департамент полиции нуждался прежде всего в квалифицированной оценке политики РСДРП (примерно таков был в свое время и характер требований Герасимова к Азефу).

В одном из первых дневников агентурных сведений, полученных от «Икса» (от 18 декабря 1912 г.), содержалась информация сразу по нескольким направлениям: о составе бюро социал-демократической фракции (кроме председателя Чхеидзе, в бюро избрали Малиновского, Петровского и Скобелева); о готовившихся побегах с каторги; о предполагавшихся на время рождественских каникул поездках депутатов за границу: Бурьянова — к Плеханову в Сан-Ремо, Скобелева — к Троцкому в Вену, Малиновского, Петровского и Бадаева — в Краков к Ленину, после чего Малиновский хотел еще поехать на Капри к Горькому (об этом намерении Горький знал от Ленина и Крупской, но поездка почему-то не состоялась; чего ради хотел провокатор навестить писателя так и осталось неизвестным — возможно, чтобы познакомиться с его посетителями или заявить о себе как о представителе когорты рабочих лидеров, о появлении которых

мечтал Горький).

Самое же важное для Белецкого заключалось в характеристике отношений внутри фракции: Малиновский сообщил, ссылаясь на письмо Ленина, что «можно бы 6 большевиков инспирировать, чтобы они своим поведением всю фракцию раскололи на больше-ников и меньшевиков», осторожно заметив, что это предложение Ленина могут в заседании за границей (то есть на Краковском совещании) провалить[322]. Прогноз, однако, не оправдался, Ленина Малиновский знал еще недостаточно.

Ценность именно этой информации вытекала из генерального замысла Белецкого, основанного, в свою очередь, на его представлениях о меньшевиках, большевиках и о Ленине, в частности, суть этого замысла Белецкий с большой обстоятельностью изложил в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии, заявив не без некоторого самодовольства, что «изучил всесторонне» лагерь своих политических противников, в результате чего пришел к выводу: большевики одни не имеют достаточных сил и средств для нанесения серьезного удара правительству, тогда как со стороны меньшевиков намечается «стремление путем уступок идти на реальное полное слияние с большевиками». Понимая, насколько опасна «такая соединенная и сплоченная сила», Белецкий решил не допустить слияния и для этого проникнуть «в сторону наименьшего сопротивления» — в руководство большевиков.

На Малиновского возлагалась, таким образом, более серьезная задача, чем «простой осведомительный розыск», — он должен был сделать Ленина горячим сторонником идеи раскола с меньшевиками по принципу «разделяй и властвуй». Об уровне понимания директором департамента полиции вождя большевиков свидетельствует такая непривычная по стандартам советской апологетики его оценка; Ленин «при своем большом уме, партийной убежденности, фанатической ненависти к самодержавному режиму, все-таки был догматик, больше знал австрийскую, чем русскую действительную жизнь и не имел в самом себе качества борца-руководителя»[323]. Похоже, что это мнение сложилось не без влияния Малиновского, который не только «проникся намерениями» Белецкого, но и подлаживался к его взглядам. Между тем даже сопровождавший Белецкого как тень «протоколист» Виссарионов отдавал себе отчет в том, что раскол фракции произошел не только потому, что этого захотели в департаменте полиции, — он «как бы сам собой возник», хотя, подтверждал далее Виссарионов, «рознь» между депутатами, принадлежавшими к разным фракциям РСДРП, «признавалась

[охранкой] допустимой и полезной»[324].

В отличие от вице-директора департамента полиции, который называл, таким образом, оба фактора, определявших раскол, Ленин и в 1917 г. продолжал твердить лишь об одном из них — о директивах большевистского руководства, выполнявшихся Малиновским, как и другими большевиками. Даже после разоблачения Малиновского он не желал признавать, что тот в данном случае выполнял и совпадавшие с этими директивами требования департамента полиции, которому именно поэтому понадобилось переквалифицировать нефракционного социал-демократа в большевика, «рабски преданного» Ленину. Больше того, Ленин всячески подчеркивал, что раскол был предопределен; тем самым выпрямлялась не такая уж прямолинейная история РСДРП. «Что касается линии нашей партии, — объяснял Ленин членам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, — то линия эта, ведущая прямо и неизбежно к расколу с оппортунистами- меньшевиками, вытекала сама собой из истории партии с 1903 года, особенно из борьбы с «ликвидаторством» 1908–1910 годов, из крайнего обострения этой борьбы, после срыва вождями ликвидаторства в России решений январского «пленума» 1910 года»; поэтому «Малиновский всецело вел политику, намечавшуюся нами (мною, Зиновьевым и др.) на заграничных совещаниях и предопределявшуюся, как я уже сказал, историей большевизма»[325].

Ленин имел в виду прежде всего два совещания с участием Малиновского, других депутатов-большевиков и партийных работников: Краковское, проходившее с 26 декабря 1912 г. по 1 января 1913 г. (8 — 14 января 1913 г.) и Поронинское — 23 сентября—1 октября (6—14 октября) 1913 г. Всего с 1912 по 1914 г. Малиновский приезжал в Краков и Поронин 6–7 раз, исправно информируя после каждой поездки департамент полиции о планах и деятельности партийного руководства. Вернувшись, например, с Краковского совещания, он не замедлил доложить, что Русскому бюро ЦК поручено организовать нелегальную типографию на Урале, получив на это деньги у золотопромышленника Конюхова, а также создать там областное бюро[326].

Благодаря Малиновскому департамент полиции знал о финансовом положении «Правды» и на основании этих данных мог разрабатывать тактику ее преследований. Сверх того, он сообщал о намечавшихся к публикации руководящих статьях, об изменениях в составе редакции, о рассылке конфискованных номеров и т. д.[327].

10 февраля 1913 г. полиция арестовала на квартире Г.И.Петровского члена Русского бюро ЦК «Андрея» (Я.М.Свердлова), нелегально проживавшего в Петербурге и выполнявшего с 22 января обязанности главного редактора «Правды». Выслеживали его давно. Накануне ареста Белецкий потребовал, чтобы Малиновский «выгнал Андрея» из своей квартиры. Малиновский, не ограничившись этим, назвал новое местонахождение Свердлова, куда сам же его и проводил, на прощанье напялив ему свою шапку — якобы для маскировки[328].

Нарушение полицией депутатской неприкосновенности Петровского в момент ареста Свердлова послужило темой гневного запроса социал-демократов в Думе. Депутат — черносотенец Пуришкевич, напротив, призвал Думу «низко поклониться правительственной власти» и сожалел только о том, что обыск произвели у одного Петровского, «а нужно было сделать то же самое в одну и ту же ночь у всей социал-демократической фракции Государственной думы»[329]. Малиновский на сей раз промолчал.

Другой нелегал, член ЦК РСДРП «Коба» (Сталин), вернувшийся в Петербург из-за границы уже после ареста Свердлова, был арестован 23 февраля в зале Калашниковской биржи во время концерта, сбор от которого шел в фонд «Правды». Обнаружили его агенты петербургской охранки, но Белецкий заботливо предупредил Малиновского о предстоящем аресте, чтобы тот держался от «Кобы» «как можно дальше»[330].

Очень горевал по поводу ареста Сталина сотрудничавший в «Правде» поэт Демьян Бедный. 25 февраля он писал Ленину: «… Позавчера «ввержен бысть» наш милый «дюша-грузинчик». Черти его принесли или какой дурак привел на свой» вечер». Это было прямо нахальством — идти туда. Я не знал о его пребывании в Питере и был ошарашен, узревши его в месте людне. «Не уйдешь», — говорю. И не ушел… Изъятие грузина прямо сразило меня. У меня такое чувство, что я скачу по тропинке бедствий, как и всякий другой, кто будет способствовать обновлению редакции. «Кто-то» мешает и «кто-то» «сидит крепко». Как видно из письма, в Малиновском Демьян Бедный нисколько не сомневался, полагая, что и тот крайне озабочен невозможностью осуществить планы реорганизации «Правды», чтобы придать ей, как требовал Ленин, более непримиримое к «ликвидаторам» звучание: «…Все «нынешние» члены редакции сплотились в одну кучку. Так сплотились, что автономно в нее не войти не только мне, но и Роман — я вижу — пасует»[331]. Впрочем, трудно сказать, насколько изменилось бы направление «Правды» в случае, если бы «дюша-грузинчик» остался на свободе: раньше он

не проявлял большой решительности в борьбе с «ликвидаторами», не отличаясь от других членов редакции-примиренцев.

…На волне горбачевской гласности, в период, когда объектом разоблачительной критики был преимущественно сталинизм, появилось большое количество публикаций на тему «Сталин-провокатор». В некоторых из них говорится и о Малиновском. Получается, что с момента возвращения Малиновского в Петербург в главном опорном пункте большевиков одновременно и даже совместно действовали два провокатора-члена ленинского ЦК. Но в отношении одного из них факт провокаторства давно установлен, тогда как о другом в этом качестве имеются скудные и небесспорные данные. На Западе материал, используемый для доказательства провокаторства Сталина, получил известность после XX съезда КПСС, но, несмотря на свою сенсационность, не был признан большинством специалистов убедительным. Все, что написано с тех пор в России и на Украине в пользу этой версии, крайне непрофессиональео: источники, привлекаемые для ее обоснования, рассматриваются как равноценные, одинаково достоверные; «выгодные» утверждения принимаются без какой-либо проверки или хотя бы внимательного прочтения, аргументы же критиков игнорируются[332].

По-видимому, на первом месте здесь априорные соображения: провокаторство в царской России было уделом единиц, предрасположенных своими личными качествами к предательству; только предательством и могла открыться политическая биография будущего тирана; родство душ двух провокаторов должно было привести их к объединению усилий на этом поприще. Между тем ни одно из этих соображений не является самоочевидным. Еще в 1990 г. С.В.Тютюкин и В.В.Шелохаев заметили, что весь комплекс вопросов, связанных с историей взаимоотношений Малиновского и Сталина, нуждается в тщательной проработке и проверке.

Сторонники версии о провокаторстве Сталина продолжают ссылаться на так называемое письмо полковника А.М.Еремина ротмистру А.Ф.Железнякову, хотя многократно было доказано, что это фальшивка. Считалось, что документ был сфабрикован после второй мировой войны, так как первый его публикатор (в 1956 г. в журнале «Лайф») И.Дон Левин заявил, что получил его в 1947 г. от русских эмигрантов. Но у известного историка и собирателя документов Б. И.Николаевского письмо побывало в руках «едва ли не с 1945 г.», а знал он о его существовании «еще со времен парижских», то есть предвоенных. Опубликовать и прокомментировать это письмо, якобы уличавшее Сталина как агента охранки с 1906 г., ему предложили, таким образом,

раньше, чем Дон Левину. Николаевский предложение отклонил, заявив, что Сталин был провокатором, по документ поддельный и только скомпрометирует разоблачение». «Это же думаю и теперь», — добавил оп, сообщая все это в апреле 1956 г. Н. Валентинову, который полностью с ним согласился. От «письма Еремина», отвечал Валентинов, «за десять километров несет такой фальшью, что нужно быть просто слепым или дураком, чтобы ее не заметить»[333].

Вслед за публикацией, в том же 1956 г. экспертизу документа провели американские историки, они установили с несомненностью факт фальсификации[334]. Позже российские архивисты скрупулезно проанализировали письмо и привели еще ряд убедительных данных против его подлинности[335]. Независимо друг от друга псе три группы исследователей пришли к одному и тому же выводу, повторив при этом основные аргументы. Других документальных свидетельств о Сталине-провокаторе нет.

Используются также косвенные мемуарные свидетельства, в частности, об исчезнувших (уничтоженных?) документах из «папки С. Е. Виссарионова» — донесениях и письмах Сталина на его имя, о чем в апреле 1956 г. рассказал на страницах «Лайфа» «невозвращенец» А.Орлов, в прошлом видный чекист[336]. Об этих документах сообщил Орлову его двоюродный брат, которому, в свою очередь, их показал будто бы обнаруживший эти документы сотрудник НКВД — участник подготовки процесса 1936 г. над «троцкистами». Разыскивая по заданию Ягоды «компромат» на подсудимых, он неожиданно наткнулся на документы, порочащие Сталина.

Удивляет прежде всего то, что папка «из архива охранки» не была замечена в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, и имя Сталина не появилось в списках разоблаченных провокаторов. Помешать этому ни он, ни другие большевики тогда были не в силах. Между тем, если верить Орлову, Сталин общался с такими видными фигурами политического сыска, как Виссарионов и Золотарев, с последним он даже встречался. Комиссия тщательно допрашивала того и другого, однако Сталин ни разу не был ими упомянут. Агентурную кличку Сталина Орлов не назвал.

С другой стороны, если допустить, что документы, о которых сообщил Орлов, действительно существовали, но в 1917 г. почему-то не были обнаружены, возникает новый вопрос: почему Сталин не принял мер к их уничтожению до 1936 г., имея уже полную возможность это сделать? Известно, что изъятия в секретный архив ОГПУ тех или иных групп дореволюционных

документов производились, — например, в 1934 г. туда были переданы дела об охране царя и его семьи, лишь в 1995 г. возвращенные в Государственный архив Российской федерации. Непонятно также, почему Орлов не включил этот сюжет в свою книгу «Тайная история сталинских преступлений». Скорее всего, возымели действие высказанные тогда же сомнения.

Необходимо, наконец, выбирать между сообщением Орлова и «письмом Еремина», так как они несовместимы. В письме говорится, что после того, как Сталин был «избран» на Пражской конференции в ЦК, он «стал в явную оппозицию Правительству и совершенно прекратил всякую связь с Охраной» (то есть с Петербургским охранным отделением, агентом которого Сталин якобы был). Но донесения из «папки Виссарионова» относятся как раз к этому периоду, к концу 1912 — началу 1913 гг.

При всем том Б.И.Николаевский, как было сказано выше, в провокаторстве Сталина не сомневался. Биограф Сталина Р.Такер считает вполне вероятным, что там же, как и многим другим арестованным революционерам, Сталину предлагали стать осведомителем, и он мог согласиться передавать иногда какую-то информацию, хотя это еще «не значит, что он был агентом-провокатором, как Малиновский»[337]. Мы уже видели: в революционной среде взаимная подозрительность была чрезвычайно распространенным явлением. Подозревали и Сталина, например, не доверял ему С.Г. Шаумян. Но вопрос о том, справедливы ли были подозрения, остается открытым. Учитывая все это, преждевременно безоговорочно заявлять, что мы имеем дело с отвергнутым наукой мифом[338], — равным образом как и настаивать на безусловной истинности утверждений мемуаристов, знавших Сталина на Кавказе.

Именно в связи с предположениями о провокаторстве Сталина получила хождение версия о каких-то особых отношениях между Сталиным и Малиновским — то ли друзьями, то ли соперниками.

Совершенно фантастический характер носит мнение, согласно которому Сталина кооптировали в ЦК РСДРП по предложению Малиновского, так как «до 1912 г. Ленин ничего существенного не знал о Сталине», а члены большевистского ЦК «вполне могли кооптировать неизвестно кого, положившись на рекомендацию»[339]. «Кобу» — организатора знаменитой тифлисской экспроприации — Ленин знал и до Пражской конференции и не раз с ним встречался. Из новых членов ЦК близок был Сталину С.Спандарян, возможно, он и предложил его кандидатуру на первом же заседании ЦК, собравшемся еще до окончания конференции. Вполне возможно, что Сталина назвал и

сам Ленин, но, если это и не так, кооптация бы не состоялась, если бы Ленин возражал против его кандидатуры.

Напротив, Малиновский по роду и географии своей прежней деятельности ничего о Сталине знать не мог. Впервые они встретились в Москве в последних числах октября 1912 г.: Сталин, бежавший из ссылки, остановился здесь на одни сутки но пути в Петербург, и Малиновский — тогда еще «Портной» — проинформировал о встрече с ним московскую охранку — так же, как сообщал о других лицах. Что источником сведений о Сталине был именно «Портной», указал сам Мартынов, собственноручно вписавший эту агентурную кличку в машинописный текст своего письма директору департамента полиции от 1 ноября 1912 г.[340]. На партийном следствии 1914 г. Малиновский говорил: «С Кобой, хотя он был [в Москве], не видались, перепутали время встречи, а домой я пойти не мог»[341]. Но здесь имеется в виду момент после предыдущего побега Сталина, в феврале 1912 г., — Малиновский тогда жил и работал в Ростокине. О периоде выборов в Думу, когда встреча со Сталиным в Москве состоялась, члены поронинской комиссии вопросов не задавали, считая, что последующая деятельность Малиновского протекала у них на виду.

Еще один эпизод, который на поверхностный взгляд может говорить об особой близости Сталина и Малиновского, относится к февралю 1913 г. «Чудесный грузин» только что вернулся в Петербург из Вены, где сочинял с помощью Н.И.Бухарина статью «Марксизм и национальный вопрос», и как раз в это время был арестован П.Л.Лапинский, недавно приехавший в Петербург из Варшавы помогать депутату IV Государственной думы рабочему Е.И.Ягелло. Кандидат ППС-левицы Ягелло был избран в Думу при поддержке Бунда, польские же социал-демократы были против, поэтому в думскую социал-демократическую фракцию его приняли после долгих споров (возражали большевики), на компромиссных условиях — с решающим голосом в вопросах думской работы и с совещательным — во внутрипартийных. По свидетельству Лидии Дан, это был совершенно ничтожный, политически неразвитый человек, с ним было «много возни», так как он плохо говорил по-русски. Малиновский старался подружиться с Ягелло, используя знание польского языка, но, как и другие депутаты-большевики, он не был заинтересован в усилении меньшевистской части фракции и, следовательно, в активности Ягелло.

Неудивительно, что после ареста Лапинского и получения Лидией Дан анонимного письма, в котором говорилось, что Лапинский «пал жертвой доноса ваших друго-врагов», у

некоторых меньшевиков появились сомнения насчет Малиновского. Тогда-то Сталин, известный меньшевикам как Васильев (между собой они называли еще «Иоська Корявый»), «в разговоре довольно отрывочном» с Л.Дан потребовал «прекращения «травли» и грозил, уже не помню чем, если «это» не прекратится»[342]. Однако совершенно очевидно, что Сталин заступался за Малиновского не как его приятель, а как член ленинского ЦК, ответственный за работу депутатов-большевиков и «Правды». Деятельность Малиновского в Думе только начиналась, петербургские большевики ему вполне доверяли.

Противоречит всему, что известно о практике «секретного сотрудничества» и восходящее к А.Орлову утверждение противоположного свойства: Сталин то ли догадался о провокаторстве Малиновского, то ли подозревая его, но так как сам был провокатором, не мог стерпеть «чужое лидерство». Желая «отодвинуть» соперника и «занять ведущее место главного агента», он донес товарищу министра внутренних дел Золотареву на Малиновского, сообщив, что, судя по его поведению на Краковском совещании, тот «предан не царскому правительству, а большевистской партии»[343]. Но инструкция о внутренней агентуре исключала возможность знания одного секретного сотрудника о других, а свои догадки на этот счет они оставляли при себе. Тем более не признавалась допустимой совместная агентурная работа двух секретных сотрудников. Наконец, словосочетание «большевистская партия» никто в те времена не употреблял — ни большевики, ни охранники.

Напомним для сравнения: Малиновский тоже кое-кого подозревал — А.С.Романова (справедливо), В.Н.Лобову (ошибочно), но соперниками их не считал и не думал доносить на них полицейскому начальству. Инстинкт самосохранения подсказывал противоположную тактику: разжигать подозрения в партийной среде, хотя бы и в отношении лиц, заведомо непричастных к провокаторству. Так поступал Малиновский — и не только он.

Не представляет чего-то необычного и реальный документ — письмо Сталина Малиновскому из туруханской ссылки (январь 1914 г.), в котором он жаловался на материальную нужду и просил прислать денег. В думскую фракцию обращались за помощью и другие ссыльные (в письме упоминается так называемый фонд репрессивных). Письмо действительно «теплое, дружественное», однако никакого подтекста в нем не обнаруживается; по существу, это не письмо лично Малиновскому: Сталин одновременно обращался с той же просьбой к Петровскому, Бадаеву и к своему земляку Чхеидзе, не взирая на его

меньшевизм[344]. Да и сами ссыльные, какими бы не были фракционные и личные отношения между ними, считали своим моральным долгом оказывать нуждающимся материальную помощь. Так, меньшевичка Лидия Дан, будучи в 1915 г. в минусинской ссылке и получив от другого ссыльного-меньшевика Бориса Николаевского сообщение о том, что Иосиф Джугашвили сильно нуждается, отослала ему посылку. Правда, она не знала тогда, что это и есть знакомый ей по Петербургу Васильев, но то, что Джугашвили причастен к тифлисской экспроприации 1907 г., ее не остановило[345].

Реальное значение двух близких по времени арестов — Свердлова и Сталина заключалось в том, что они выявили невозможность прочного, длительного руководства большевистской работой н России и, в частности, «Правдой» через видных «нелегалов». Пражская конференция затевалась Лениным под предлогом необходимости создать, наконец, дееспособное Русское бюро ЦК из профессиональных революционеров, чему мешали «ликвидаторы». Но такого бюро как не было до 1912 г., так и не получилось в итоге Пражской конференции. В Русской коллегии (бюро) ЦК РСДРП год спустя не осталось никого из членов ЦК, избранных па конференции и кооптированных тогда в его состав, кроме Малиновского. С этого момента в бюро входили в основном депутаты и рабочие-большевики.

Правда, 27 июля (9 августа) 1913 г. в Поронине было принято решение не только дополнительно кооптировать в ЦК М.И.Калинина, И.Г.Правдина и В.И.Невского, но и помочь в организации побега из ссылки Свердлову и Сталину, о чем Малиновский тут же сообщил Белецкому[346]. Препровождая в департамент полиции копию упомянутого выше письма Сталина, начальник Енисейского жандармского управления Байков уведомил начальство: им приняты меры «к недопущению побега Джугашвили»[347]. Еще раньше был сорван побег Свердлова[348].

Из показаний Ленина видно, что предполагалось постепенно кооптировать в ЦК РСДРП всех депутатов-большевиков. Первым кооптировали Петровского, затем Бадаева. Малиновский не возражал, но было заметно, что относится он к этому «как будто неохотно», «несколько нервно». Вообще он был обычно недоволен, когда ответственное поручение давали не ему; своих «софракционеров» он изображал людьми бездеятельными, малопригодными для той работы, которая им поручалась. Особенно доставалось Петровскому. Члены Заграничного бюро ЦК видели и здесь лишь проявление чрезмерного самолюбия и желание играть главенствующую роль[349].

Мероприятия, расширявшие полномочия депутатов,

разрушали монополию Малиновского в России, депутаты работали все более независимо от него — вот что было истинной причиной его демонстративной ревности. Но в то же время это обязывало его самого проявлять по крайней мере не меньшую активность, прежде всего во внедумской, приоритетной для большевиков работе. «У нас теперь шестерка в Думе куриальных депутатов так поворачиваться стала для внедумской работы, что прелесть, — писал Ленин Горькому в феврале 1913 г. — Вот где закрепят люди рабочую партию настоящую! Никогда в третьей Думе не могли добиться этого»[350].

Разбирательства 1917 и 1918 гг. оставили в тени деятельность Малиновского как московского депутата. Между тем руководство партии возлагало на нее большие надежды, полагая, что она будет способствовать подтягиванию рабочего движения в Центральном промышленном районе к уровню Петербурга.

После выборов в Думу, но еще до отъезда в Петербург Малиновский условился с выборщиками о дальнейшей партийной работе в губернии. Связь с ним он рекомендовал поддерживать через журналиста А.И.Лобова, мужа В.Н.Лобовой (в марте 1913 г. Лобов был арестован и стал агентом охранки — до увольнения в 1915 г. за непробудное пьянство). Наезжая в Москву, Малиновский устраивал встречи с выборщиками; собирались на квартире Ф.А.Балашова в с. Всехсвятском, иногда в ресторанах. Депутат информировал о думских делах, о решениях ЦК, давал поручения. После одного из таких собраний он побывал по просьбе И.Н.Миритеева в Серпухове, Гривне, Подольске и еще в нескольких подмосковных поселках, где на встречи с ним в укромных местах приходило от нескольких десятков до нескольких сот рабочих[351]. Не преминул он побывать на фабрике в Ростокине, где не так давно работал и от которой был избран уполномоченным на выборах в Думу; в ноябре 1913 г. он явился туда для «улаживания забастовки». Выступал он перед рабочими и в Москве, например, в легальном «Третьем женском клубе». В проходивших там горячих дискуссиях об отношениях между большевиками и меньшевиками, как сообщал один из присутствовавших, «особенно много распинался Малиновский»[352].

Но, подобно тому, как расширялись самостоятельные партийные связи других депутатов, все более самостоятельно действовали и московские выборщики. И.Т.Савинов получил полномочия агента ЦК и стал переписываться с Лениным (Малиновский поспешил поставить в известность московскую охранку о том, что письма будут шифроваться по книге «Рождественская песнь в прозе» Ч. Диккенса издания

«десятикопеечной библиотеки», и указал шифр, который сам же дал Савинову)[353]. Ленин установил непосредственную связь и с Миритеевым. Собрания с выборщиками не всегда проходили гладко. Еще весной 1913 г. у Савинова возникли разногласия с Малиновским; по словам Миритеева, «он очень резко нападал и на него и на его тактику». Малиновский объяснял эго тем, что Савинов «изменил свое мнение в сторону ликвидаторов». Сохранившиеся письма Савинова Ленину это не подтверждают.

Впоследствии Савинов порвал с большевиками. По-видимому это произошло в 1917 г. После Октябрьской революции он возглавлял меньшевистский комитет в Ярославле и активно сотрудничал с белогвардейцами, поднявшими в июле 1918 г. антисоветский мятеж[354]. Но споры в 1913 г. имели скорее всего личную подоплеку, а Малиновский по своему обыкновению немедленно перевел появившиеся разногласия в плоскость идейного противоборства.

При этом Малиновский знал, что вся его бурная внедумская работа находится под перекрестным контролем департамента полиции и московской охранки. Белецкий пытался удерживать своего агента от «агитационных» поездок, хотя сам Малиновский «всегда порывался». Московской охранке предписывалось расстраивать собрания с его участием, но так, чтобы не привлекать депутата к ответственности. 7 марта 1913 г. Белецкий предупредил местные власти о том, что Малиновский приедет в Москву читать лекции о положении РСДРП и предложил не допускать их, «если найдутся законные причины». 8 и 13 сентября были посланы аналогичные телеграммы о предстоящем посещении депутатом Малиновским Коломенского завода и о встрече его в лесу с рабочими Мытищенского завода[355]. Белецкий узнавал о маршрутах Малиновского от него самого, хотя и не обо всех; кроме того, московскую охранку осведомляли о Малиновском ее агенты — А.И.Митропольский, А.И.Лобов и другие[356].

В Москве Малиновский в порядке любезности, как выразился ротмистр Иванов, оказывал прежним хозяевам отдельные услуги, не забывая получить за это разовую оплату — 25–50 рублей[357]. Но основная информация передавалась непосредственно в департамент полиции. Тесные связи с московскими большевиками позволяли Малиновскому держать начальство в курсе всех планов организации. В дело шли и групповые резолюции по тем или иным вопросам (при публикации в газетах подписи снимались, поэтому оригиналы представляли для розыска особую ценность). Среди писем на имя Малиновского, переданных им Белецкому, мы находим письмо «пяти

сознательных групп Замоскворецкого района г. Москвы» от 27 марта 1913 г., в котором выражалась солидарность с депутатами-большевиками; одним из 50 рабочих, подписавших это письмо, был рабочий типографии Сытина Сергей Есенин[358].

Контакт как с департаментом полиции, так и с московской охранкой Малиновский поддерживал и во время открывшегося 29 июня 1913 г. в Москве IV Всероссийского съезда торгово-промышленных служащих. Съезд стал крупным событием общественной жизни, в его работе участвовали 378 делегатов и много приглашенных, в том числе некоторые депутаты Государственной думы[359]. Председателем съезда избрали депутата трудовика А.Ф. Керенского — он приобрел большую популярность после поездки в составе группы адвокатов на Ленские прииски для неофициального расследования обстоятельств расстрела рабочих. Тон на съезде задавала, однако, социал-демократическая группа, насчитывавшая вместе с сочувствующими свыше 100 человек; в бюро группы вошел и Малиновский. На съезд его пригласили выступить с докладом на хорошо знакомую ему тему — о страховании, особенно волновавшую делегатов, так как уже принятые Думой страховые законы на торгово-промышленных служащих вообще не распространялись[360].

Белецкий заранее санкционировал разгон съезда «при первом ярком оппозиционно-революционном выступлении»[361]. Присутствовавший на съезде полицейский пристав Строев то и дело закрывал заседания — за употребление слов «пролетариат», «марксизм», «классовая борьба», а иногда и просто за аплодисменты…[362] 1 июля Малиновский принес на съезд кипу номеров «Правды» и, несмотря на возражения Керенского, стал демонстративно раздавать их делегатам[363]. Когда же дошла его очередь выступить с докладом, повторилась история с думской декларацией: Строев прерывал доклад в обусловленных местах. После этого Малиновский через полковника Мартынова рекомендовал поскорее закрыть съезд, что и было сделано 4 июля по телеграфному распоряжению из Петербурга за подписью Джунковского[364].

На этом Малиновский не счел еще свою миссию законченной. 5 июля члены бюро социал-демократической группы решили собраться на Воробьевых горах, чтобы принять обращение в связи с разгоном съезда, но полиция, предупрежденная Малиновским, арестовала тех, кто явился раньте других: Д. В. Антошки на, Г.К.Голенко, С.М.Нахимсоиа и Н.Ф.Федорова; все они подверглись административной высылке из Москвы на два года[365]. А перед этим он охотно сфотографировался с делегатами..[366].

Главным делом московских большевиков в 1913 г. явилось создание второй ежедневной рабочей газеты[367]. Вопрос этот не мог миновать Малиновского: сборы в фонд будущей газеты решено было открыть еще во время выборов в Думу; Краковское совещание поручило депутатам трех губерний Центрального промышленного района — Малиновскому, Самойлову и Шагову активно взяться за эту работу. Участвовали в ней и московские выборщики. И.Т.Савинов 1 декабря 1912 г. сообщал уполномоченному И.П.Мареву, что предпринимаются первые шаги к изданию газеты, которая «доставляла бы нам здоровую духовную пищу и соответствовала бы нашим взглядам и нашей рабочей жизни»[368]. Задержали реализацию этого замысла прежде всего многочисленные аресты; приложил к ним руку и Малиновский.

Обеспечить выпуск московской газеты и руководство ею В.И.Ленин поручил Н.Н.Яковлеву. Арестованный вместе с Бухариным и затем эмигрировавший в Германию Яковлев вернулся в начале апреля 1913 г. в Москву, воспользовавшись амнистией по случаю 300-летия дома Романовых. В июне вернулся и Н.Осинский, отбывший срок ссылки в Твери. И Яковлев и Осинский знали Малиновского с 1910 г. и симпатий к нему не испытывали. Избежать соприкосновения с московским депутатом и членом ЦК РСДРП было, конечно, невозможно; к тому же редакция помещалась в квартире в Косом переулке, снятой на его имя. Но предоставить ему возможность контролировать работу редакции они отказались.

Первый номер газеты «Наш путь» вышел 25 августа 1913 г. Придя однажды в редакцию, Яковлев застал Малиновского за распечатыванием лежавших на столе пакетов. Когда Малиновский, оправдываясь, сослался на то, что в Петербурге, в редакции «Правды» депутатам это позволяется, Яковлев резко возразил: «А у нас в Москве вам это не позволят». Не удалась и попытка Малиновского установить контроль над газетой путем введения в редакцию уполномоченного ЦК с правом вето[369]. В роли такого уполномоченного он видел, вероятно, В.Н.Лобову; с подобным же предложением обращался он к вернувшемуся из ссылки А.И.Рыкову, но тот предложение отклонил, так как считал, что газета должна контролироваться Московской партийной организацией[370]. Предложение Малиновского было отвергнуто еще до выхода газеты в свет, когда формировалась редакция.

Лобовой Малиновский сумел без труда внушить, что Яковлев и Осинский — узкомыслящие сепаратисты, не желающие считаться с общероссийскими задачами и подчиняться «всем

требованиям и желаниям центра», то есть Русского бюро ЦК РСДРП. В своих донесениях Малиновский изображал дело так, что он и Лобова стоят за упрочение газеты как легального органа и хотят для этого отделить ее от всякой связи с подпольем, тогда как Яковлев, Осинский и Максимовский не дорожат ее будущностью. На самом же деле Яковлев следовал договоренности с Лениным: как секретарь редакции он должен был осуществлять прямую связь с Заграничным бюро ЦК и нес за газету политическую ответственность. Газета вместе с тем имела свои отличительные черты, авторы ее старались ставить вопросы более глубоко, менее «агитационно», чем «Правда», — это отчасти вызывалось более трудными, чем в Петербурге, условиями существования печати[371]. Избежать репрессий все равно не удалось, но Малиновскому самостоятельность редакции дала повод еще раз изобразить себя самым последовательным ленинцем, стоящим во всем на страже принципов большевизма.

В советское время Осинский объяснил свой и Яковлева отпор притязаниям Малиновского сложившимся у них еще в 1911 г. убеждением в том, что тот — провокатор; Яковлев «был в этом убежден наполовину и полагал, что во всяком случае Малиновский — личность весьма подозрительная»[372]. Степень своей убежденности мемуарист преувеличил, но нерасположенность членов редакции Малиновский, бесспорно, ощущал. В.Н.Максимовский также свидетельствует, что Лобова и Малиновский с самого начала производили на него, Яковлева и Осинского «весьма неблагоприятное впечатление».

«Наш путь» быстро прикрыли, большинство работников редакции было арестовано. Малиновский не имел к разгрому московской газеты прямого отношения; в своих донесениях он уверял, что «Наш путь» погибнет естественным образом из-за финансовых и технических трудностей. По мнению Осинского, провокатор хотел расширить масштабы своей деятельности, превратив газету в «очаг для уловления людей» и, возможно, в «кристаллизационный пункт рабочего движения для усиления своего влияния и более отчетливого выявления брожения в массах» — идея своего рода «провокатора-организатора»[373]. Малиновский присутствовал на совещании московских большевиков, которое решило призвать рабочих к всеобщей забастовке протеста против разгрома «Нашего пути», участвовал он и в попытках возродить газету под новым названием. Тем не менее, когда вместо «Нашего пути» стал создаваться журнал «Рабочий труд», члены его редакции (В. Н. Лосев, В. И.Яхонтов и И. И. Скворцов-Степанов) решили обойтись без Малиновского. Секретный сотрудник «Старый» сообщал, что они порвали с ним

всякие связи[374].

Но это было уже в 1914 г., на закате его карьеры. Недоверие к Малиновскому в Москве, видимо, не вышло за пределы узкого круга большевистской интеллигенции.

Полоса неприятностей для Малиновского началась летом 1913 г., когда некоторые факты впервые заронили подозрения у Е.Ф.Розмирович. Заграничное бюро ЦК направило ее с рядом партийных поручений в Россию; из Петербурга в июне она отправилась в Киев и тут же была арестована, причем местные жандармы продемонстрировали обширную осведомленность о ее встречах и планах. Один из офицеров, заявивший что служит «не по призванию, а по нужде», предложил ей даже назвать «за приличную сумму» того, кто ее выдал, (у Розмирович были в Киеве состоятельные родственники, о чем охранка тоже знала).

Муж Розмирович А.А.Трояновский еще со времен Краковского совещания был предубежден против Малиновского; теперь он получил от жены письмо из киевской тюрьмы, в котором она писала, что, кажется, его предположения подтверждаются фактами. Желая окончательно удостовериться в справедливости предположений, Трояновский послал два письма — умышленно одинакового содержания — Зиновьеву (не сомневаясь, что тот покажет его Малиновскому, находящему в Поронине) и своему брату в Черниговскую губернию, в расчете на перлюстрацию. В письмах сообщалось об аресте Розмирович и о подозрениях относительно «одного видного члена партии»; если Розмирович не будет немедленно освобождена, писал Трояновский, это явится доказательством его провокаторства. Освободили Розмирович, как только Малиновский вернулся в Петербург[375].

Белецкий в своих показаниях 1917 г. много раз подчеркивал «подозрительность», проявлявшуюся Розмирович. Арестовали ее в Киеве, а не в Петербурге, чтобы обезопасить Малиновского и по его же совету, и он же настоял на ее освобождении, хотя Белецкий предлагал отреагировать на намек Троянского противоположным образом, не торопиться с освобождением.

Согласно тем же показаниям Белецкого, и он, и Малиновский опасались из всех депутатов только Петровского — в силу партийной выдержанности, замкнутости и чуткости, свойственных ему больше, чем другим членам фракции. При всем том Петровский был очень осторожен в своих выводах и не поддавался настроению без фактических оснований. Белецкий все же приказа! установить за ним постоянное наблюдение, так как Петровский начал кое-что скрывать от некоторых «софракционеров»[376]; еще в марте 1913 г. департамент полиции установил особо тщательное наблюдение за его

корреспонденцией[377]. В Киеве, куда Петровский приехал для участия во 2-м Всероссийском кооперативном съезде, разговаривая с Розмирович после ее освобождения» он тоже высказал сомнения насчет Малиновского, удивлялся, в частности, широкому образу жизни, который тот ведет (Малиновский объяснял это тем, что его жена получила наследство).

Ленин и Зиновьев отвергли подозрения. На заявление Трояновского и Розмирович они официально ответили, что берут на себя **полную** ответственность за Малиновского[378].

Своего рода якорем спасения для него невольно стал работавший в «Правде» Мирон Черномазое. Приехав в Петербург из Парижа в апреле 1913 г., Черномазое вскоре занял место ночного (выпускающего) редактора газеты. Рекомендовавший его Л.Б.Каменев вначале предполагал, что он работает, «как вол», и все им довольны[379], на самом же деле работа Черномазова все чаще вызывала нарекания. Оказалось, что прав был С.Г.Шаумян, потребовавший, когда ему предложили возглавить редакцию, прежде всего удалить из нее Черномазова, хорошо известного ему по Баку (на что шестерка депутатов-большевиков не согласилась). Черномазов не желал считаться с мнением других членов редакционной коллегии и единолично проталкивал в печать хлесткие материалы, ставившие газету под удар, вопреки напоминаниям Ленина о необходимости соблюдать «цензурность». Настроение против него все более накалялось[380].

Видимо, все это и учел Малиновский. Возникшие у Розмирович подозрения он повернул в другую сторону — против антипатичного всем Черномазова, который, между прочим, сам рассказывал после своего ареста летом 1913 г., как ему предлагали в охранке стать осведомителем, а в доказательство того, что и без него «все знают», указали на нелегальное пребывание жены Трояновского «Галины» в Петербурге и предстоящую ее поездку в Киев[381].

В результате маневра Малиновского Петровский и Розмирович отказались от сомнений на его счет. Некоторое время, по словам Розмирович, она доверяла ему вполне[382]. Это подтверждают ее письма из Петербурга в Краков, относящиеся к январю — началу февраля 1914 г., когда Малиновский находился за границей: «Жаль, что нет Кости, надо бы сейчас же приняться за реформы» (в «Правде»); «Прежде всего тормозит работу отсутствие Кости»; «Я до приезда Романа не хочу поднимать этот вопрос…» (о Черномазове); «А где же наш приятель? Почему он до сих пор не с нами?»[383]. Показателем полного доверия можно считать и тот факт, что, работая согласно решению Поронинского совещания секретарем большевистской шестерки и Русского бюро

ЦК, Розмирович с января 1914 г. снимала комнату в квартире Малиновских (с согласия Стефы, так как сам Малиновский еще не вернулся тогда из-за границы).

В начале февраля, не дождавшись возвращения «Кости», Розмирович вместе с депутатами отстранила Черномазова от редакторской и литературной работы в «Правде»[384]. Зиновьев предлагал оставить его на хозяйственной работе, но только в том случае, «если новые данные не делают его и здесь невозможным»[385]. В письменном объяснении, которое от него затребовали, Черномазов обиженно заявил, что уходит из партии, и этим лишь убедил всех в основательности подозрений[386]. Когда позднее Ленин писал, что Черномазов «почти сознался в неблаговидном полицейском деле», он ссылался на информацию Каменева и Малиновского[387].

Еше одним проявлением «бдительности» Малиновского явился такой факт: на Поронинское совещание не допустили петербургского делегата рабочего Н.В.Заему, его заподозрили в провокации в связи с провалом Колпинской типографии ПК РСДРП в августе 1913 г., причем инспирировали это дело и Черномазов и Малиновский[388].

Тем не менее во время совещания Малиновский изображал несправедливо обиженного (было решено передать часть его функций в «Правде» другим депутатам, прежде всего, обязанности казначея). О совещании Н.К.Крупская писала: «… Сутолока была отчаянная. В общем совещанием мы довольны, хотя публика нервничала чересчур, особенно Костя, который издергался весь»[389]. В воспоминаниях она расшифровала это место: «…Малиновский нервничал вовсю, по ночам напивался пьяным, говорил, что к нему относятся с недоверием. Я помню, как возмущались его поведением московские выборщики Балашов и Новожилов». Далее идет фраза, видимо, из области домысливания: «Почувствовали они какую-то фальшь, комедию во всех этих объяснениях Малиновского»[390]. Объяснений — в прямом смысле этого слова — как раз и не последовало, а истерика Малиновского другим делегатам совещания была не внове.

По существу дела московские выборщики могли подтвердить (и подтвердили) все, что говорил Малиновский о партийной работе в Москве и Московской губернии: она развивалась успешно, большевистское влияние неоспоримо росло, «Правда» и «Наш путь» распространялись все шире, а «Луч» — наоборот и т. д. — все это не могло не ставиться в заслугу Малиновскому, его энергии и уменью направить усилия выборщиков и уполномоченных в своем избирательном округе. Ленин

тщательно записывал данные из выступлений московских делегатов[391].

Ф.А. Балашов и Я.Т.Новожилов вернулись с Поронинского совещания доверенными лицами ЦК, но уже в конце 1913 г. — начале 1914 г. их арестовали; вскоре арестовали и других московских выборщиков и многих связанных с ними рабочих-активи-стов: одним ударом охранка разорвала с таким трудом налаженные связи[392]. «… у нас здесь половина Москвы», — писали в конце 1913 г. из Нарыма[393].

Зато, несомненно, укрепил положение Малиновского раскол думской фракции. 15 ноября 1913 г. Малиновский подал в президиум Думы заявление от имени шести депутатов-большевиков о выделении их в самостоятельную фракцию. Председателем новой фракции депутаты избрали Малиновского.

Еще в начале деятельности IV Думы Ленину стало ясно, что депутаты-меньшевики будут активно пользоваться своим количественным перевесом в один голос. Решения о тактике большевиков в связи с этим принимались па Краковском и Поронинском совещаниях, неоднократно писал об этом Ленин. Малиновский следовал здесь партийным решениям и, поскольку имел соответствующие инструкции Белецкого, никаких колебаний не испытывал — в отличие от некоторых других депутатов-большевиков, которые поначалу думали, что «ликвидаторство изживается, и ликвидаторы возвращаются к старому меньшевизму» (так объяснял свою позицию Г.И.Петровский)[394]. Когда в декабре 1912 г. меньшевики поставили вопрос об объединении двух легальных рабочих газет и предложили, чтобы уже теперь все рабочие депутаты сотрудничали и в «Правде», и в «Луче», не приняли это предложение только Малиновский и Муранов; другие депутаты-большевики согласились. От участия в «Луче» они отказались лишь 30 января 1913 г., после Краковского совещания.

Впоследствии Чхеидзе утверждал, что Малиновский выискивал любой повод, чтобы обострить отношения внутри фракции[395]. Возможно, доля истины здесь есть и немалая. Но бесспорно и то, что «раскольническую» роль Малиновского меньшевики преувеличивали.

Претензии большевиков, усиленно подогреваемые Лениным, сводились к требованию равноправия, так как шестеро депутатов представляют большую часть рабочих, принимавших участие в выборах. Меньшевики возражали: нельзя исходить из недемократической избирательной системы, каждый член думской фракции защищает интересы рабочего класса. Большевики заявляли, что их постоянно ущемляют: в течение

первой сессии они получили возможность выступить 39 раз, а меньшевики — 95; большевики были представлены в 9 думских комиссиях, меньшевики в 20; из комиссий, где было по одному социал-демократу, большевики входили в б, а меньшевики в 16. Только двое большевиков участвовало в двух комиссиях одновременно, тогда как Чхенкели — в шести, Скобелев — в пяти, Маньков — в четырех, Чхеидзе — в трех [396]. Но для такой работы были более подготовлены депутаты-интеллигенты, а они имелись только среди меньшевиков. К тому же большевик Самойлов часто отсутствовал по болезни.

Раскол между большевиками и меньшевиками есть в сущности течение «противуинтеллигентское», оно отражает скептическое отношение народа к интеллигенции, говорил член кадетского ЦК Л.М.Колюбакин, подметивший тенденцию, проходящую через всю историю большевизма[397]. А меньшевикам превращение малочисленной думской фракции в две микроскопические представлялось тактикой «левее здравого смысла».

Так или иначе, но намеченный ленинским сценарием разрыв произошел. Исчез последний заметный остров социал-демократического единства. Реакция на это была неоднозначной, многие рабочие не знали, как отнестись к очередному расколу. Шестерка все же получила поддержку большинства партийных организаций и более, чем двух третей (69 %) всех, кто подписал резолюции, в которых выражалось отношение к отделению большевиков (в Петербурге — 74 %)[398]. Иначе обстояло дело в эмигрантских колониях. С желанием Ленина воздействовать в большевистском духе на заграничные организации была связана поездка Малиновского во время рождественских думских каникул в Западную Европу. Эта поездка позволила бы политическим эмигрантам судить о лидере большевистской фракции уже не понаслышке.

6(19) января 1914 г. он приехал вместе с Лениным в Париж — центр русской политической эмиграции и на следующий день выступил перед большой аудиторией — 400–600 человек — с докладом о работе думской фракции. Доклад продолжался два часа и произвел сильное впечатление. Эсер А. Воронов писал, что «давно не слышал такой содержательной, дышащей жизнью и верой речи». Малиновского он воспринял как живую иллюстрацию к публиковавшимся тогда в русских журналах очеркам публициста Л.М.Клейнборта о «рабочей интеллигенции»[399]. Докладчик рассказывал с множеством подробностей, как проходили выборы в IV Государственную думу, описал первое свое выступление в Думе («и у меня тряслись

поджилки», — признался он), особо остановился на тесных отношениях рабочих депутатов со своими избирателями, избегая, однако, прямых упоминаний о партии, революции и т. п. — такое условие поставил перед ним Ленин, опасавшийся, что чрезмерная откровенность повредит Малиновскому, когда он вернется в Россию, так как на собрании не могли не присутствовать агенты охранки. Доклад, по мнению Ленина, был очень удачный[400]. «Правда» сообщила, что Малиновского слушали «с затаенным дыханием», он кончил доклад под бурные аплодисменты.

В этой информации не все точно: в действительности многие из собравшихся были настроены против ленинцев; Малиновского, несмотря на все его красноречие, прерывали. Выступившие в прениях А.В.Луначарский, Г.А.Алексинский, Павлович (М.Л.Вельтман) обвинили его в расколе фракции и в стремлении делить рабочих «на овец и козлищ»; для раскола, утверждал Алексинский, не было никаких серьезных оснований, что вполне доказано только что произнесенной речью Малиновского. Слушая их выступления из-за кулис, Малиновский плакал навзрыд, но в заключительном слове, вытирая глаза, подтвердил большевистскую позицию, заявив, что депутаты-большевики выполняли свой долг пе-1>ед рабочим классом, и большинство «сознательных рабочих» эту позицию одобрило[401].

Выступил Малиновский и на собрании Парижской большевистской группы, а затем — также в присутствии Ленина — на IV съезде Социал-демократии Латышского края в Брюсселе по 2-му пункту повестки дня «Русские дела и думская фракция»[402].

И еще одно далеко не ординарное поручение Ленина «выполнил» Малиновский в Париже: посетил знаменитого разоблачителя провокаторов В.Л.Бурцева. Само это поручение явилось знаком исключительного доверия, так как незадолго до поездки в Париж Ленин получил из Вены от Бухарина тревожное письмо с длинным перечнем слухов, касавшихся Малиновского. Речь шла о старых подозрениях 1910–1911 гг., но серьезность положения заключалась, по мнению Бухарина, «в страшной распространенности слухов» — о чем он впервые узнал из беседы с Шером 12 декабря 1913 г. — в то время как сам Малиновский, несомненно, зная, что его подозревают, не потребовал хотя бы негласного расследования[403]. Усилившиеся сомнения Бухарина не заставили Ленина изменить свои планы. Не произвела на него впечатления и информация газеты «Речь» о странном разгроме квартиры Малиновского, что Шер в том же разговоре с Бухариным квалифицировал как «товарищеский обыск» (в чем он ошибся: это была московская квартира, нанятая на имя

Малиновского для редакции «Нашего пути» и московского отделения «Правды»; Малиновский там не жил и своих личных вещей и бумаг не держал)[404].

Парижская встреча Малиновского с Бурцевым явилась продолжением прежних контактов с ним большевиков. Еще в 1909 г. приехавшие в Париж из Петербурга И.П.Гольденберг и А.П.Голубков советовались с Бурцевым по поводу подозрений против секретаря Петербургского комитета РСДРП Ю.О.Серовой[405]. Сразу после Пражской конференции ленинский ЦК постановил создать комиссию из трех лиц для расследования дел о провокации в рядах РСДРП. С этой целью также было решено прибегнуть к помощи Бурцева[406]. В первую очередь имелось в виду разобраться в подозрениях насчет старого члена парижской группы большевиков Якова Житомирского, — они появились в 1910 г., назвал его как возможного провокатора приехавший за границу бывший чиновник департамента полиции Л.П.Меньшиков. По-видимому, предполагалось снова поднять вопрос и о приятеле Житомирского, бывшем члене ЦК РСДРП и Большевистского центра Викторе Таратуте, заподозренном еще в 1908 г., но в 1910 г. оправданном межфракционным судом.

18 апреля 1912 г. Ленин направил Бурцеву письмо, удостоверявшее, что по соглашению с ним ЦК сформировал комиссию в составе Бурцева, Николая Васильевича (Н.И.Сапожкова-Кузнецова) и Юрия (А.А.Бекзадяна)[407]. Все они жили, как и Бурцев, на положении эмигрантов в Париже. Но когда Бурцев обратился от имени этой комиссии к действовавшей там же аналогичной комиссии, состоявшей из меньшевиков, впередовцев и примиренцев, с просьбой выдать ему материалы и документы по делу «о центральной провокации в РСДРП», меньшевики ответили отказом. Отказ мотивировался тем, что название Центрального Комитета присвоено «ленинской группой», которая не пользуется доверием «огромного большинства партии». Уполномоченным-большевикам предлагалось войти в состав существующей уже комиссии с тем, чтобы она стала общепартийной, на что большевики не пошли[408].

Нежелание действовать совместно с меньшевиками даже в борьбе с провокацией вписывалось в логику реализации решений Пражской конференции. В литературе можно встретить утверждения, будто тем самым облегчалось пресечение действий полицейской агентуры[409]. Факты этого не подтверждают. С другой стороны, обращение к Бурцеву говорит о том, что ленинский ЦК не намеревался пренебрегать опытом, которым располагали по крайней мере силы, считавшиеся нейтральными.

Опыт и информированность Бурцева в этой области были уникальными, с 1906 г. по 1914 г. он сумел разоблачить несколько десятков провокаторов, а разоблачение Азефа снискало ему непререкаемый авторитет[410]. Но Бурцев, видимо, не понял причин взаимной нетерпимости большевиков и меньшевиков, и реальное сотрудничество тогда не получилось.

Теперь, в начале 1914 г., была предпринята вторая попытка. Перед этим Бурцев присутствовал на том собрании, где «знаменосец чистого большевизма» выступал с докладом. О неожиданном визите Малиновского Бурцев впоследствии дважды давал показания Чрезвычайной следственной комиссии (1 апреля и 1 июня 1917 г.) — многословные и несколько путанные. Сходится лишь то, что Малиновский явился с письмом от Ленина, в котором Ленин рекомендовал его как члена ЦК, и что главным предметом разговора были подозрения, касавшиеся опять-таки Житомирского.

В первый раз Бурцев показал, что, начав «интимную» беседу издалека, в ходе ее он по собственной инициативе назвал имя Житомирского, и Малиновский «этим заинтересовался». Из показаний, данных второй раз, явствует, что в письме Ленина было прямо сказано, что Малиновский интересуется делом Житомирского. В первый раз Бурцев говорил о комиссии из двух эсдеков во главе с ним — Бурцевым, безотносительно к визиту Малиновского, из чего можно понять, что имелась в виду комиссия 1912 г. Однако в июне 1917 г. Бурцев утверждал, что о постановлении ленинского ЦК назначить Бурцева председателем комиссии по расследованию деятельности Житомирского говорилось в том письме Ленина, с которым приехал Малиновский, и, следовательно, речь шла о новой комиссии.

Впрочем, Малиновского интересовали, помимо Житомирского, вообще сведения о провокаторах, и состояние его во время разговора было «тревожное». Когда Бурцев выразил сожаление по поводу того, что члены Государственной думы не борются с провокацией, Малиновский, спохватившись, «возразил, что это такая гадость, что не хочется даже к ней прикасаться». Правда, он мог бы при желании записать в свой актив речь 30 октября 1913 г. в защиту спешности запроса о провокации, приведшей к аресту социал-демократических депутатов II Государственной думы, — эта речь еще выше подняла его авторитет среди рабочих.

Бурцев указал Малиновскому на двух чиновников департамента полиции, с которыми можно установить связь на предмет получения доказательств провокаторства Житомирского. Договорились, что через месяц Малиновский сообщит о

результатах, и тогда Бурцев будет давать новые сведения. Малиновский ничего в назначенный срок не сообщил и только в марте послал письмо, в котором объяснил, что ему было некогда съездить для наведения нужных справок[411]. Как отчитался он перед ЦК, неизвестно. По другим данным, полученным Б.И. Николаевским уже в 30-е гг. от Бурцева, он назвал Малиновскому чиновника московской охранки Сыркина, и в результате Сыркин был уволен и сослан в Сибирь[412]. Наконец, есть еще показания Малиновского на суде в 1918 г.; Бурцев будто бы предложил ему повидаться с каким-то провокатором (который «выдавал так же, как я, других» и «сделал больше»), но его удержало «чувство отвращения»[413]. Это очень похоже на Малиновского — и на суде ему во что бы то ни стало хотелось морально отделить себя от прочих провокаторов, — но потому это свидетельство и сомнительно, тем более, что фамилию провокатора Малиновский не назвал.

Чем выше поднималась волна рабочего движения, тем чаще арестовывались большевики, и оставшиеся на свободе снова и снова строили догадки, кто из них может быть тайным агентом охранки. 18 февраля полиция арестовала членов редакции правдистского журнала «Работница», собравшихся накануне выхода 1-го номера у секретаря редакции П.Ф.Куделли. Среди арестованных была и Розмирович. Одновременно в комнате Розмирович провели обыск под руководством переведенного в Петербург бывшего опекуна Малиновского ротмистра Иванова. Конечно, ни Малиновского, ни его жены в этот момент в квартире не оказалось, и охранка получила в свое распоряжение все необходимые ей улики[414].

За два дня до этого Розмирович направила в Краков очередное письмо. Она писала, что в Петербурге идут усиленные толки о провокации, о ней говорят все освобожденные из тюрем, а К., то есть М.И. Калинин, категорически отказался войти в Русскую коллегию ЦК, мотивируя это «наличностью провокации на верхах»: его товарищу И.Г.Правдину, арестованному в декабре, сообщили на допросе «об одной такой вещи, о которой знали здесь только два лица: Костя и Марк (Г.И.Петровский], следовательно, делает он (Калинин] заключение, провокатор за границей». Прав-дину, поясняла Розмирович, было сказано в охранке, что во время осеннего (Поронинского) совещания его кооптировали в ЦК, о чем не знала и она сама[415]. Таким образом, никого из депутатов, в том числе и Малиновского, Калинин не подозревал.

Дополнительные сведения об этом эпизоде содержатся в неопубликованных (что не случайно) воспоминаниях

М.И.Калинина (1924 г.). История с Правдиным обсуждалась на узком собрании, в котором участвовали Калинин, Малиновский, Петровский, Правдин и Медведев; эта история «проливала некоторый свет, что среди нас, где-то очень близко есть провокатор. Петровский говорил: или я или Малиновский провокатор — больше некому»[416]. О своем собственном тогдашнем подозрении («провокатор за границей») Калинин здесь умолчал, так как в таком случае речь могла идти только о Ленине или Зиновьеве. Но в 1914 г. он склонен был подозревать скорее их, чем Малиновского. В июле, в Поронине, повторно рассказывая об этом членам Заграничного бюро ЦК, Розмирович передавала слова будущего всероссийского старосты еще определеннее, чем в письме: «Я, — говорит Калинин, допускаю, что один из заграничных членов ЦК, может быть, Ленин — провокатор», а «к Малиновскому у него было полное доверие»[417]. Фразу Петровского Калинин в 1924 г. явно сочинил: ни в одном документе 1914 г. ее нет.

В том же письме Розмирович говорилось, что «Русская коллегия решила вести следствие по этому делу, допросить ряд лиц». Сама она подозрений в отношении кого-либо не высказывала, но сообщала, что Малиновский в связи с толками о провокации снова поставил вопрос о Черномазове, ссылаясь и на заявление правдиста М.С.Ольминского: «Черномазов либо провокатор, либо дурак».

Во время партийного следствия в Поронине Розмирович говорила, что никто, кроме Конкордии Самойловой, знавшей Черномазова еще до «Правды», его не защищал, однако настойчивость Малиновского показалась ей подозрительной, и с этого момента отношения с ним у нее начали ухудшаться. Тем не менее она тоже торопила выяснение дела Черномазова; кроме Розмирович, заниматься этим было поручено Петровскому и Малиновскому. Перед отъездом 27 апреля 1914 г. в Киев, куда ее административно выслали из Петербурга, она встретилась с Малиновским, и отношение к нему опять стало «вполне хорошим»[418].

Неизвестно, воплотилось ли после ареста Розмирович намерение Русского бюро начать следствие в какие-то конкретные действия или же депутаты ограничились тем, что постарались «удесятерить» конспирацию в своей нелегальной работе, как того неоднократно требовал от них ЦК РСДРП[419]. Сам Малиновский делал вид, что соблюдает эти требования неукоснительно. Студент Николай Мальцев, работавший в московской социал-демократической студенческой организации, вспоминал в советское время, как Малиновский при передаче ему литературы

и директив центра обставлял свидания «невероятной комедией конспирации»[420] (разумеется, тогда они не казались ему комедией; познакомившись с Малиновским, Мальцев писал, что «конечно, в восторге от него»[421]). После ареста Розмирович Малиновский сумел снова отвлечь от себя внимание. По-видимому, именно он возбудил подозрения в отношении заменившего ее в должности секретаря фракции Э.И.Квиринга, ввиду чего ЦК предложил депутатам обсуждать в присутствии нового секретаря только думские дела.

Решениями ЦК, принятыми 2(15) —4(17) апреля 1914 г., предусматривалось начало или продолжение расследования подозрений и слухов, касавшихся Н.В.Заемы, Г.М.Шкапина и Б.Г.Данского. Во всех трех случаях Малиновский назывался или подразумевался в качестве участника расследования. Больше того, подчеркивалось, что из членов фракции только Петровский и Малиновский как члены ЦК должны ведать партийными делами «исключительной серьезности» (вроде организации побегов, денежных дел и т. п.). Им поручалось вести переговоры с капиталистами Коноваловым, Морозовым и Рябушинским: срочно нужны были деньги для подготовки и проведения намеченного на август 1914 г. партийного съезда[422]. Такие поручения Малиновский и Петровский выполняли и раньше, обращаясь в разное время к М.Ф.Андреевой, к золотопромышленнику Конюхову, к П.Н.Мостовенко и другим состоятельным лицам[423].

Итак, все, что нам известно о партийной работе Малиновского в конце 1913 — начале 1914 гг., об отношении к нему в этот период, убеждает в том, что доверие к нему со стороны партийного руководства, членов фракции и их советников оставалось высоким. В обстановке роста рабочего движения и влияния сторонников Ленина сомнительные моменты воспринимались как частные промахи или недоразумения. Вклад председателя думской фракции в общее дело правдистов представлялся весомым.

Но столь же бесспорно, что устойчивость его положения в партии была результатом весьма изощренной тактики. Можно здесь выделить несколько приемов. Прежде всего это искусное вживание в новую для Малиновского роль конспиратора, бдительно оберегающего партийные тайны, борца с полицейской агентурой. Второй — личина самого левого из депутатов, самого убежденного и последовательного сторонника Ленина. Это позволяло, помимо всего прочего, вызывать недоверие к тем или иным неугодным Малиновскому лицам (например, к А.К. Гастеву, старому знакомому еще по питерскому союзу металлистов, формально в партии не состоявшему, но примыкавшему в 1913–

1914 гг. к правдистам; Малиновский настоял, чтобы его удалили из «Правды»)[424]. Пригодился и опыт интригантства времен его работы в союзе металлистов.

Своеобразным средством маскировки была и видимая откровенность в рассказах о себе. Малиновский охотно и подробно рассказывал о том, что случалось с ним давно и недавно: о том, как его вынудили пойти «добровольцем» на русско-японскую войну, как жена его чуть не покончила с собой, узнав, что он атеист, об увольнении с фабрики во время выборов, о рабочих собраниях во время депутатских объездов Московской губернии и т. д.[425]. Все рассказываемое казалось вполне правдоподобным, действительно пережитым. Но фантазировать и просто лгать он тоже умел мастерски.

До известной степени таким же средством маскировки была и вспыльчивость, ибо она позволяла скрывать как будто бы противоположные его черты — хитрость, расчетливость, продуманность поведения.

И все же было бы неверно видеть в его поведении только хамелеонство. Когда Малиновский был разоблачен, Ленин и Зиновьев решили, что за его спиной стояла целая «комиссия умных людей», направлявшая каждый его политический шаг, — собственными силами ему не удалось бы так тонко вести свою линию. Это не так, мы уже видели, что действия Малиновского направлял один Белецкий, причем довольно осторожно. Сам же Малиновский употребил все свои незаурядные способности, чтобы утвердить среди окружающих репутацию рабочего-самородка, и в этом смысле он был и актером и режиссером спектакля, который играл. Вопрос лишь в том, был ли это в буквальном смысле слова от начала до конца «спектакль». Если даже продолжить такое сравнение, то, несомненно, он чувствовал себя в своей роли естественно, и мы не ошибемся, если скажем, что она была частью его натуры: доверие к нему М.И. Калинина и других видных рабочих-большевиков в чем-то даже более показательно, чем доверие Ленина.

Тяготила ли его в таком случае необходимость вести двойную игру? По всей видимости, да. Сам Малиновский много говорил во время следствия и суда в 1918 г., что у него не было сил переносить внутреннюю борьбу и страх перед возможным разоблачением; когда кто-то из депутатов произносил длинную речь, он уходил в другую комнату и там плакал или кусал руки до крови, а однажды в отчаянии разбил себе голову о стену (и потом говорил, что его якобы ударила лошадь)[426].

Можно посчитать подтверждением этих слов показания Белецкого: затруднительное положение, в которое попадал

Малиновский, когда ему приходилось выступать с кафедры Государственной думы, приводило к тому, что он «иногда долго болел для того, чтобы не выступать» (но «заболеть» советовал ему не кто иной, как Белецкий)[427]. Виссарионов шел еще дальше: двойственность доводила Малиновского до болезненного состояния, когда же он выступал в Думе, «в нем опять просыпался тот партийный деятель, каким он был вначале и который в нем все время продолжал жить. Он увлекался и как человек темпераментный возвращался на тот путь, с которого сошел в силу обстоятельств»; в глубине души он сохранил верность партии[428].

Но какими бы не были терзания Малиновского, они не заставили его отказаться от выбора, сделанного в 1910 г. На судебном процессе 1918 г. он показал, что не раз просил освободить его от полицейской службы. Вскоре после того, как его завербовали в Москве, он просил об этом будто бы Заварзина (уволить «по негодности»), затем Белецкого, угрожая самоубийством, что шефа будто бы крайне напугало. Он уверял, что у него возникала мысль не возвращаться в Россию с Пражской конференции, что позже он говорил многим большевикам — Крестинскому, Козловскому, Каменеву — о своем желании уйти из Думы, хотел даже сознаться в провокаторстве и как раз поэтому — для храбрости — напился во время Поронинского совещания[429]. Проверить большую часть этих утверждений невозможно. Фактом остается, что он так и не сознался, продолжая носить обе личины.

Для окружающих он был «верным ленинцем». Но, вероятнее всего, ситуацию в стране он видел не совсем так, как Ленин. Напомним, что он сам выразил желание в 1912 г., после избрания депутатом состоять при департаменте полиции, а не при петербургской охранке. В чем был для него смысл такого предпочтения, что давало ему тайное общение с Белецким и Виссарионовым? Объяснение может быть только одно: не меньше, чем звание депутата Государственной думы, его прельщала — по крайней мере, в тот момент — возможность приблизиться к средоточию реальной власти. Именно принадлежность к святая святых этой власти — пусть всего лишь в роли высокооплачиваемого осведомителя — рождала в нем чувство превосходства над рабочими депутатами, над товарищами по партии, над Лениным. И не потому, что он считал существующий строй справедливым или проникся монархическими идеями. Нет никаких данных, которые бы указывали, что его привлекала внешняя мишура монархии. Главным было обладание секретами, недоступными никому из революционеров. На этом, в свою

очередь, держалось иллюзорное представление о всеведении, а значит и о незыблемости власти, о тщетности стараний ее сокрушить, представление, которое искусно поддерживал в сознании Малиновского вслед за Заварзиным и Ивановым Белецкий. Ленинской непоколебимой уверенности в том, что Россия идет к новой революции, у него не было, как и у многих современников, в поле зрения которых находились другие факты, нежели у революционеров-эмигрантов.

Много позже последние меньшевики вспоминали, как манила их, молодых тогда еще людей, многообразная культурная жизнь предвоенных лет, открывшиеся перспективы получить серьезное образование, выйти на стезю профессиональной карьеры[430]. Малиновский, которому шел 37-й год, вероятно, видел свои личные перспективы несколько иначе, но тоже в рамках более или менее стабильного общественного порядка. Вполне возможно, что комп-леке приобщенности к тайнам государства, поднимавший его в собственных глазах, внушал ему и какие-то надежды на дальнейшее возвышение: история политической полиции знала не один случай превращения видных агентов-провокаторов в чиновников секретной службы. Нет сомнений — плату от хозяев он принимал с готовностью, и ее повышение, как и рассчитывал Белецкий, еще больше привязывало его к департаменту полиции.

Но расстаться с положением большевистского лидера, одного из главных представителей Ленина в России, Малиновский тоже не хотел — не только потому, что не мог этого сделать, так как именно оно определяло ценность «Икса» в департаменте **полиции.** Тайные встречи за ужином с директором департамента полиции не могли заменить ему открытого лидерства, признаваемого окружающими. Ему «льстило звание члена Думы», и, кроме того, он хотел показать родным, на что оказался способен, «до чего… выбился»[431]. Он помнил, что начинал отщепенцем; уйдя из семьи, он завидовал более благополучному положению брата и сестер, и это подогревало его честолюбие. Теперь, когда он получал двойное жалование — как депутат и как секретный сотрудник, в материальном отношении он не только сравнялся с родными, но и далеко превзошел их. Еще больше он гордился тем, что возглавляет одну из думских фракций. Высокомерное отношение Малиновского к членам фракции достаточно ясно показывает, насколько важно было ему сохранить возможность повелевать и в этой сфере — от имени, разумеется, Ленина, что нейтрализовало их недовольство. И, конечно, он упивался силой воздействия своих речей в Думе и вне ее на рабочих. Публичность он ценил определенно выше, чем

иные профессионалы-большевики, рассматривая, подобно многим рабочим-активистам, необходимость конспирировать как некий вынужденный довесок к легальной деятельности, неизбежный в условиях третьеиюньского режима и для формаль**но** непартийных организаций типа профсоюзов.

Все это позволяет думать, что едва ли он намерен был добровольно покончить с бесспорно все более угнетавшей его двойственностью. Разрубить этот узел он предоставлял другим. И меньше всего он задумывался при этом о последствиях — не для себя, а для рабочего движения, от имени которого он продолжал гордо выступать, для тех, кто ему верил. Да и возможно ли было спрыгнуть с «поезда», когда он шел на подъем? Тон в рабочем движении задавали горевшие революционным нетерпением молодые рабочие, все их симпатии были на стороне «подполья». 1905 год застал их подростками, и теперь они смотрели снизу вверх на ветерана РСДРП Малиновского, с досадой отворачиваясь от тех «стариков», которые призывали к организованности и дисциплине, предостерегая от «стачечного азарта».

Один из таких «стариков» (по-видимому, меньшевик) оставил едкую, но верную характеристику «правдистской» рабочей молодежи предвоенных лет. Она верила, что «скоро и неожиданно теперешняя скверная жизнь может встряхнуться и все может стать совсем другим». «Пылкости, громких фраз, готовности лезть на стену хоть отбавляй, но знать — они не знают ни черта, нет у них ни прежнего опыта, ни теории, не умеют даже просто логично рассуждать. Попросту лишь юные, юные ребята, воспитанные на чтении «Правды» и самым нелепым образом воспринимающие ее лозунги, а именно пренебрежительное отношение к культурной и профессиональной работе, ибо грядет революция и надо готовиться к ней, ненависть не только к буржуазии, но ко всякого рода интеллигенции, необычайное самомнение в таком стиле, что мы-де рабочие — соль земли, мы одарены правильным — классовым чувством, которое нам, помимо всяких книжек, указывает правильный путь к решению вопроса»[432]. Их нетерпение подстегивал и Роман Малиновский, что бы он не думал при этом о прочности существующего порядка.

Р.В.Малиновский, солдат лейб-гвардии Измайловского полка. Петербург, 1905 г.

Р.В.Малиновский. 1906 г.

Г.Е.Зиновьев. 1908 г.

Здание, где помещались Дорогомиловские рабочие курсы

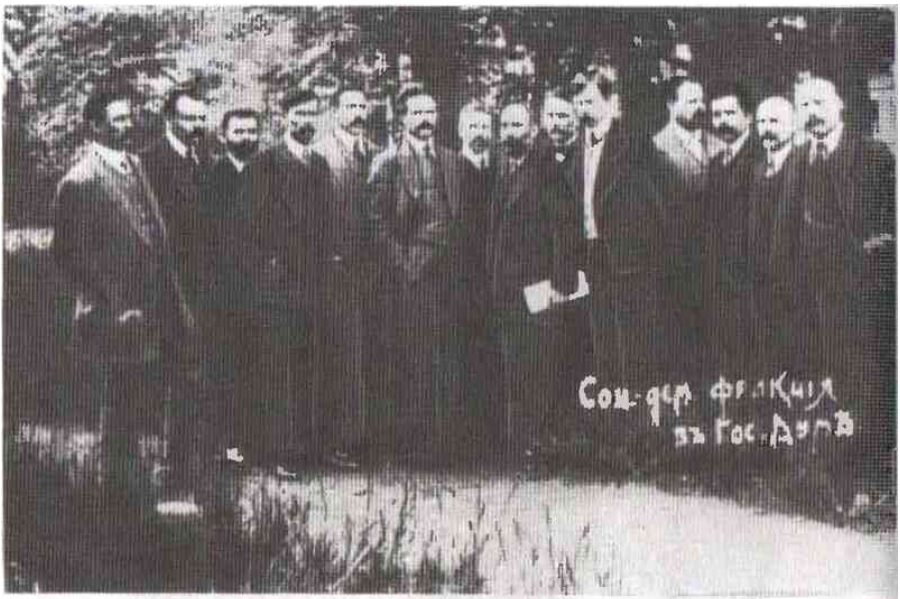
Группа политических ссыльных. В первом ряду слева сидит Ф.И.Голощекин. В центре — Я.М.Свердлов. Енисейск, март 1917 г.

Группа слушателей Дорогомиловских рабочих курсов. Москва, 1911 г.

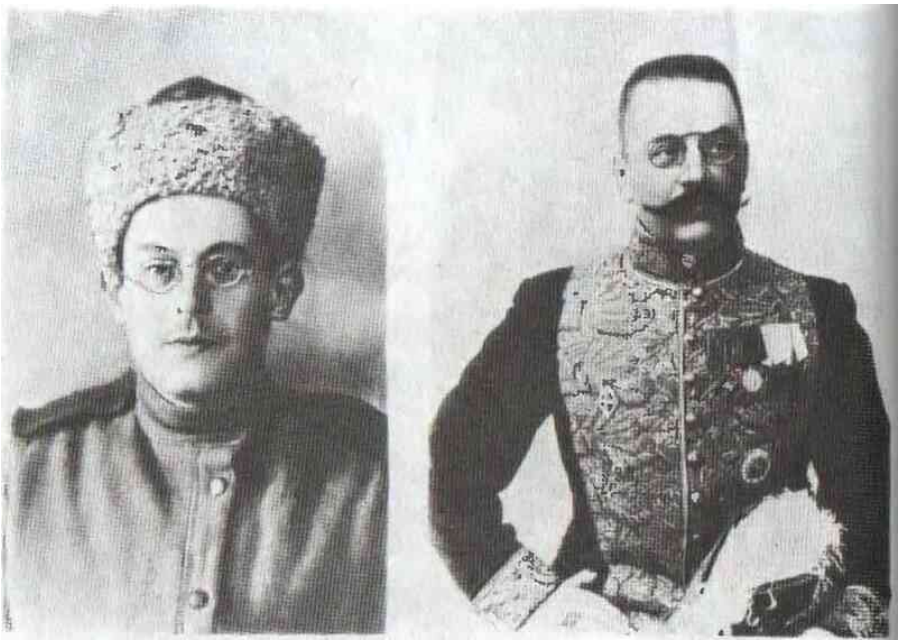
Группа политических ссыльных. В верхнем ряду справа Н.И.Бухарин. Онега, 1911 г.

Р.В. Малиновский с семьей и родственниками. Сидят слева направо: 2-й — сын Владимир, 3-й — Р.В.Малиновский, 4-й — сын Виктор. Стоит 4-я справа С.А.Малиновская. Варшава, 1912 г.

Р.В.Малиновский — депутат IV Государственной думы



Члены социал-демократической фракции IV Государственной думы. Слева направо: И.Н.Туляков, А.Е.Бадаев, Г.И.Петровский, Ф.Н.Самойлов, М.И.Скобелев, Р.В.Малиновский, М.К.Муранов, Н.С.Чхеидзе, В.И.Хаустов, А.Ф.Бурьянов, А.И.Чхенкели, Н.Р.Шагов, Е.И.Ягелло, И.Н.Маньков. 1913 г.

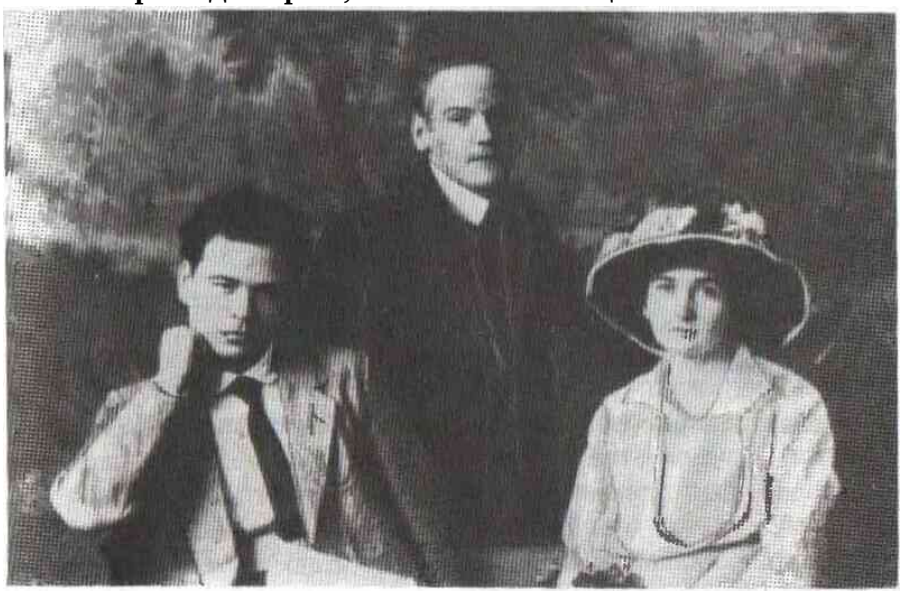


Н.Н.Яковлев. 1917 г. Н.А.Маклаков

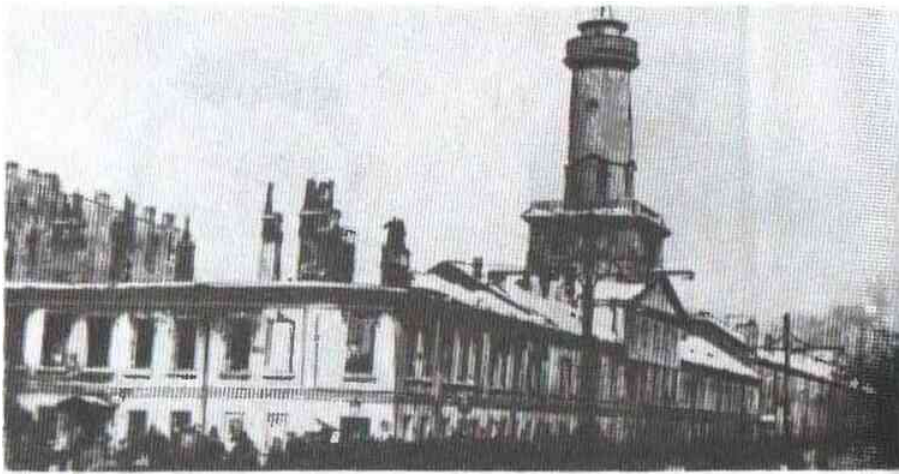
Ю.О.Мартов. 1910 г. Ф.И.Дан

Жены большевиков-депутатов IV Государственной думы.1-я слева С.А.Малиновская

И.Ф.Арманд. Париж, 1913 г. Я.С.Ганецкий. 1911 г.



М.А.Савельев, Н.В.Крыленко,Е.Ф.Розмирович. 1913–1914 гг.



Московская полицейская часть в Петрограде, разгромленная в дни Февральской революции 1917 г.

Выступление М.В.Родзянко на митинге. Апрель 1917 г.

Глава 5. РАССЛЕДОВАНИЕ

В одном из № Лит. газеты упоминали о Записках парижского палача; нравственные сочинения Видока, полицейского сыщика, суть явление не менее отвратительное, не менее любопытное.

А. С. Пушкин

Весна 1914 г. в Петербурге оказалась исключительно насыщенной политическими событиями. Конфронтация власти и оппозиции вступила в новую фазу. Фактически отказавшись от продолжения реформ, правящие круги все чаще обнаруживали желание постепенно аннулировать уступки 1905–1906 гг. В связи с этим отдельные либеральные группы сочли своевременным искать пути сближения с руководившими рабочим движением социал-демократами.

Особенно активны были левые кадеты и прогрессисты. Для достижения соглашения об одновременных антиправительственных действиях либералов и революционеров они надеялись использовать форму надпартийных контактов — масонские ложи. Среди масонов были некоторые меньшевики — члены IV Государственной думы Н.С.Чхеидзе, А.И.Чхенкели, М.И.Скобелев, член III Думы Е.П.Гегечкори, но ценность масонских собраний они видели лишь во взаимном информировании. «Как только мы переходили к вопросу о практических шагах, тотчас же вставали вопросы, которые нас разъединяли и во вне лож», — вспоминал Чхеидзе. Когда прогрессист А.И. Коновалов пригласил в марте 1914 г. на совещания в Москве наряду с другими общественными деятелями большевика И.И.Скворцова-Степанова, также члена масонской ложи, инструкции Ленина, к которому обратился Скворцов-Степанов, свелись к тому, чтобы выяснить пределы левения либералов, показателем чего могло бы явиться предоставление большевикам денег на проведение партийного съезда. 20 тысяч рублей Коновалов выдать обещал, хотя сдержанность левых его и разочаровала.

Выше говорилось, что практические переговоры насчет денег должны были вести Малиновский и Петровский. Малиновский уже получал однажды у Коновалова 2 тысячи рублей на рабочую печать. Помимо того, что Коновалова они знали по Думе,

вероятно, им было известно мнение о Коновалове Шагова — депутата от рабочих Костромской губернии, где Коновалову принадлежало несколько текстильных фабрик, на которых он осуществил обширную программу улучшения жизни рабочих. Согласно одному из агентурных донесений, «Шагов в разговоре с близкими лицами высказался, что он неоднократно бывал у Коновалова и пользовался его советами, что это он не считает для себя унизительным, так как Коновалов — «светлая личность, очень умный человек и друг рабочих». Но случилось так, что ездить к Коновалову за обещанными деньгами Малиновскому не пришлось…

В этой обстановке прошло празднование 22 апреля 1914 г. второй годовщины основания «Правды», объявленной большевиками днем рабочей печати. Оно вылилось в их триумф; итоги подвели позднее, но уже к концу дня было ясно, что они внушительны: правдисты превзошли ликвидаторов и по юбилейным тиражам своих изданий, и по количеству групп их поддержки, и по размерам собранных средств. Из этого они заключили, что рабочие в большинстве своем за революцию. Но современники не всегда вникали в суть большевистско-меньшевистского соперничества. Праздник воспринимался прежде всего как ответ на угрозу принятия нового закона о печати, направленного не только против крайне левых, но и против либеральных, «прогрессивных» газет, каких в России было больше всего.

Проправительственные силы отреагировали на это по-своему: впервые в думской практике депутат Н.С.Чхеидзе был привлечен за выступление с трибуны Думы к судебной ответственности. Социал-демократы и трудовики ответили в тот же день, 22 апреля обструкцией председателю Совета министров Горемыкину, не дав ему выступить. Родзянко, в свою очередь, подверг их за это «высшей степени наказания» — исключению из Думы на 15 заседаний, причем троих — А.И.Чхенкели, А.Ф.Керенского и Г.И.Петровского выпроводили из зала заседания силой (вернее угрозой ее применить). Только после этого Горемыкин получил возможность произнести свою речь. Часть депутатов-прогрессистов проголосовала вместе с правыми и октябристами за исключение, кадеты воздержались.

Симпатии общественности были на стороне исключенных. «Скандал в Думе оживленно обсуждается, чувство горечи, негодования еле-еле сдерживается», — писал в те дни один из петербургских большевиков. «Воздержание» кадетов осудили даже их местные организации. На заседании кадетского ЦК, где обсуждалась сложившаяся ситуация, мнения разошлись. Левый

кадет А.М.Ко-любакип говорил, что самое меньшее, что могли сделать кадеты, если не голосовать против исключения, это по крайней мере уйти из зала в момент «расправы» с социал-демократами и трудовиками. В результате допущенной кадетами ошибки, подчеркнул Колюбакин, «налаживавшаяся в последнее время солидарность всех групп оппозиции расплывается. Социал-демократ Малиновский, считавший раньше ниже своего достоинства ходить на совещания с кадетами, в последнее время являлся сам, чтобы сговориться».

Большинство членов ЦК не склонно было идти слишком далеко в координации действий с леворадикальными партиями, на чем настаивали Колюбакин и другой член ЦК И. В. Некрасов. П.Н.Милюков сообщил, что крайне левые сами хотели отмежеваться от кадетов как от людей «с рыбьей кровью», поэтому накануне инцидента Керенский, Малиновский и Чхеидзе вместо того, чтобы договориться о совместном с кадетами протесте, заявили ему, что «они пойдут дальше». Но после безоговорочного оправдания на заседании ЦК тактики кадетской фракции Милюкову пришлось все же в печати заявить, что кадеты солидарны «с целями, которые преследовал тактический шаг крайних левых», и они не согласны только с формой протеста и выбором для него момента. О своем сочувствии мысли о необходимости как можно ярче реагировать на действия правительства заявил и лидер прогрессистов И.Н.Ефремов[433]. Коновалов же выразил несогласие с поведением своей фракции тем, что отказался от полномочий товарища председателя Государственной думы.

В день исключения левых депутатов больше всех возмущался Малиновский: парламентские способы борьбы исчерпаны, твердил он; позорно возвращаться после всего, что произошло, в Думу; нужно поднимать рабочих на защиту депутатов, отправляться на места и призвать их к «активным действиям»; революционное выступление — вот единственный выход. Малиновского никто не поддержал. Даже обычно молчаливый Шагов произнес: «Так революции не делаются»[434]. Впрочем, в этот момент полевели и меньшевики. На заседании своей фракции Чхенкели даже предлагал отказаться от лозунга «беречь Думу во что бы то ни стало» и перейти к работе «чисто революционной»[435]. О неэффективности Думы перед лицом усиливающейся реакции говорил и Коновалов. Поэтому никто не придал особого значения словам Малиновского. Настроение его можно было понять, ничего непривычного в его поведении никто не заметил.

В Петербурге в забастовках протеста против исключения

левых депутатов участвовало 75 тыс. рабочих, в Москве 54 тыс. [436] — не так уж много по тогдашним меркам. Петербургское общество фабрикантов и заводчиков ответило на эти стачки новым локаутом, уволив 26 тыс. рабочих. Секретарь редакции «Правды» С.В.Малышев предостерегал депутатов: неосторожные призывы могут привести к стихийным вспышкам, а это даст правительству желанный повод «пустить кровь» рабочим, «дабы сбавить их пылу и энергии»[437].

Несмотря на возражения Малиновского, 7 мая левые депутаты возвратились в Думу. Возвращение они решили ознаменовать совместной, крайне резкой декларацией, ее читали по очереди заранее записавшиеся депутаты. Вслед за Керенским, которому удалось, начав чтение, продержаться на трибуне несколько минут, Родзянко последовательно лишал слова всех остальных, прерывая их на второй-третьей фразе. Прочитать декларацию до конца так и не удалось, и даже прочитанную часть было запрещено полностью опубликовать. Родзянко действовал четко: текст декларации ему заботливо сообщили из департамента полиции еще до открытия заседания. А Малиновский продолжал негодовать и требовать решительных действий.

8 мая с утра в Думе были все члены большевистской фракции, в том числе и Малиновский, потом они разъехались, остался один Муранов. Около 6 часов вечера к нему подошел член меньшевистской фракции Туляков и спросил: Верно ли, что Малиновский уходит из Думы? С тем же вопросом обратился к нему Керенский. Коновалов подтвердил: в его присутствии в половине четвертого Малиновский подал председателю Думы заявление о сложении им депутатских полномочий (дело было так: Малиновский вбежал в кабинет Родзянко, бросил ему на стол запечатанный конверт со словами «Прощайте!», а на недоуменный вопрос — «Что это значит?» — ответил: «Прочтите, сами узнаете»)[438]. Родзянко, когда к нему обратился Муранов, от прямого ответа уклонился. Но сомнений уже не было, хотя сам поступок председателя большевистской фракции казался совершенно непостижимым.

Оставалось полчаса до вечернего заседания Думы, на котором Родзянко должен был огласить заявление Малиновского. По телефону Муранов позвонил депутатам-большевикам, растерянные они быстро собрались в помещении фракции. Петровскому поручили пригласить Малиновского. Тот был пьян, приехать и дать объяснения отказался. Петровского послали вторично. На этот раз Малиновский заявил, что вечером уезжает за границу, и показал оформленный заграничный паспорт. Почти

в невменяемом состоянии он кричал: «Судите меня, делайте, что хотите, а я говорить не желаю!»[439] Жена и дети плакали, по-видимому, и для них псе это явилось полной неожиданностью.

Депутаты-большевики были настолько потрясены, что против своего обыкновения стали искать сочувствия у меньшевиков. «Шагов и Мурапов, чуть не плача, жаловались, что этот «сатана» изводил их своими претензиями», — сообщал Ф.И.Дан П.Б.Аксельроду; во всеуслышание депутаты обещали объявить Малиновского изменником. Замешательство царило и в редакции «Правды»[440].

Незадолго до отъезда Малиновского Л.Б.Каменев получил от него письмо. Свои действия Малиновский бессвязно объяснял тем, что события последних дней убили в нем «всякую возможность быть в Думе». Он писал, что ненавидит «всю эту проклятую Думу», не верит «в ее работу и значение». «…Идти в Думу говорить речи я бессилен, а на большее — стояла резолюция [ЦК]: «В рамках сохранения депутатского полномочия». Непарламентские способы для товарищей невозможны, а для меня парламентские стали неприемлемыми. Что оставалось сделать — уйти и только уйти, что я и сделал. На большее я сегодня неспособен, зол и возбужден до болезни»[441].

В ответном письме — оно было вручено Малиновскому уже на вокзале — Каменев резко осудил его дезертирство, назвав бывшего депутата подлецом[442]. В тот же вечер члены ЦК РСДРП, находившиеся в Петербурге, вместе с членами большевистской фракции постановили исключить его из партии[443].

…Только в 1917 г. стало ясно, что уход Малиновского из Думы вовсе не был результатом его свободного выбора. На самом деле он выполнял волю товарища министра внутренних дел В.Ф.Джунковского, который связывал удаление Малиновского с другими преобразованиями, призванными несколько облагородить подчиненное ему ведомство, оживив тем самым фактически замороженную работу по реформированию политической полиции.

Приговор Малиновскому — не первый в его жизни, но и не последний — вынес сановник, бесспорно выделявшийся на тусклом фоне тогдашней «номенклатуры» — прежде всего своей безупречной моральной репутацией. Покидая в феврале 1913 г. Москву, он увез с собой множество прощальных адресов от разных слоев населения, организаций и учреждений; семь городов Московской губернии присвоили ему звание почетного гражданина, жители Можайска и Можайского уезда ходатайствовали, чтобы в Бородинском музее поместили на вечные времена его портрет. Имя его присвоили земским

училищам в Рузском и Верейском уездах[444]. Газета московских промышленников-прогрессистов «Утро России» писала в связи с отъездом экс-губернатора, что «истинно порядочный человек в частной жизни В.Ф.Джунковский всецело перенес эту порядочность в область служебных отношений»[445]. Уже в советское время артисты московских театров, обращаясь к В.И.Ленину с просьбой освободить арестованного Джунковского, аттестовали его как «человека необыкновенной отзывчивости, высокой гуманности и исключительного благородства»[446]. Аналогичное высказывание находим в мемуарах С.Е.Трубецкого, которому пришлось после революции отбывать заключение в Таганской тюрьме вместе с Джунковским: «Владимир Федорович был человеком исключительных нравственных правил. Он неизменно прекрасно держался, и когда был у власти, и в большевистской тюрьме»[447].

Среди людей его круга и в общем тех же монархических убеждений оценка Джунковского была не столь единодушно положительной: щепетильность в обращении с казенными средствами воспринималась ими как некое чудачество, «скопидомство», а общение с либеральной интеллигенцией признавалось безусловно предосудительным. Тем не менее Джунковский долгое время пользовался расположением Николая II. Во время приездов из Москвы его обычно приглашали на чай или на обед в кругу царской семьи.

Перевод в Петербург был не только явным знаком царского благоволения. Видимо, предполагалось, что назначение товарищем министра внутренних дел и командиром отдельного корпуса жандармов человека, для которого понятие чести не было пустым звуком, уравновесит назначение министром совсем непопулярного, но также угодившего царю Н.А.Маклакова. Сам Джунковский сознавал, что новая его должность «не в особом почете» и что ему предстоит действовать в атмосфере интриг и подвохов, — слишком лакомым куском был огромный, а главное бесконтрольный секретный фонд департамента полиции. Показательно было и то, что Джунковского отказалась принять на сей раз императрица — явно в связи с распространившимся ложным слухом, будто он выгнал и даже ударил приехавшего к нему с визитом Распутина (в действительности он никогда с ним не встречался, но неприязни к «старцу» пе скрывал).

Намереваясь осуществить все задуманное (включая неизбежные кадровые перестановки), Джунковский заручился важной поддержкой великого князя Николая Николаевича, командовавшего гвардией и Петербургским военным округом. Царь также заверил, что всецело одобряет его программу.

Рассчитывал Джунковский и на поддержку большинства Государственной думы; в атом он не ошибся. Действия Джунковского, бесспорно, носили отпечаток его индивидуальности. Но в них просматривается и продуманная позиция относительно того, какими средствами следует добиваться дальнейшей стабилизации режима. Повышение престижа вверенного ему ведомства он считал частью общей задачи усиления правовых начал во внутренней политике.

Первый же приказ Джунковского по корпусу жандармов вызвал немалое удивление. Наряду с привычным требованием вести борьбу с противогосударственными элементами и, когда нужно, беспощадную, новый командир корпуса решил напомнить подчиненным слова, будто бы сказанные когда-то Николаем I шефу жандармов Бенкендорфу: «Утирай слезы несчастным…» Это историческое предание он трактовал как обязательный к исполнению «священный завет милосердия». Он объявил также, что испытывает гадливое чувство к авторам анонимных писем и не будет их читать, как не читал их в Москве. «Кто бы мог ожидать от птицы в голубых перьях настоящего соловьиного рокота?» — комментировал приказ журналист Н.Лопатин, имея в виду не только «блестящий взлет» Джунковского из Москвы в Петербург, но и незавидную славу жандармских голубых мундиров. Статья Лопатина заканчивалась на меланхолической ноте: «Что запоет дальше В.Ф.Джунковский, трудно сказать… Кто кого раньше переделает на свой лад: жандармы своего начальника или начальник жандармов?»[448]

Но за декларациями последовали действия. Джунковский начал с того, что, вопреки мнению Белецкого, циркуляром от 21 мая 1913 г. потребовал исключить из состава секретной агентуры воспитанников средних учебных заведений и запретил вербовать их в дальнейшем. Непосредственным поводом к такому шагу явилось громкое «витмеровское дело» — арест 9 декабря 1912 г. членов петербургской ученической организации в частной гимназии Витмер с помощью секретных сотрудников охранки из числа гимназистов; Джунковский счел «чудовищным такое заведомое развращение учащейся молодежи, еще не вступившей на самостоятельный путь»[449]. Вслед за тем такое же ограничение было распространено па нижних чинов в армии, где, как выяснил Джунковский, процветала провокация: обыски и аресты проводились на основе ложной информации, подсказанной жандармскими офицерами агентам-солдатам; им же поручалось раздавать прокламации, выявляя затем солдат, выразивших сочувствие революционным идеям. Упразднение в армии полицейской агентуры одобрил Николай Николаевич и все

командующие военными округами (кроме генерала Н.И.Иванова). Они согласились с Джунковским, что это будет способствовать повышению воинской дисциплины. Новая инструкция предусматривала наблюдение за настроениями в армии «на новых началах», без привлечения солдат.

Военачальникам, поддержавшим Джунковского, было известно, что солдатские волнения в Туркестанском военном округе в 1912 г. явились результатом именно провокационных приемов. Без крайней необходимости, считал Джунковский, не следует привлекать армию и для содействия гражданским властям — сам по себе вызов войск с такой целью «невольно приобщает их к политике» и в то же время отрицательно влияет на население; так, не нужно было, по его мнению, во время празднования 300-летия Дома Романовых наводнять столицу полицией и войсками: это обнаружило страх правительства и охладило «патриотический подъем»[450].

Был ли Джунковский противником полицейской провокации? Сам он искренне считал себя таковым: «Когда я вступил в должность товарища министра, я первым долгом обратил внимание на провокацию и боролся против нее всеми силами; если я не всегда достигал цели, то все же я старался бороться с провокацией всеми способами, которые были в моей власти»[451]. Институт секретных сотрудников при этом пе затрагивался, как и инструкция о внутренней агентуре, усовершенствование которой закончилось при Джунковском, но он настаивал на том, чтобы прием в сотрудничество был актом добровольного соглашения, без морального насилия над принимаемым. Понятие провокации он толковал так же, как его предшественники и подчиненные: «Провокацией я считал такие случаи, когда наши агенты сами участвовали в совершении преступлений».

Тем не менее мероприятия Джунковского встретили в департаменте полиции противодействие. Белецкий заявлял, что они «губят розыск». Подспудные причины конфликта Белецкий сводил к тому, что сам он-де «человек, вышедший из народа», тогда как Джунковский — «человек придворный»[452]. Но различия в сословном происхождении двух высших чиновников ведомства и в особенностях прохождения ими службы ничего не объясняют, тем более, что как раз за Белецким стояли могущественные силы придворной камарильи, враждебные Джунковскому не как «придворному», а как чересчур принципиальному противнику беззакония.

Новшества Джунковского были в глазах Белецкого и некоторых других профессионалов политического сыска попытками соединить несоединимое: заботу о повышении

эффективности действий полиции с этическими ограничениями, с их точки зрения, неуместными и обременительными. Джунковский, со своей стороны, не скрывал недовольства, выслушивая по два раза в неделю длиннейшие доклады директора департамента полиции, каждый не менее четырех часов, да еще присутствуя при его докладах министру. В этих докладах непомерно раздувалась, как считал Джунковский, революционная опасность и одновременно обнаруживалась нечувствительность докладчика — из-за отсутствия «нравственной твердости» — к фактам провокации. Ясно было, что сработаться им не удастся.

Случай, о котором впоследствии поведал начальник московской сыскной полиции А.Ф.Кошко, дает основание думать, что в оценке действий Белецкого с точки зрения их полезности правительству Джунковский был во многом прав. После увольнения Белецкого Джунковский показал Кошко дело, заведенное на него —. «русского Шерлок Холмса» — в департаменте полиции. Случилось это после того, как московское охранное отделение сообщило о «странных» беседах Кошко со студентами-юристами Московского университета, в ходе которых он будто бы позволял себе критиковать политический розыск. Резолюция Белецкого была такова: «Установить за Кошко негласный надзор и подвергнуть перлюстрации его частную корреспонденцию». В действительности Кошко занимался со студентами практической криминалистикой по просьбе профессоров университета и с разрешения, которое дал ему в свое время Столыпин. «Таким образом, судьба разжаловала меня чуть ли не из профессоров в поднадзорные», — иронизировал, вспоминая об этом, Кошко. Действия Белецкого представлялись ему, как и Джунковскому, «стрельбой по воробьям из пушек»[453].

Джунковский держался уверенно, и оппозиции среди его подчиненных оставалось только надеяться, что товарища министра в конце концов подведет пренебрежение неофициальными связями. По приезде в Петербург он проигнорировал, например, настойчивые приглашения престарелого, но по-прежнему влиятельного при дворе издателя газеты «Гражданин» князя В.П.Мещерского (креатурой его был и министр Маклаков). Не внял он и рекомендациям, которые Мещерский изложил в нескольких письмах Джунковскому, убеждая его в том, что их взгляды совпадают: департамент полиции — это «темное царство», где признаются допустимыми «все средства для достижения наших целей». Предпочитая сохранить независимость, Джунковский ограничился визитом вежливости месяц спустя после своего назначения. Между тем

Мещерский активно поддерживал Распутина еще когда тот не был вхож в царский дворец; через Мещерского познакомился с Распутиным и Маклаков, находившийся с ним «в хороших отношениях». Демонстративно-отрицательное отношение к царскому фавориту также не укрепляло позиции генерала.

Не осталось незамеченным и его стремление осадить претендовавшие на особое положение правомонархические организации. Джунковский исходил из принципа надпартийности монархии; поэтому во время парадного обеда в Зимнем дворце по случаю 300-летия Дома Романовых представителям этих организаций не было разрешено поднести царю хлеб-соль и произносить речи[454]. Вероятно, не без санкции Джунковского в переработанную инструкцию по организации и ведению агентурного наблюдения был включен параграф, согласно которому секретные сотрудники, «принадлежащие к крайне правым партиям, зачастую не только не полезны, но и вредны»[455].

Белецкий же считал необходимым способствовать примирению враждовавших между собой организаций черносотенцев — так же, как и министр юстиции Щегловитов, о котором Джунковский отзывался (в полном согласии с его репутацией в обществе) отрицательно. Даже в беседах с царем он критиковал практиковавшиеся Щегловитовым методы давления на суд. «Он как министр юстиции, — говорил Джунковский, — не стоит на страже закона, а применяет его и объясняет его сообразно обстоятельствам и выгодам данной минуты», а Сенат — высшую судебную инстанцию — превратил в «послушный себе департамент».

Все это Джунковскому потом припомнили. Но пока что он проводил намеченную линию и одновременно перетряхивал высшие полицейские кадры. В июне 1913 г. он избавился от Виссарионова, который был переведен в ведомство по делам печати, что позволило разлучить его с Белецким. С последним удалось, наконец, расстаться в январе 1914 г.

Малиновский находился в этот момент в Вене, возвращаясь в Россию из заграничной поездки. О газетной новости — отставке директора департамента полиции — сказал ему А.А.Трояновский, заметивший, что Малиновский «весь вздрогнул, но тотчас овладел собой и стал напевать какую-то песенку»[456]. Потрясение было, однако, сильным. Как выразился потом Белецкий, Малиновский увидел в отставке шефа и покровителя «поднявшийся и над его головой молот»[457]. Встречи в ресторанах прекратились. Новый начальник департамента полиции В.А.Брюн де Сент-Ипполит, которого Джунковский

считал «безукоризненным и кристальной чистоты человеком», тут же сообщил ему, кто скрывается под кличкой «Икс» (Белецкий в своих многочасовых докладах часто упоминал «Икса» как источник особо важных сведений, но Джунковский не снисходил до того, чтобы интересоваться фамилиями секретных сотрудников). Впрочем, о Малиновском он уже знал: об агенте-депутате ему сказал в марте 1913 г. Виссарионов, причем в этом конкретном вопросе мнения их сошлись, несмотря на некоторое несходство мотивов.

Мнение Виссарионова было таково: Малиновский не подчиняется «руководительству» департамента полиции, не желая ограничивать свою деятельность функциями осведомителя. Виссарионова не устраивали размеры и характер как думской, так и внедумской работы Малиновского, далеко выходившей, по его мнению, за пределы допустимого. «…Когда я стал читать его выступления в Думе, — показывал Виссарионов в 1917 г., — я пришел к заключению, что нельзя более продолжать работать с ним»; «…он обходил и фракцию, и С.П.Белецкого, не говоря уже обо мне». «Отойти» от Малиновского, то есть прекратить его использование, он предлагал и Белецкому и Золотареву, предупреждая их о возможности всяческих осложнений, вплоть до запроса в Думе, но безуспешно. По словам Виссарионова, «с Белецким невозможно было разговаривать на эту тему, он всегда стоял на том, что Малиновского он должен удержать, и он очень старался его удержать все время, повышая ему оклад»[458].

Ход мыслей Джунковского был несколько иной: недопустимо «провоцировать Думу», ибо это неотъемлемая часть государственной системы. Малиновского он видел и, вероятно, слышал, посещая заседания Думы, он «возмущался всегда его резкими выступлениями», его «крайне непримиримыми взглядами». Впоследствии Джунковский признавался, что совмещение обязанностей депутата и секретного сотрудника ему «претило». Кроме того, оно представлялось ему опасным с точки зрения поддержания устойчивости монархического режима: политический скандал в случае разоблачения Малиновского причинил бы правительству больший вред, чем утрата той информации, которую тот поставлял[459].

Ни в своих показаниях по делу Малиновского, ни в воспоминаниях Джунковский не коснулся темы провоцирования охранкой раскола в РСДРП. Если Белецкий и развивал ***эту*** дорогую ему тему в докладах Джунковскому и Маклакову (что почти несомненно), то Джунковский, скорее всего, и здесь увидел характерное для директора департамента полиции «втирание очков». Это не значит, что тактическая линия Белецкого была

отвергнута: циркуляр, где она излагалась, как остающаяся в силе, подписал 14 сентября 1914 г. Брюн де Сент-Ипполит, само собой разумеется, с ведома и согласия Джунковского. 10 января 1915 г. последовал еще один циркуляр, требующий того же — разъединения социал-демократических групп и течений с помощью внутренней агентуры. Но дорожить из-за этого «Иксом» Джунковский не собирался.

Вспоминая уже в советское время о деле Малиновского, Джунковский объяснял свое решение таким образом: «Кому принес больше пользы Малиновский? Ленину или розыску, трудно сказать. Думаю, что Департаменту полиции от него было пользы немного, вернее, он отвлекал внимание Белецкого от серьезных дел. Белецкий тешил себя тем, что видный представитель думской социал-демократической фракции — его сотрудник, а то, что это была игра с огнем и недостойная, на это он закрывал глаза»[460].

Развязка затянулась, Джунковский долго размышлял, как покончить с неприятным делом, «сохранив приличие». Тем временем находившийся в простое Малиновский тщетно пытался выяснить, чего же хочет от него всесильный товарищ министра. Осознав, наконец, что департамент полиции больше не нуждается в его услугах, он униженно просил Белецкого ходатайствовать перед новым руководством департамента полиции, чтобы обеспечили его семью, а ему предоставили «свободу действий». «Такого растерянного тона я никогда у Малиновского не слышал», — вспоминал Белецкий[461]. Возможно, выходка на заседании фракции 22 апреля была последней попыткой «Икса» заслужить благоволения нового начальства.

Но участь его была уже решена. Ни Брюн де Сент-Ипполит, ни преемник Виссариона А.Т.Васильев встречаться с ним не пожелали. Начальник Петербургского охранного отделения П.К.Попов вместе с известным Малиновскому по Москве ротмистром Ивановым встретились с ним в сквере у памятника Екатерине II и передали требование Джунковского: в течение трех дней подать заявление о выходе из Думы и уехать за границу; на этих условиях ему выдавался годовой оклад жалования — 6 тысяч рублей. Как вспоминал Попов, в первый момент Малиновский был «до необычайности обескуражен подобным предложением и все спрашивал, куда же он теперь денется. Но, узнав об единовременной получке в 6 тысяч рублей, согласился». Сумма была выдана Малиновскому под расписку после его ухода из Думы. До границы его сопровождали два агента: уверенности, что бывший депутат сдержит слово, у Джунковского не было…[462]

Так завершилась полицейская карьера Романа Малиновского.

По своей продолжительности она, конечно, не шла ни в какое сравнение с 16-летней карьерой Азефа, да и финал ее был другим. С точки зрения реализации планов Джунковского это можно было бы посчитать успехом, с точки зрения Белецкого — огорчительной неудачей, а Ленин впоследствии изобразил отказ охранки от услуг «Икса» чуть ли не признанием поражения системы полицейского розыска, поскольку ей не удалось остановить развитие рабочего движения и рост влияния большевиков. Малиновский был изгнан потому, что «оказался слишком связанным легальною «Правдой» и легальной фракцией депутатов, которые вели революционную работу в массах [больше], чем это терпимо было для «них», для «охранки», — так писал Ленин в 1917 г., не зная еще о близких по смыслу показаниях Виссарионова. Малиновский превратился, по словам Ленина, «в одно из звеньев длинной и прочной цепи, связывавшей (и притом с разных сторон) нашу нелегальную базу с двумя крупнейшими органами воздействия на массы, именно, с «Правдой» и с думской социал-демократической фракцией. Оба эти органа провокатор должен был охранять, чтобы оправдать себя перед нами»[463].

Все это, однако, говорилось задним числом и носило в определенной степени самоутешительный характер; трудно понять, в чем выражалась «охрана» Малиновским «Правды» и думской фракции. Белецкий, когда его ознакомили с показаниями Ленина, заметил, что он все же «часто рвал цепь Ленина, прекращая или ослабляя электрический ток его влияний»[464]. Рост влияния большевиков, как мы увидим дальше, и в самом деле не был непрерывным, отставка Малиновского его затормозила.

Желание Джунковского соблюсти приличия и избежать скандала не помешало ему «раскрыть завесу этого дела» перед Родзянко. Ранее Джунковский «помогал» председателю Думы, предупреждая о предстоящих выступлениях социал-демократической фракции; после ухода Малиновского Родзянко стал догадываться о причинах такой осведомленности и напрямик спросил Джунковского: «Ну, а что, Малиновский был ваш сотрудник?» Дальнейший разговор двух сановников протекал, по словам Джунковского, следующим образом: «Я говорю — «Нет». — «Ну, ну, мне-то Вы можете сказать!» Я сказал: «Раз Вы так вопрос ставите, то с глазу на глаз могу Вам сказать, потому что знаю, что Вы никому не скажете»[465]. Однако Родзянко вскоре проговорился депутату-трудовику В.Л. Геловани — опять же «под честное слово»[466]. Видимо, 'эта утечка информации и явилась основным источником слухов, проникших

сначала на страницы правой печати («Земщина», «Голос России», «Свет»), а затем и других газет.

…Уход Малиновского произвел эффект разорвавшейся бомбы не только в Петербурге, но и в Поронине. Судить об этом можно отчасти по телеграммам и письмам, отправленным оттуда после получения первых известий от Л.Б.Каменева и депутатов. 8 мая Петровский телеграфировал в Краков Зиновьеву: «Малиновский без предупреждения сложил полномочия, дать объяснения отказался, выезжает за границу»[467]. Уже 9 и 10 мая Ленин сообщил в Цюрих Г.Л.Шкловскому, что Малиновского обвиняют в провокации; 11-го он послал в Варшаву Я.С.Ганецкому телеграмму с просьбой собрать все сведения о Малиновском и подробно телеграфировать, что пишут о нем варшавские газеты. В тот же день он предложил А. Е. Бадаеву незамедлительно избрать нового председателя фракции (депутаты избрали Г.И. Петровского)[468].

Читая теперь доверительное письмо Ленина Инессе Арманд от 12 мая, в котором он суммировал все, что удалось узнать в первые дни, мы ощущаем его тревогу, порожденную прежде всего неопределенностью ситуации: «История с Малиновским разыгрывается. Его нет здесь. Выходит вроде «бегства». Понятно, что это питает худшие мысли. Алексей телеграфирует из Парижа, что русские газеты телеграфируют Бурцеву, что Малиновский обвиняется в провокации.

You can imagine what it means!! Very improbable but are obliged to control all «oui-dire». Wiring does not cease between Poronin, СПБ. et Paris{1}. Сегодня Петровский телеграфирует, что «клеветнические слухи рассеяны. Ликвидаторы ведут гнусную кампанию».

«Русское слово» телеграфировало Бурцеву, что подозрения значительно рассеялись, но «другие газеты (???) (ликвидаторские???) продолжают обвинять».

You can easily imagine how much I`am worried{2}[469].

От редактора «Правды» Л.Б.Каменева Ленин не скрывал своей растерянности: «Известие ошеломляющее… Ничего не понимаем»[470]. Но в то же время редакции предлагалось, не дожидаясь каких-либо подробностей, объяснять читателям «Правды» поступок Малиновского исключительно «личным кризисом»[471]. В статье, которую Ленин тут же направил в газету, давалось именно такое объяснение со ссылкой на якобы аналогичный случай с Ф.Н.Самойловым, у которого трудности думской работы вызвали сильнейшее нервное расстройство. Сообщалось также, что и Малиновский давно жаловался на крайнее нервное возбуждение и переутомление. При этом

поступок Малиновского не осуждался — ни в статье, ни в приписке для редакции; говорилось лишь, что это известие, «поразившее всех, как громом среди ясного неба…. особенно тяжело поразило близко знавших его друзей»[472].

12 мая «Правда» напечатала телеграмму, отправленную Малиновским в ночь с 10 на 11 мая «из одного пограничного города»: «Еду за границу. Открытое письмо через два дня». Ленину он послал телеграмму о том, что направляется в Поронин и отдает себя на суд Заграничного бюро ЦК[473]. 16 мая «Правда» сообщила о получении от Малиновского телеграммы с его заграничным адресом; в Поронине он появился, таким образом, 13(26) или 14(27) мая (15-го, в И часов утра началось следствие). Телеграмма, напечатанная в «Правде» 17 мая, гласила: <Признаю свой шаг неправильным. Разрешаю печатать письмо с высланным сегодня добавлением». В этом «Открытом письме», датированном 15 мая, Малиновский покаянно заявлял, что теперь в нем пробудилось сознание ответственности, которую он не учел, «идя на этот убийственный», «политически непростительный шаг», но он просит не «добивать человека, который наполовину убил сам себя», ибо это-де «слишком жестоко»[474]. Скорее всего, это «Открытое письмо» не предшествовало следствию, а явилось итогом первого его дня.

Попытки провокаторов, находившихся на грани разоблачения, апеллировать к заграничным партийным центрам случались и раньше. Так поступила в свое время «Люся» (Ю.О.Серова); почувствовав, что тучи над ней сгущаются, она поспешила в Париж. В декабре 1913 г. «Кацап» (Поляков) приезжал в Вену, добиваясь реабилитации у руководства Августовского блока, хотя и безуспешно: было решено суд отложить до осени следующего года и провести его в России[475]. А.В.Шотман, проживавший в это время в Вене, сообщил Ленину о визите «Кацапа», следовательно, Малиновский мог знать об этом и как-то учесть опыт старого московского приятеля, обдумывая сценарий своего поведения после того, как его предупредили о предстоящей отставке.

Но Ленина приезд Малиновского в Поронин в какой-то степени успокоил: отпал вариант «бегства». Депутаты-большевики вообще восприняли отъезд Малиновского за границу как шаг естественный в его положении бывшего депутата, уже не защищенного от царской полиции «неприкосновенностью»[476].

Вслед за появлением Малиновского в Поронине от него потребовали объяснений; он производил впечатление больного человека, плакал, говорил, что готов застрелиться, но просит его выслушать. С собой он привез несколько сот писем рабочих — в

доказательство своей популярности.

Для расследования его дела была образована партийная комиссия. Кроме членов ЦК РСДРП В. И.Ленина и Г.Е.Зиновьева в комиссию вошел Я.С.Ганецкий — представитель близких большевикам левых польских социал-демократов — т. н. розламовцев. Ганецкий председательствовал на заседаниях комиссии, но главное направление ее работы определял Ленин; посредническая роль Ганецкого выражалась также в том, что он продолжал поддерживать с Малиновским личные связи, тогда как Ленин и Зиновьев держались с ним строго официально[477]. Местом работы комиссии была избрана дача Зиновьевых на окраине Поронина.

Ганецкого Ленин знал давно. Четыре представителя розламовцев, в том числе Ганецкий, участвовали с правом совещательного голоса в Поронинском совещании. В Петербурге при их участии издавалась с марта 1914 г. легальная газета на польском языке «Нова трибуна» (в 4-м номере сообщалось, в частности, что «тов. В.Ильин», то есть Ленин, передал редакции выражение полной солидарности с идейным направлением газеты и внес в ее денежный фонд 5 крон)[478]. Газета поддержала в вопросе о Малиновском позицию «Правды». Но дело было не только в идейной близости. Привлекая к расследованию Ганецкого, члены Заграничного бюро ЦК исходили, по всей вероятности, также из того, что польское рабочее движение знало немало подоб пых дел, в том числе возникших в результате клеветнических обвинений и имевших трагический исход; объектом таких обвинений (со стороны Главного правления СДКПиЛ) были и сами розламовцы[479].

У розламовцев мог быть и свой интерес, так как, благодаря неоднократным приездам в русскую и австрийскую Польшу, у Малиновского сложились тесные отношения с польскими социалистами разных направлений, включая лидера социал-демократов Галиции и Силезии Дашинского и лидера ППС Пилсудского[480]. «Нова трибуна» называла Малиновского доверенным представителем польских рабочих в Думе — как ввиду его большевизма, так и «ввиду знания нашего языка и существующих у нас отношений, которое давало ему возможность принимать участие в деятельности и литературе польских марксистов, посещать польские города, переписываться с рабочими и прочее»[481]. По рекомендации Малиновского в Варшаве работал некоторое время среди русских рабочих-ткачей и железнодорожников машинист Афанасьев, исчезнувший после ареста и быстрого освобождения (подозрения против него подтвердились в 1917 г.)[482].

По свидетельству розламовца В.Краевского (Штейн), Ленин, узнав о подробностях дезертирства Малиновского, заметил: «Да, тут что-то неладно. Это дело надо основательно выяснить. Но есть ли тут неизвестные нам более глубокие причины или это просто непостижимое сумасбродство, одно ясно: из партии его придется исключить»[483]. Последнее не вполне точно: советуя в письме Г. И. Петровскому (позднее 12(25) мая) тверже перенести «взбалмошный уход Малиновского», Ленин не согласился с предложением петербургских большевиков и депутатов официально заявить об исключении его из партии, посчитав это излишним: «Устранился сам. Осужден. Политическое самоубийство. Чего тут карать еще? К чему?.. Чего еще сосать и терять время?»[484]. Такой подход депутаты считали необоснованно мягким. Возможно, их мнение было связано с разбирательством, проводившимся в Петербурге (сведений об этом разбирательстве мало; А. Е.Бадаев показал в 1917 г., что в комиссию входили 2 большевика, 2 меньшевика и 1 беспартийный юрист)[485].

18 мая «Правда» констатировала, что Малиновский «поставил себя вне наших рядов». Именно эту компромиссную формулировку мы находим в постановлении «руководящего учреждения марксистов» (легальное обозначение ленинского ЦК РСДРП), опубликованном «Правдой» 31 мая.

Постановление информировало о результатах проведенного расследования, о котором впервые было упомянуто в печати. Были указаны три источника выводов: объяснения Малиновского, заявление большевистской фракции и резолюции, принятые группами организованных рабочих (то есть партийными организациями). Выводы сводились к тому, что обвинять Малиновского в политической нечестности нет никаких оснований, но сложение депутатских полномочий без ведома руководства партии, без предварительных объяснений с избирателями и товарищами по фракции является чудовищным нарушением дисциплины, фактом дезорганизации. Тем самым, говорилось в постановлении, Малиновский поставил себя вне рядов организованных марксистов. Утверждалось также, что этот поступок не имел под собой политической подкладки и вызван был обостренной нервозностью, душевной усталостью, временным затмением. Признавалась возможность возвращения Малиновского в будущем в партию — по специальному решению «марксистского целого», если этот вопрос будет возбужден организованными рабочими[486].

Конечно, между формулировками «исключен из партии» и «поставил себя вне партии» разница как будто не столь уж

большая (достаточно вспомнить, что вторая была употреблена на Пражской конференции в отношении «ликвидаторов»). Постановлению от 31 мая соответствовали резолюции, печатавшиеся в «Правде», — с одной стороны, они осуждали Малиновского за дезертирство, с другой, клеймили «ликвидаторов» за «клевету». Но резолюции все же не передавали в полной мере настроение рабочих. В первые дни после ухода Малиновского М.Горький заметил: «…Необъяснимо, несмотря на обилие объяснений»; 7 июня он писал Г.В. Плеханову о петербургских рабочих, которые беседовали с ним, «превосходно и ядовито критикуя Думу, Малиновского…»[487] (дело было на даче Горького под Петербургом, в Мустамяках, где, кстати, находилась и дача Малиновских). «Негодование на Малиновского у наших питерцев было, пожалуй, еще больше, чем у нас, — вспоминал Зиновьев. — Они чувствовали урон непосредственнее»[488].

Различие между питерцами и поронинцами заключалось, однако, как раз в том, что позиция последних была далека от «негодования», как и от точной оценки ситуации. Первым это почувствовал Г.И.Петровский: «Мы очень мягко отнеслись к ренегату, а Вы своим отношением нас удивили… Не будет ему места среди нас. Еще только началось, и еще будет отражаться та отрицательная сторона, которую произвел ренегат худшей марки; эта рана не скоро заживет… Я давно говорил, что это мыльный пузырь, который надували… Вы своим поведением нас сильно огорчили, но мы думаем, что, стоя вдали, Вы плохо понимаете суть дела»[489] В другом письме Петровский высказался по адресу партийного начальства еще более резко: «Не вздумайте любимчика около себя пригревать, чтоб и духу его не было к осени»[490].

Имеется достаточно данных, подтверждающих правоту Петровского. 13 июня А.Г.Шляпников писал Ленину из Петербурга: «Несмотря на все резолюции, «констеляции» в низах хуже, чем вы, видимо, представляете… Поймите, что ребята проглотили только что весьма неудобоваримый кусок; заставляя глотать еще штуку весьма неприятную, можно вызвать рвоту. Подождите пару дней — услышите живую речь. Особенно невыносимо письмо осужденного, его устами обвинять [«ликвидаторов») в нечестности не значит выбрать подходящий рупор… Сообразите, какие чувства он здесь оставил, и вы, быть может, согласитесь, что боязнь обратных результатов по меньшей мере законна»[491].

Чью «живую речь» предлагал послушать Шляпников? Возможно, А.С.Киселева и П.П.Глебова-Авилова, приехавших в

конце июня в Пороиин на Совещание ЦК с партийными работниками[492]. Оба занимали видное положение в петербургской организации и в союзе металлистов и, конечно же, могли подтвердить слова Шляпникова о настроении рабочих. По словам Киселева, в связи с делом Малиновского большевикам «пришлось выдержать огромный нажим рабочих масс».

В Поронине во время прогулки по окрестностям Киселеву и Глебову-Авилову довелось встретить Малиновского, которого эта встреча совсем не обрадовала. «Прошли мы, — вспоминал Киселев, — не более полверсты, как навстречу нам попалась крестьянская бричка, на которой сидело несколько человек, по внешнему виду — крестьяне, и среди них небезызвестный Роман Малиновский… Как по команде, все трое отвернулись, как будто он нам совсем не знаком. Когда бричка немного проехала, мы из любопытства оглянулись, оглянулся также и Малиновский, а на лице у него отразился такой испуг, что мы были поражены происшедшей с ним переменой… Мы сделали заключение, что Малиновский решил, что его как провокатора открыли, и мы приехали доложить об этом в ЦК партии, а вероятнее всего, он сделал предположение, что мы приехали для расправы с ним как провокатором». Как выяснилось позже, Малиновский жаловался Зиновьеву на «товарищей из Питера», которые «так жестоко обошлись с ним, что при встрече даже не поздоровались»[493].

Наконец, о настроении рабочих свидетельствовал самый чувствительный в то время барометр — тираж «Правды»: с 60–65 тысяч экземпляров он упал до 20 тысяч.

Поэтому расследование в Поронине продолжалось и после опубликования 31 мая постановления ЦК РСДРП. Оно проходило в атмосфере острой конфронтации между большевиками и «ликвидаторами», в сильнейшей степени повлиявшей на исход разбирательства — в большей степени, чем непримиримость рабочих, которой Ленин в конечном счете пренебрег.

Следует иметь в виду, что делу Малиновского предшествовало несколько других выплеснувшихся на страницы печати персональных дел — не столь громких, но широко использованных «ликвидаторами» для нападок на правдистов.

Одно из них касалось Б.Г.Данского (псевдоним К.А.Комаровского). Этот большевик (член Петербургской организации РСДРП с 1911 г.) был видным участником страховой кампании, часто выступал на страницах «Правды» и других большевистских изданий по вопросам страхования рабочих, в сентябре 1913 г. посетил Ленина[494]. Но раньше, будучи членом СДКПиЛ, он ряд лет сотрудничал в журнале петербургского общества фабрикантов и заводчиков «Промышленность и

торговля». Сотрудничество социал-демократов в непартийной печати «для заработка» в принципе допускалось, но в данном случае речь шла о печати «хозяйской», агрессивно антирабочей. Поэтому выводы по делу Данского, обнародованные «Правдой» и сводившиеся к тому, что Данский постепенно переходил от участия в буржуазной печати к участию в печати рабочей, убедили не всех даже в правдистском лагере. «Правы ли правдисты, не исключая его из своей среды? — спрашивала М.И.Бурко. — Не лучше ли бы было его исключить, а потом, реабилитировав, принять?»[495]. «Небывалым позором» назвали историю с Данским члены женевского кружка группы «Вперед», они недоумевали, почему правдисты так строги к меньшевистской семерке — при том, что мотивы в оправдание раскола думской фракции ничтожны, — и так снисходительны к Данскому[496].

Меньшевики же расценили поведение Данского однозначно как политическое двурушничество. Единственное, что могли противопоставить обвинениям правдисты, — это указание на то, что многие известные «ликвидаторы» тоже небезгрешны. Но Мартов и другие публицисты-меньшевики сотрудничали все же не в «хозяйских», а в провинциальных леволиберальных газетах»[497].

Претензии морального плана предъявлялись и Демьяну Бедному. Ставился вопрос об исключении его из числа сотрудников «Правды». Ленин взял его под защиту; членам редакции «Правда» он советовал не придираться к «человеческим слабостям» и не отталкивать талантливого сотрудника[498]. Демьяна Ленин ценил за готовность клеймить, не выбирая выражений, меньшевиков, а среди «слабостей» его было и уменье держать нос по ветру: он предугадал, например, будущее Сталина, надолго обеспечив себе карьеру первого кремлевского поэта.

В ноябре 1913 г. петербургская газета ликвидаторов в статье Мартова «Со ступеньки на ступеньку» намекнула на возможность еще более предосудительного «двуручия» (то есть двоедушия, двурушничества) в стане правдистов, чем в случае с Данским. Намек разгадали тогда немногие. Подразумевался Малиновский[499].

С момента ухода Малиновского из Думы накал газетной перепалки возрастал день ото дня. Ни та, ни другая сторона не верила в добросовестность и искренность побуждений противника. Ликвидаторы обвиняли большевиков в утаивании известной им информации, в том, что члены большевистской фракции сознательно отпустили Малиновского из Петербурга без объяснений и т. д. Первое время газета ликвидаторов еще

осуждала попутно черносотенную прессу за «злостную и гнусную клевету», но вскоре огонь стал направляться только против правдистов. «В объединенной социал-демократии, — писала «Наша рабочая газета» 14 мая, — Малиновский не мог бы играть той исключительной роли, какую он играл в социал-демократии расколовшейся», ибо для «ленинского кружка» «все средства и все люди хороши».

Газета допускала, что насчет Малиновского рапространяются, «может быть, даже злостные сплетни», но требовала от большевистского руководства «полного ручательства» в том, что он не провокатор. Главным же требованием газеты стало требование организации партийного суда, гарантирующего беспристрастность, тщательность и конспиративность расследования. Предлагалось возложить такое расследование на комиссию, которая могла бы состоять даже из правдистов, но при условии, что она будет независимой от большевистского ЦК как «заинтересованного» учреждения. А поскольку, утверждали ликвидаторы, правдисты от независимого суда увиливают, то, стало быть, они не рассчитывают, что суд признает политическую честность Малиновского и несостоятельность возводимых на него обвинений[500].

В переписке ликвидаторские лидеры были еще категоричнее. «…Наши дела все подошли вплотную к одному — делу Малиновского… Мы все уверены, без малейшего сомнения, что Малиновский провокатор, и почти все также уверены теперь, что весь «правдизм» руководился из охранки», — писал Мартов Аксельроду. Только выражаемая «своими» и «союзниками» боязнь «ужасов новой драки с правдистами», продолжал Мартов, мешают показать это наглядно[501].

Какие же доказательства имелись в виду? Возможно, это были все те же смутные сомнения, возникшие в начале 1913 г., после ареста П.Л.Лапинского и анонимных писем, о чем вспоминала впоследствии Л.О.Дан. По ее словам, некоторые меньшевики находили тогда странным, что у Малиновского карманы всегда полны нелегальщины, и он легкомысленно оставляет ее в помещении фракции, но другие считали, что все это дело рук полиции: путем инсинуаций она хочет устранить яркого человека[502]. Как будет показано ниже, всеобщей уверенности в предательстве Малиновского не было среди меньшевиков и в 1914 г.

Когда 25 мая Ленин назвал публично Мартова и Дана «грязными клеветниками» и потребовал от них «прямого обвинения за подписями»[503], те ушли от ответа и свели все к «доносу» Ленина на них как на фактических редакторов «Нашей

рабочей газеты» (официально ответственность за содержание газеты несли подставные лица). Лишь 30 мая редакция газеты сообщила, что о Малиновском ей известно «только то, что отдельные правдисты считают возможным передавать товарищам из другого лагеря», и что «этого недостаточно для предъявления прямого обвинения, но достаточно для начатия расследования»[504].

Реальных доказательств вины Малиновского у «Нашей рабочей газеты», таким образом, не оказалось. Но большевики не верили и тому, что «ликвидаторы» хотят установить истину. Слишком уж выпирало желание извлечь выгоду из замешательства, вызванного внезапным уходом председателя большевистской фракции. Казалась несомненной сугубая их заинтересованность в раздувании этого дела. Ленин был, конечно, прав, когда писал, что ликвидаторы посадили бы Малиновского «под образа», если бы он солидаризировался с ними, но поскольку он перешел к большевикам и не оправдал надежд, возлагавшихся на него как на кандидата «единства», он стал для них «политическим флюгером»[505]. Перевес правдизма в рабочем движении побуждал их искать подходящий повод для дискредитации противника, как это уже было с «делом Данского», — на этот раз повод шел сам собой в их руки.

Вследствие всего этого, кампания, которую развернули «ликвидаторы», воспринималась правдистскими лидерами как нечистоплотная попытка группы, утратившей былое влияние, поправить во что бы то ни стало свои дела. «Намеки ликвидаторов — гнуснейший Прием, — писала, выражая эту точку зрения, Н.К.Крупская. — Сами они не могут выдвинуть ни одного факта или даже чего-либо похожего на факт, а пускать слухи — ведь это так легко… Когда люди теряют почву под ногами, то хватаются за всякое средство»[506]. «Мы все, — вспоминал Н.И.Бухарин, — очень возмущались той кампанией, которая велась против нас в связи с делом Малиновского со стороны наших фракционных противников, говоривших исключительно намеками»[507].

Поляризация взглядов вокруг дела Малиновского не совпала полностью с делением на большевиков и меньшевиков. Мартова и Дана поддержали не все меньшевики. Считала уязвимой их позицию А.М.Коллонтай, тогда еще находившаяся в их рядах. Обращаясь к рабочему-меньшевику А.К.Каменеву, знавшему Малиновского по петербургскому союзу металлистов, она писала: «…Мы оказались с Вами единомышленниками по делу Малиновского. Если бы Вы знали, как меня мучает, тяготит это дело!.. Не могу я согласиться с позицией, занятой нашей газетой.

Не верная, не правильная она!.. Нет у них, по-видимому, никаких «улик», а просто «слухи», подлые слухи, и они хотели «использовать» дело Малиновского с тем, чтобы поднять поход на большевиков. Но разве это допустимо?! Должна же быть простая честность, порядочность в таких делах!.. Когда я спорю, говорю — мне кидают в ответ, что это бабьи сантименты… Вообразите даже, что у наших были бы «подозрения». Разве о подозрениях против товарища — лидеры кричат?

Ведь это же вредит всему делу, нашему большому делу! Ведь это же даст в руки против нас оружие черносотенцам, врагам!»

Подозрения, полагала Коллонтай, следовало разобрать «в собственном закрытом заседании», и только если будут обнаружены неопровержимые факты, обращаться к товарищам, «и то не публично сначала». Из письма видно, что она хотела выступить с протестом против кампании «Нашей рабочей газеты», но ее удержали ссылкой на вред, который это причинит всем меньшевикам. «…Неужели они правы? — спрашивала она. — Неужели ради интересов группы нельзя высказываться по совести?»[508].

«Возмутительными» и «отвратительными» назвал статьи «Нашей рабочей газеты» Г. В. Плеханов[509]. Пытался взывать к сдержанности Н.С. Чхеидзе[510], чем навлек на себя гнев некоторых работников редакции. Секретарь ее Я.Герке именовал меньшевистскую думскую фракцию «сплошными гнуснецами» — за то, в частности, что у ее членов «хватило бесстыдства уклониться от дела Романа, отказаться от поддержки газеты против ленинцев…»[511]. Различия между позициями газеты и фракции действительно были, но Герке их сильно преувеличил. 18 мая меньшевики в Думе образовали комиссию для выяснения причин ухода Малиновского, 2 июня они поручили Чхеидзе запросить Родзянко и Геловани относительно имевшихся у них сведений. В воззвании фракции к рабочим, однако, утверждалось — в полном согласии с ликвидаторской газетой, что крах Малиновского «есть вместе с тем крах и банкротство правдистского, раскольнического движения»[512]. -

Игнорируя все эти нюансы, Ленин расценил выступления Плеханова, Чхеидзе, подобные же выступления лидеров Августовского блока Троцкого и Шера как попытку прикрыть ненавистное ему «ликвидаторство». В вину Шеру вменялось то, что он, как и Троцкий, распространял слухи, но не обращался ни в какую руководящую партийную инстанцию. Таким образом, не признавалось возможным, что пассивность в этом отношении Шера, Троцкого, московских рабочих-меньшевиков вызывалась той же причиной, что недоверие к слухам со стороны

большевиков, — «презумпцией невиновности» Малиновского. Действия их Ленин объявил не менее злостными, чем действия Мартова и Дана[513].

Все это нельзя отнести на счет только ленинской запальчивости и раздражения. Письма Ленина Л.Б.Каменеву буквально перенасыщены ругательствами в адрес «ликвидаторов». Точно так же не выбирать выражений предлагалось и «Правде», но необходимость такого стиля полемики вождь большевиков четко мотивировал, хотя главное оставалось в подтексте. Оно состояло в том, что после всех успехов правдистов, достигнутых с 1912 г., после Пражской конференции, впервые возникла угроза утратить завоеванные позиции. Поэтому комплименты рабочим, предназначенные для публикации, Ленин сопровождал указаниями на их неопытность, рассматривая рабочих исключительно как объект воздействия извне. Надо клеймить «ликвидаторов», писал он Л.Б.Каменеву, — «иначе великий грех на душе: позволять им соблазнять малых сих»; «надо научить наших (они наивны, неопытны, не знают), как бороться с вонючками Мартовыми». Цель ликвидаторов, утверждал Ленин, держать рабочую среду в «ажитации», чтобы дезорганизовать рабочую партию (то есть организацию большевиков), и, следовательно, единственно возможная тактика — ни в чем не соглашаться с «шантажистами» и «клеветниками»[514].

Оттенки в отношении к делу Малиновского внутри меньшевизма не могли устранить основных расхождений в РСДРП — между правдистами и «ликвидаторами». Полемика вокруг этого дела не способствовала их смягчению, — напротив, втянувшись в нее, сторонники двух течений расходились еще больше. На этом фоне усилия восстановить единство РСДРП, предпринимавшиеся с конца 1913 г. лидерами Второго Интернационала, были обречены на провал — и не только из-за «неуступчивости» Ленина. Тот же Герке замечал по поводу этих усилий: «Да надо ли нам единство с ними (с большевиками. — ***И.Р***.), и возможно ли оно при наличности данщины-малиновщины и пр.»[515].

Несомненно, повлияло на ход расследования мнение В.Л.Бурцева — и потому, что большевики по-прежнему признавали его авторитет, и потому, что не так давно он встречался с Малиновским. В мае 1914 г. к нему обратились с запросами и большевики и меньшевики. Сохранились две телеграммы Ленина Бурцеву, направленные сразу после сложения Малиновским депутатских полномочий. Первая — от 11(24) мая — гласила: «Имеются невероятные свидетельства персонального кризиса. Ждем информации». На следующий день Ленин передал

Бурцеву известие, только что полученное от Петровского («клеветнические слухи рассеяны»), но просил тем не менее телеграфировать, какие газеты обвиняют и какие имеются улики[516].

Что же конкретно предпринял Бурцев? По его словам, он потребовал, чтобы Малиновский приехал в Париж, а так как тот, будучи уже за границей после ухода из Думы, не явился, он написал руководству большевиков, что Малиновский «негодяй», «грязный человек» и подлежит устранению от всех дел[517]. Из показаний Бурцева не вполне ясно, информировал ли он ЦК РСДРП о том, что Малиновский еще раньше, до ухода из Думы стал ему казаться «несколько подозрительным», ввиду нарушения договоренности по вопросу о Житомирском. Возможно, и здесь налицо попытка преувеличить задним числом свою проницательность. Во всяком случае остается фактом: публично Бурцев высказался в 1914 г. за безоговорочное доверие бывшему депутату и дал ему чрезвычайно высокую оценку как политическому деятелю. На запрос газеты «Русское слово», что он думает о Малиновском в связи с обвинениями его в провокации, Бурцев ответил, что ни о каких обвинениях не слыхал и протестует против таких обвинений, а после повторных запросов послал в русские газеты телеграмму еще более недвусмысленного содержания. В ней, в частности, говорилось: «…Никаких расследований относительно Малиновского я никогда не делал по двум причинам: 1) потому что никогда не имел ни малейшего повода для них и 2) потому что, зная лично Малиновского, не могу допустить даже возможности, чтобы такие обвинения Малиновского имели какие-либо основания»[518].

Что сумела установить комиссия ЦК в ходе следствия? Допрошен был прежде всего сам Малиновский, от которого потребовали рассказать во всех подробностях свою биографию (после он изложил ее и письменно). «В яркой, сильной, местами прямо потрясающей форме (и казалось, абсолютно искренней) Малиновский нарисовал нам картину своей жизни, — вспоминал Зиновьев. — … Он — жертва, он несчастен, над ним тяготеет трагическое прошлое. Отсюда и невозможность нести то бремя политической ответственности, которое пало на него… В основе этой версии мы поверили. Может быть, он чего-нибудь не договаривает, но ходит около правды, — примерно так формулировал впечатление Ильич…»[519].

Малиновский продолжал, таким образом, играть роль страдающего, измученного и изломанного тяжелой жизнью человека. Потрясение, действительно испытанное им, когда он узнал, что больше не нужен своим тайным хозяевам, он

преподнес как душевный кризис, сначала приведший к уходу из Думы, а затем усилившийся от сознания непоправимости содеянного. Члены комиссии объясняли для себя это так: Малиновского выбивала из колеи, ускорив этот кризис, необходимость вести работу, к которой он был органически неспособен, имея все данные крупного агитатора и никаких данных организатора. Этим, считали они, объясняются постоянные переходы от бодрости к унынию, отсюда неуравновешенность, наживавшая ему врагов[520].

Малиновский — жертва условий, в которых приходится работать партии, — такой напрашивается вывод. Он диктовал сочувствие к «жертве». Несомненно, на это Малиновский и рассчитывал, спекулируя на чувствах, унаследованных социал-демократической интеллигенцией от народников. Вдобавок ко всему Малиновский рассказал о личной истории, связанной с женской честью, что, якобы, ускорило его уход из Думы. И здесь была видимость правдоподобия, бурный темперамент Малиновского придавал этой истории, как писал Ленин, «обличие вероятности»[521]. Наконец, не могла не показаться впечатляющей детальная хроника его партийной и профсоюзной работы, которую изложил Малиновский. На фоне этой хроники, из которой складывалась картина многолетнего служения делу рабочего класса, показания подозревавших его свидетелей явно проигрывали.

В 1918 г. Малиновский, будучи уже разоблаченным, так и не дал однозначного объяснения своей лжи во время первого расследования. Сначала он заявил, что ему было тогда все равно, поверят ему или нет, но тут же добавил, что и «не думал сознаться, зачем, ведь я уж покончил, уйду от всякой работы, ну, поругают, что я не оправдал доверия, но не назовут ни вором, ни провокатором». Когда его снова допросили, он возлагал уже вину за свою ложь на доверявших ему членов следственной комиссии: «…Они мне вполне доверяли. Если бы они исходили не из этого доверия ко мне, а недоверия, то, может быть, я и сознался бы. Но они не доверяли именно тем, кто меня обвинял». В конце концов он признал едва ли не главное: в департаменте полиции его убедили в том, что не останется никаких следов его провокаторства, «ни одна бумажка не останется»[522].

Материалы следствия подтверждают эту характеристику отношения комиссии к Малиновскому и к свидетелям. Комиссия допросила Н. И.Бухарина, он повторил то, что сообщал раньше, но в этих сведениях не содержалось, по мнению Ленина, «ни одного факта, хоть сколько-нибудь допускавшего проверку», они обесценивались в его глазах также тем, что «относились ко

времени, когда «шпиономания» доходила до кульминационного пункта»[523]. Бухарин ссылался, кроме того, на письма из России, полученные им после отъезда за границу. Одно из них — от оставшейся в Москве жены — затерялось, и Бухарин изложил Ленину его содержание, но там речь шла о тех же самых слухах. Приехав 3 июля в Вену, Н.М.Бухарина-Лукина подтвердила, что знает только то, что рассказывал ей муж со слов рабочих, сидевших с ним в Сущевском полицейском доме, а письмо ее он не совсем правильно понял[524].

Неизвестно, передал ли Бухарин комиссии письмо И.Осинского от 16 мая 1914 г., присланное из Харькова (до нас оно дошло в перлюстрации). Осинский напоминал о борьбе московских социал-демократов «против той многообразной сволочи, которая в 1908/9 гг. лезла изо всех щелей в наше изрядно продырявленное здание. Несомненными и яркими наследниками этой сволочи являются такие персоны, как А.Лобов, его жена Валентина Николаевна, Р.Малиновский и т. п. Обвинять кого-либо из них в провокации невозможно, ибо для этого недостаточно данных. Но все они — образцовая дрянь»[525]. При всей категоричности суждений Осинского опереться и здесь в фактическом отношении было не на что. Бухарин предлагал также запросить Шера, чтобы установить, не он ли информировал Мартова[526]. Ленин это предложение отклонил. Члены следственной комиссии не хотели создавать прецедент обращения к свидетелям-меньшевикам, да и состав комиссии держался в тайне, а сведения Шера были уже известны в передаче Бухарина.

Поскольку все, что сообщил Бухарин, исходило от других, все это было квалифицировано как сплетни («доверчив к сплетням», — резко напишет Ленин в 1915 г., выразив тем самым еще раз свое отношение к его сведениям[527]). Но и сам Бухарин, нисколько не симпатизировавший Малиновскому, не считал свою позицию 1914 г. позицией «прямого обвинителя», ввиду неопределенного характера подозрений и шпиономании 1910–1911 гг. в Москве, о которой он же и рассказал Ленину[528]. Поэтому выраженное Бухариным несогласие с окончательным заключением следственной комиссии не касалось существа выводов, к которым она пришла. Он принял и ее определение дела («дело о клевете на Малиновского»). Возражал он только против того, чтобы большевики прибегали к аналогичным приемам (имелось в виду объявление сознательными клеветниками Виноградова, Шера и Троцкого на основе извращенных комиссией показаний Бухарина). Такое расхождение с комиссией, писал Бухарин Ленину и Зиновьеву, не

означает его оппозиции большевизму[529].

Позже других комиссия допросила Елену Розмирович. После ареста 18 февраля 1914 г. и двухмесячного заключения ее выслали из Петербурга под гласный надзор полиции временно в Киев, а затем в Харьков[530]. 14 мая она писала Зиновьеву: «… Ужасно, до боли тяжко переживать то, что сделал Р., переживать здесь одной. Иногда, когда вдумаешься глубоко, страшно становится. Такой удар для дела»[531]. Подозрения ее усилились, когда она обнаружила в своих вещах, которые перед ее отъездом из Петербурга укладывала С.А.Малиновская, распечатанный пакет с объяснениями Черномазова. Между тем Малиновский говорил ей, будто пакет пропал, и долго выспрашивал ее, не затеряла ли она этот документ; получить его она, однако, никак не могла, так как находилась в Доме предварительного заключения. Ясно было, что Стефа подложила пакет по поручению мужа. Скрывая факт получения от Мирона объяснений, Малиновский, во-первых, снова усиливал против него подозрения и отводил их тем самым от себя; во-вторых, если бы Розмирович обыскали по приезде в Киев и обнаружили «пропавший» документ, она невольно провалила бы многих упомянутых там лиц, не говоря уже о себе, что также было выгодно Малиновскому. В свете этого эпизода ей представлялись теперь безусловно провокационными и его призывы накануне ухода из Думы к организации революционного выступления[532].

Розмирович предложила прислать в Поронин свои письменные показания. Но Ленин и Зиновьев настаивали на ее приезде и снова повторили это требование, поскольку она никак не решалась совершить побег. Наконец, в ночь на 20 июня она тайно покинула дачу в селе Песочин близ Харькова и вскоре вместе с Николаем Крыленко и Максом Савельевым, также высланными из Петербурга, перешла австрийскую границу (перед этим она обращалась с прошением разрешить ей легальный выезд на три месяца, но ответа не дождалась, зная наверняка, что он будет отрицательным, — так и случилось[533]).

Допрос Розмирович в Норонине проходил несколько дней. Всю сложную историю появления, исчезновения и снова появления у нее подозрений она подробно изложила 4(17) и 5(18) июля. Обращает на себя внимание начало первого протокола: допрашиваемой было указано, что «комиссия не считает возможным даже выслушивать от отдельных свидетелей какие-либо заявления по поводу ее состава», и если Розмирович откажется давать показания, комиссия доведет об этом до сведения ЦК РСДРП(?). Допросы других свидетелей подобным образом не начинались, да и странно было предполагать, что

Розмирович откажется от показаний, если именно для этого она и явилась в Поронин. Вероятно, причиной особой строгости, проявленной в данном случае, явилось содержание письма Розмирович из Харькова от 1 июня, в котором она объясняла, почему ей кажется нецелесообразным немедленный приезд: поездка за границу без разрешения властей будет означать переход ее па нелегальное положение, что не в интересах партии; вместе с тем ЦК уже вынес резолюцию по делу Малиновского (постановление, опубликованное в «Правде» 31 мая), и чтобы этому делу «снова был дан ход», было бы лучше создать по решению ЦК новую следственную комиссию в России, где показания Розмирович могли бы подтвердить другие свидетели. Вот эта идея, вероятнее всего, и привела Ленина и Зиновьева в раздражение, переросшее, когда Розмирович прибыла в Поронин, в плохо скрываемую предубежденность к ней лично и недоверие ко всему, что она сообщила[534].

10(23) и 11(24) июля она повторила свои показания в присутствии Малиновского, но тот сумел отвести большинство ее доводов. Понимая всю опасность для него истории с пакетом, Малиновский вел себя агрессивно, чутко улавливая настроение комиссии. «Я убежден, что письмо Мирона получила Елена Федоровна. Я готов ее привлечь к суду за кражу документа», — заявил он. Кроме того, он ловко использовал против нее, как выразился Зиновьев, «переплет личных отношений, в которых разбираться было и трудно и неприятно»[535]. Он сообщил, что Розмирович была осведомлена о всех его любовных делах и сама рассказывала ему о своих многочисленных связях, просила даже Малиновского устроить ей свидание наедине с Каменевым. Свои отношения с Розмирович он характеризовал как «тесную дружбу», «прекрасные личные товарищеские отношения», исключавшие какое-либо недоверие к нему. Доказательством таких отношений, утверждал Малиновский, служат и письма, которые Розмирович присылала ему из Дома предварительного заключения (они были переданы комиссии и приобщены к протоколам)[536].

Малиновский старался, таким образом, подвести членов комиссии к мысли, что все свои подозрения Розмирович придумала задним числом, после его ухода из Думы, что это не что иное, как месть влюбчивой женщины за то, что он не пошел в отношениях с ней дальше «тесной дружбы». Судя по всему, ему удалось убедить членов комиссии, что дело обстояло именно так. В результате очной ставки подозрения Розмирович не были восприняты как сколько-нибудь веские; не убедили и попытки Розмирович опровергнуть трактовку Малиновским ее поведения. Еще менее серьезными показались сведения Савельева и

Крыленко, во всем поддержавших Розмирович: личный мотив поддержки был слишком прозрачен. Способствовала невыгодному впечатлению о Розмирович Крупская, заявившая, что та крайне неконспиративно вела переписку в Заграничным бюро ЦК, то есть относилась легкомысленно к важнейшему партийному поручению[537].

Письма Ленина Инессе Арманд в период следствия преисполнены сочувствия Малиновскому, который предстает в них, как и в статьях Ленина о его деле, воплощением пролетарских добродетелей. «По обыкновению он очень добр, в высшей степени любезен, но, как исключение, у него бывает время от времени перелом в настроении…» Вся история с уходом из Думы — следствие «перенапряжения»[538], он «наказан достаточно», исключать его из партии «означало бы только проявлять жестокость к надломленному человеку»[539], он «сам сознал свою вину». Рассказывая И.Арманд об очной ставке Малиновского с Розмирович, Ленин обрушился на Розмирович, именуя ее «солдатской женкой», которая «поругана — она смешала личные интересы, «интимности» с политикой»[540], но ни словом не обмолвился о роли сводника, какую играл Малиновский. Очевидно, в такой реакции на очную ставку нет ничего похожего на осуждение Лениным Малиновского «по этическим причинам», за попытку «облить помоями недавнюю сотрудницу», как пишет об этом А.И.Ваксберг[541]. К этической стороне дела Ленин по обыкновению оставался глух.

Больше же всего доставалось, как и прежде, «ликвидаторам», которых Ленин даже в личной переписке именовал «буржуазной интеллигенцией»: «До чего довели подлецы-ликвидаторы Малиновского!… Да, предела нет мерзости, на которую идет буржуазная интеллигенция из ненависти к рабочему движению!»[542] Часть статей Ленина, наиболее апологетичных по отношению к Малиновскому, редакция «Правды» не решилась опубликовать, а Петровский упрекал членов Заграничного бюро в том, что они слишком много пишут о Малиновском, почти прекратив присылать статьи на другие темы[543].

Вслед за Бухариным хотел приехать в Поронин из Вены А.А.Трояновский. Нов этом случае комиссия решила, что вполне достаточно его письменных показаний, так как с 1910 г. он жил в эмиграции, а в России Малиновского не знал; никакими данными по делу, кроме тех, которые ему сообщали Розмирович и Бухарин, он не располагал. Возможно, сыграло роль и наметившееся охлаждение в его отношениях с Лениным и Зиновьевым, связанное отчасти с разногласиями между ними по национальному вопросу[544] и усугубленное характером и

результатами расследования. В одном из писем Трояновский с горечью констатировал, что дело Малиновского превращено в дело о распространении оскорбительных слухов[545].

В политической биографии Трояновского несколько лет тесного общения с Лениным и Зиновьевым оставили, по его признанию, глубокий след. Последующий разрыв с большевиками во время первой мировой войны, активная борьба с ними в рядах меньшевиков (в 1917–1921 гг. он член меньшевистского ЦК) и затем возвращение блудного сына в РКП(б) — все эти повороты были запрограммированы эволюцией Трояновского от революционного романтизма к- политическому прагматизму, эволюцией, которую проделали многие большевики. Был в его жизни и элемент везения: в 1912 г. он познакомился в Вене со Сталиным и помог ему, как и Бухарин, в сочинении статьи «Марксизм и национальный вопрос», что было Сталиным, по-видимому, учтено, когда Трояновского вызвали в период «большого террора» в Москву из Вашингтона, где он занимал должность советского посла; в отличие от большинства дипломатов, которых таким же образом выманили из-за границы, Трояновского пощадили (как и нескольких других видных дипломатов из числа бывших меньшевиков).

Еще до возникновения дела Малиновского, в феврале 1914 г. Трояновский писал Розмирович: «Оглядываясь назад, я прихожу к заключению, что пребывание там мне принесло большую пользу… Моя общественная деятельность сопровождалась постоянными разбиваниями иллюзий. Там, в Кракове, и собственным примером и разоблачением других они заставили меня трезво смотреть на людей, по крайней мере высокопоставленных. В жизни у меня остались еще две, вернее три иллюзии: ты и твоя любовь, я сам и рабочая масса. Когда и эти иллюзии будут разбиты, тогда я буду совершенно трезвым и рассудительным человеком. Когда это будет? Вот вопрос. Это не значит, конечно, что тогда изменятся мои взгляды, но тогда я буду настоящим политиком»[546].

Реабилитация Малиновского членами большевистского ЦК должна была поразить Трояновского явным расхождением с теми уроками трезвости и рассудительности, какие он получал от них же. Но, кроме того, временный отход от большевиков позволил ему сказать о разбирательстве 1914 г. то, что не решился сказать ни один из других свидетелей, в том числе имевшие некоторые юридические познания Бухарин и Крыленко. Он первый оспорил организацию расследования и состав следственной комиссии.

После Февральской революции Трояновский — к тому времени уже не-большевик, а меньшевик и уже не муж

Розмирович, ушедшей к Крыленко, — заявил в печати и повторил это в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии, что в 1914 г. комиссия ЦК РСДРП допустила ряд «неправильностей», вела допросы свидетелей пристрастно и пренебрегла показаниями Розмирович, сообщившей «особенно много данных»; вообще ни Ленин, ни Зиновьев, ни Ганецкий, тесно связанные с Малиновским по работе, были не вправе брать на себя разбирательство, так как это означает «быть судьями в своем собственном деле». Между тем имелось «обилие обвинявших Малиновского данных»[547].

Розмирович на это отвечала (как и Трояновский, в печати и в показаниях Чрезвычайной следственной комиссии), что выводы комиссии ЦК лично ее не удовлетворили, но у нее не было и нет никаких оснований упрекать членов комиссии в отсутствии беспристрастия: они, утверждала Розмирович, действовали во всем правильно, ими «были приняты всевозможные меры для полного освещения картины деятельности Малиновского, по крайней мере, поскольку дело касалось фактов, о которых показывала я»[548].

Понятно молчание Розмирович в 1917 г. насчет правомочности членов большевистского ЦК разбирать это дело, но в 1914 г. ее настроение было иным: после окончания следствия она заявила, что ввиду несогласия с выводами комиссии, поставит вопрос о Малиновском перед партийным съездом[549], который должен был собраться в августе, в Кракове или в Поронине (но не состоялся из-за начавшейся войны).

Так или иначе, но показания Розмирович не поколебали тогда сложившегося у членов комиссии мнения о невиновности Малиновского. «Мы допросили немало свидетелей, устроили очные ставки с Малиновским, исписали не одну сотню страниц протоколами этих показаний… Решительно никаких доказательств ни один член комиссии открыть не мог… Общее убеждение всех трех членов комиссии сводились к тому, что Малиновский не провокатор…»[550] — так характеризовал работу комиссии три года спустя Ленин, забыв уже, что свидетелей было как раз немного. Примерно так же, но все же с указанием на ограниченность имевшегося материала, описывал эту работу В.Краевский, знавший о ней, по-видимому, от Ганецкого: «Комиссия эта самым тщательным образом рассмотрела все, что было тогда доступно по этому делу. Доступно, впрочем, было, к сожалению, очень немного данных. Никаких улик провокации Малиновского не было найдено..[551].

Все сказанное не означает, что Ленин с самого начала расследования не сомневался в Малиновском; напротив, вначале,

как видно из первого его письма к И.Арманд, он испытывал мучительные сомнения, об этом мы знаем также из воспоминаний Бухарина и Крупской[552]. Если же сомнения были им довольно быстро отброшены, то не только в результате свидетельских показаний, признанных неубедительными, и комплекса иных причин, о которых говорилось выше, но и на основе анализа самой возможности провокации в сложившихся обстоятельствах.

Разумеется, нельзя было исключать возможность проникновения агента охранки в руководство партии уже потому, что такой прецедент имелся — история Азефа. Не забылось также, как долго члены эсеровского ЦК не верили Бурцеву. Зиновьев вспоминал, как Лепин говорил в начале расследования: «Конечно, такой слепоты, как эсеровские цекисты в отношении Азефа, мы не допустим, давайте исходить из того, что все возможно»[553].

На деле избежать подобной же слепоты не удалось. Ленин и Зиновьев оказались в 1914 г. ничуть не лучше эсеровских лидеров Чернова и Натансона, привыкших, как писал Бурцев, все слепо подчинять интересам своей партии — «интересы родины, принципы, правду, логику»[554]. Но Азеф тем не менее был разоблачен. Решающим оказалось признание бывшего директора департамента полиции Лопухина, подтвердившего, что Азеф — провокатор. У большевиков таких свидетелей не нашлось, да и сам Бурцев поддержал большевистских «цекистов», а не обвинителей, не обнаружив на этот раз прежней проницательности.

Если продолжить сравнение двух ситуаций, как они рисовались в то время, то, несомненно, что Ленин, видевший их сходство, не мог считать их во всем тождественными, ввиду различий между эсеровской и большевистской тактикой и соответственно — между партийной работой террориста Азефа и депутата Малиновского. Исходя из этих различий, он не допускал, что охранке мог понадобиться в качестве агента депутат Думы: провокаторство внутри думской фракции казалось ему бесполезным с точки зрения интересов охранки. Реконструируя в 1917 г. ход своих мыслей в период партийного расследования, он писал: «Мне лично не раз приходилось рассуждать так: после дела Азефа меня ничем не удивишь. Но я не верю-де в провокаторство здесь не только потому, что не вижу ни доказательств, ни улик, а также потому, что, будь Малиновский провокатор, от этого охранка не выиграла бы так, как выиграла наша партия от «Правды» и всего легального аппарата»[555].

Ленин не догадывался, что легальный аппарат

«просвечивался» не меньше, чем нелегальный; не знал он и насколько велик интерес департамента полиции к информации о Государственной думе. Еще во времена I Думы важное значение придавал ей Столыпин, ее поставлял, между прочим, и Азеф; Белецкий лишь продолжал эту практику. Позднее думская агентура была расширена, на это ассигновали дополнительные средства; наряду с освещением фракционных заседаний и совещаний, тщательно записывались разговоры депутатов в кулуарах и даже разговоры публики, посещавшей думские заседания[556]. Малиновский, пусть даже не единственный осведомитель по думским делам, был как депутат безусловно полезнее Азефа.

Что касается «выигрыша» для большевиков, о котором так много говорил Ленин, то объем работы Малиновского в интересаˆ партии действительно превышал меру обычной для провокатора маскировки. Он определялся, во-первых, повышенными требованиями большевистского руководства к депутатам Думы, так как они обладали возможностями, превосходившими возможности подпольщиков, во-вторых, появлявшимися время от времени сомнениями в политической честности Малиновского и, наконец, в-третьих, естественным увлечением, с каким Малиновский отдавался партийной работе. Но даже если бы Малиновский захотел, он никак не мог ограничиться ролью преимущественно осведомителя, на чем настаивали — впрочем, не слишком твердо — Белецкий и Виссарионов.

Ленин, рассуждая за руководителей царской системы политического сыска («охранка не выиграла бы…»), переоценил их дальновидность; лишь некоторые из них пришли к выводу о том, что совмещение функций «неприкосновенного» депутата Думы и агента охранки наносит вред интересам правительства. Но этот вывод был сделан ими постфактум, на основе анализа деятельности Малиновского, тогда как Ленин предполагал, что в охранке все было просчитано заранее.

Таково сложное переплетение фактов и обстоятельств, обусловивших прямо или косвенно ошибочные выводы следственной комиссии. Ясно, что элементарной схемой объяснения — большевики не верили в провокаторство, а меньшевики в нем не сомневались — здесь не обойтись. Идеологически тс и другие все же еще до конца не разошлись. Поэтому и большевиков и меньшевиков, верных «рабочепоклонству», завораживала талантливость «русского Бебеля» (в 1914 г. проявившаяся и в том, как искусно он защищался, изображая себя жертвой трагических обстоятельств). Поэтому и меньшевики не всегда выглядели в сложившейся

ситуации достойно.

И еще один существенный момент, о котором обычно забывают, говоря о характере расследования. Конечно, это не был с формальной точки зрения «правильный суд», как, впрочем, все разбирательства но делам о провокаторах. Открытый суд отвергали и большевики и меньшевики. Но ни Ленин ни другие члены комиссии не допускали мысли о возможности осуждения без реальных улик, исключали вынесение приговора только по подозрению, наподобие вынесенного когда-то нечаевской организации «Народная расправа» (не говоря уже о судилищах сталинских времен, организаторов которых уже ни в коей мере не смущала проблема доказательств). Нельзя не заметить, что и многие из подозревавших Малиновского не возводили свои подозрения и сомнения в ранг бесспорных доказательств и даже сами подчеркивали, что отсутствие или недостаточность таких доказательств не позволяет делать решающие выводы. Не вызывало ни у кого сомнений и право обвиняемого на защиту.

Но это стремление к доказательности сочеталось в повседневной практике партийной работы с заметным снижением нравственной требовательности по мере все большего обособления большевиков от других фракций и течений в РСДРП. На первых порах и отдельные большевики отмечали такие явления, как снисходительность к нравственным изъянам тех или иных лиц единственно потому, что они были «своими», перехлесты полемики с идейными оппонентами. В уже упоминавшемся письме Осинского Бухарину, рассчитанном на передачу его содержания Ленину, прямо говорилось, что, выдвигая на ответственные посты «образцовую дрянь» вроде Малиновского и Лобова, руководители партии подрывают свой авторитет.

«…Я не могу понять, — писал Осинский, — как порядочные люди среди «правдистов» могут молчать, подчиняясь активным господам самого гнусного свойства… Можно ли в здравом уме и твердой памяти отринуть Богданова и принять в свои объятия гг. «Данского», «Демьяна Бедного» и т. н. Именовать первого «авантюристом», а вторых «уважаемыми товарищами» — ведь это же бесстыдно. А потом этот стиль, изо дня в день… ведь можно «спереть с последних остатков», читая эту отвратительную полемику. По-моему, ругаться нужно, но не нужно брать себе в качестве идеала ругань пьяных проституток»[557].

«Полемика «Правды» и «Луча» развратила рабочих вовсе, — сетовала М.И.Бурко. — Не стесняясь, ничуть не задумываясь, обзывают друг друга и лидеров своих самыми позорными именами. Как скверно, что наши газеты не церемонятся в

приемах. Это прямо разврат. С легким сердцем подозревают друг друга прямо в нелепых вещах»[558].

Предостерегающие голоса не были услышаны. Только ли потому, что Ленин вообще плохо разбирался в людях, как думает, например, Р.К.Элвуд? По его мнению, поддержка таких одиозных личностей, как Виктор Таратута, Малиновский и «чудесный грузин» Сталин, говорит о том, что большевистский вождь был плохим знатоком человеческого характера и политической ориентации своего окружения[559].

Известно, однако, что политическая ориентация всех этих трех деятелей была безусловно большевистской. Нельзя сказать, что являлись тайной и их индивидуальные качества. Поэтому отношение к ним Ленина не должно нас удивлять. У Ленина имелась вполне продуманная точка зрения по «кадровому вопросу», он высказывал ее еще раньше, в годы первой революции. Ее принимали тогда и некоторые другие видные большевики, например, тот же А.Богданов, несмотря на философские и иные разногласия с Лениным. Услышанное от них в 1906–1907 гг. воспроизвел в своих воспоминаниях В.С.Войтинский:

«Любимой темой «агитации» в тесном товарищеском кругу была для Ленина борьба с предрассудками, остатками «либеральных благоглупостей», которые он подозревал у новичков. Это была неуклонная, чрезвычайно ловкая, талантливая проповедь революционного нигилизма…

— Партия не пансион для благородных девиц. Нельзя к оценке партийных работников подходить с узенькой меркой мещанской морали. Иной мерзавец может быть для нас именно тем и полезен, что он мерзавец…

Когда при Ленине подымался вопрос о том, что такой-то большевик ведет себя недопустимым образом, он иронически замечал:

— У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится…

Снисходителен был Ленин не только к таким «слабостям», как пьянство, разврат, но и к уголовщине. Не только в «идейных» экспроприаторах, но и в обыкновенных уголовных преступниках он видел революционный элемент{3}.

Среди ближайших соратников Ленина эта тенденция принимала порой совсем курьезные формы. Так, А. Богданов — один из образованнейших писателей-большевиков — говорил мне:

— Кричат против экспроприаторов, против грабителей, против уголовных… А придет время восстания, и они будут с

нами. На баррикаде взломщик-рецидивист будет полезнее Плеханова»[560].

Ленин, однако, не находил в этом ничего курьезного. Специфические качества, присущие уголовным элементам, он считал небесполезными и на ответственных партийных постах. По мнению Ленина (оно было им высказано С.Вольскому и Н.А.Рожкову), работоспособность ЦК партии могло обеспечить наличие в его составе «талантливых журналистов, способных организаторов и нескольких интеллигентных негодяев»; на V съезде партии он рекомендовал в ЦК В.Таратуту — по его же словам, прожженного негодяя, который тем и хорош, что ни перед чем не остановится[561].

В тот же период П.А. Красиков так «популяризировал» большевистскую тактику: «Всем в морду! Кадет — так кадету в зубы! Эсер — так эсеру в ухо! Меньшевик — так меньшевику в рыло![562]Этот анекдотический инструктаж предназначался для членов социал-демократической фракции II Государственной думы и также вытекал из установки Ленина: посеять среди рабочих «ненависть, отвращение, презрение к несогласномыслящим»[563].

В свете таких давно определившихся предпочтений очевидно, что недоуменные вопросы Осинского и Бурко, если они дошли до Ленина, восприняты были им как «благоглупости». Тем более не принимались в расчет размышления деятелей иных воззрений, например, патриарха анархизма П.А. Кропоткина, который предлагал в разгар разоблачения Азефа задуматься не только над внешними причинами провокации, но и внутренними, свойственными революционному движению: «Якобинство» в худшем смысле слова — в смысле взаимной конспирации друг против друга и «чиноначалия» с самого начала парализовало все лучшее в русской революции, и теперь дошло до того, что нельзя подобрать 4–5 человек без того, чтобы один из них не преследовал своих целей, не вел свою игру. Вот против чего следовало бы теперь направить усилия»[564].

Несомненно, что «взаимная конспирация друг против друга» в деле Малиновского сослужила большевикам плохую службу, помешав собрать и непредвзято сопоставить все имевшиеся тогда данные. Она исключила также возможность межпартийного суда (раньше такой суд большевики допускали)[565].

И уж подавно не могло быть принято во внимание выступление «веховца» С. Н. Булгакова в Московском религиозно-философском обществе «Русская трагедия. О «Бесах» Ф.М.Достоевского», текст которого был опубликован буквально накануне ухода Малиновского из Думы. Вопрос, поставленный

Достоевским, — случайное или неслучайное явление герои «Бесов» Ставрогин и Верховенский — должен был, по мнению Булгакова, в переводе «на язык наших исторических былей» звучать так: «Представлял ли собой Азеф-Верховенский и вообще азефовщина лишь случайное явление в истории революции, болезненный нарост, которого могло и не быть, или же в этом обнаруживается коренная духовная ее болезнь?» Булгаков считал, что верно второе[566] (о чем он уже писал раньше в «Вехах», сразу после установления провокаторства Азефа: «Разоблачения, связанные с именем Азефа, раскрыли, как далеко может идти при героическом максимализме эта неразборчивость в средствах, при которых перестаешь уже различать, где кончается революционер и начинается охранник или провокатор»[567].

Поводом для нового выступления Булгакова на ту же тему в 1914 г. явились споры вокруг постановки «Бесов» в Художественном театре и, в частности, отрицательное отношение Максима Горького к самой идее инсценировать роман Достоевского, традиционно толкуемый как пасквиль на революционеров[568]. Ленин в этом споре поддержал Горького[569]. Неизвестно, читал ли он статью Булгакова, но известно свидетельство В.В.Воровского (в изложении Н.Валентинова): еще в молодости Ленин решил, что чтение такой «явно реакционной гадости», как «Бесы», — бесполезная трата времени, и поэтому лишь перелистал книгу и швырнул ее в сторону[570]. Мнение Булгакова также не представляло интереса: ведь он был кадетом, якобы равнодушным, как и другие веховцы, к «исстрадавшимся народным массам», чем Ленин и объяснял их проповедь «моральной греховности революции»[571]. С партийной точки зрения не могла иметь какой-либо ценности и сделанная Булгаковым оговорка: «Речь идет… не о политическом содержании революции и не о полицейской стороне провокации, но о духовном ее существе»[572].

Между тем ничего специфически партийно-кадетского в рассуждении Булгакова о причинах провокаторства не заключалось. Бывший большевик Алексей Гастев либералом не стал, однако и для него было очевидно, что к провокаторству революционеры приходили «путем отрицания всего святого и пропаганды [принципа] «все позволено»[573].

Для Ленина же духовная сторона проблемы не существовала, так как он исходил из соображений только прагматических. С позиций политической выгоды и устремленности к одной цели (плехановская формула: успех революции — высший закон) именно биполярное видение действительности позволяло найти самый прямой путь к этой цели, списывая «издержки» классовой

борьбы, включая провокацию, на самодержавие и «буржуазную интеллигенцию», к которой причислялись то одни, то другие инакомыслящие. Иные соображения Ленин и его сторонники считали посторонними и бесполезными.

Когда большевики называли себя «последовательными марксистами», это вызывало со стороны меньшевиков насмешки. Но концепция партии «нового типа» подразумевала последовательное отстаивание всеми партийцами единой линии, определяемой взглядами вождя. Авторитарная модель партии рассматривалась как условие успешной борьбы с авторитарным режимом. В такой партии должно было найтись место и своеобразному аналогу фаворитизма. Отсюда нечто вроде аберрации зрения в отношении членов следственной комиссии к Малиновскому: не он, а подозревавшие Малиновского казались людьми раздвоенными, податливыми к чуждым влияниям, а «последовательный марксист» Малиновский — истинно пролетарской, внутренне цельной натурой. И когда в 1917 г. его разоблачили, первое, в чем Ленин усомнился, — действительно ли он вел легальную работу, как думали до сих пор руководители партии, «в духе непримиримой борьбы с ликвидаторством и неуклонной верности революционным принципам». Проверить, так ли это было, он рекомендовал Чрезвычайной следственной комиссии Временного, правительства (!). Но с этой-то стороны Малиновский был безупречен.

«…Совершенно выбитый из колеи, растерянный Малиновский околачивался в Поронине. Аллах ведает, что переживал он в это время. Куда он делся из Поронина — никто не знал»[574]. Документальные данные опровергают это, на первый взгляд, правдоподобное описание финала поронинского следствия из воспоминаний Крупской. Растерянным Малиновский был лишь в первые дни, а дальше, по ходу следствия, он держался все более уверенно. И куда он делся из Поронина, когда следствие закончилось, Крупской было хорошо известно, так как свои намерения он не скрывал и, вероятно, согласовал их с партийным руководством. Вопреки обещанию, данному Попову и Иванову, он решил вернуться в Россию.

11(24) июля 1914 г. Малиновский прислал Ленину из Кракова короткое письмо: встретиться с родственниками в русской Польше ему пока не удалось — из-за опасности войны сообщение между Краковым и Варшавой затруднено; поэтому сам он выезжает в Варшаву, а затем в Петербург только в среду (то есть 16(29) июля) и на случай своего ареста оставляет для пересылки два письма — сестре и брату, а также адрес — в Ямбурге, на имя жены. Этим адресЪм, очевидно, мог

воспользоваться и Ленин. «Еще раз выражаю Вам свою глубокую благодарность. Привет Надежде Константиновне, Григорию, Зине и т. д. Ваш Роман», — так кончалось это письмо[575]. Концовка обычная, если забыть, что на сей раз подследственный обращался к следователям, и только что — утром того же дня — состоялась последняя очная ставка с Розмирович.

Благодарить было за что. Малиновский определенно уже знал, к каким окончательным выводам пришла следственная комиссия. Ленин, Зиновьев и В.А.Тихомирнов написали подробное заключение комиссии — брошюру, состоявшую из нескольких частей: 1) уход из Думы; 2) политическая биография Малиновского; 3) разбор слухов и подозрений; 4) данные о распространителях слухов. Преимущественное место отводилось критике меньшевиков — вологодских ссыльных, венских «августовцев» и Мартова, а также Бухарина, который якобы способствовал «возбуждению паники» Шером; выступление (?) последнего квалифицировалось как «преступное».

Обвинения в провокаторстве снова объявлялись «не выдерживающими самой слабой критики». Поскольку в тексте заключения никак не были отражены показания Розмирович и ее спутников, можно с уверенностью считать, что комиссия составила этот документ еще до их допросов, а после допросов не сочла нужным вносить какие-либо изменения. Заявлялось об истинности первых же выводов, выраженных в постановлении ЦК от 31 мая (причем дело изображалось так: членам комиссии очень скоро стало совершенно ясно, что все темные слухи абсолютно вздорны, и это единогласное убеждение было сообщено ЦК; таким образом, читателю внушалось, что ЦК и следственная комиссия состоят из разных лиц, и, следовательно, в беспристрастности комиссии можно не сомневаться). Примечательна и подпись под заключением: «Следственная комиссия по делу о распространении гнусных слухов про Р.В.Малиновского».

«Личную историю» Малиновского комиссия решила не оглашать, в тексте заключения показания его не сей счет также не отразились. Но, как вспоминал Зиновьев, учитывая, что Малиновский назвал ряд лиц, которые могли подтвердить его объяснения, решено было направить в Россию Ганецкого с целью их проверки, в частности, в Казань, где жил старший брат Малиновского. Разгром «Правды» 8 июля не позволил опубликовать заключение, а начавшаяся вскоре война сделала поездку невозможной и вообще отодвинула это, по признанию Крупской, крайне тяжелое, но, как казалось в тот момент, в основном исчерпанное дело[576]. С трудом припоминая в начале 30-х гг. рассказ Малиновского на партийном следствии, Зиновьев

именовал его брата профессором: «А между тем у него есть брат-профессор, замечательная личность (где живет этот брат? Кажется, он сказал, не то в Казани, не то в Плоцке; запомнились оба эти города)»[577]. Ленин вообще забыл, что «профессор» — это брат Малиновского. Все эти загадки мало его занимали — ведь довольствовался же он много лет псевдонимами Иосифа Джугашвили, не зная его настоящей фамилии.

Неизмеримо важнее для Ленина была кризисная политическая обстановка, сложившаяся летом 1914 г. в Петербурге. Она настраивала его на оптимистический лад. В канун войны, 12(25) июля, то есть на следующий день после окончания допросов по делу Малиновского, он поздравлял Инессу Арманд «с приближающейся революцией в России»[578].

Глава 6. РАСПЛАТА

В случае войны и сопряженных с нею потрясений не кадеты будут на гребне волны, а крайние левые, которые первыми утопят кадетов, а затем и меньшевиков.

А. С. Изгоев

Вечером 17(30) июля 1914 г. телеграф передал во все российские военные округа указ царя об общей мобилизации. Малиновский покинул территорию Австро-Венгрии непосредственно перед ее началом. С трудом он добрался до Варшавы и там был призван в царскую армию[579]. Следы его на какое-то время затерялись. Потом одни газеты сообщили, что он расстрелян, другие, что убит в бою.

Реакция в большевистских кругах на эти сообщения, насколько возможно ее проследить, была разной. 1 ноября 1914 г. заграничная большевистская газета «Социал-демократ» поместила анонимный некролог. Написали его Ленин и Зиновьев — как вспоминал последний, писали, взвешивая каждое слово. Они напомнили, что Малиновский совершил «непростительный грех перед рабочим движением», но снова объясняли это тяжелыми условиями, в которых ему приходилось работать. Напоминалось и о том, что партия «беспощадно осудила его самой тяжкой карой…»; вместе с тем утверждалось со ссылкой на выводы комиссии ЦК, что он «был политически честным человеком», хотел загладить свой грех, и потому «партия одинаково обязана как защитить честь умершего бывшего своего члена, так и разоблачить приемы, глубоко позорящие тех, кто прибегает к ним в политической борьбе»[580].

Сожалели о Малиновском не все. Неизвестный московский большевик, перечислив в письме в ссылку Н.Н.Яковлеву сенсационные новости первых дней войны — арест Ленина, расстрел Малиновского, вступление лидера бельгийских социалистов Вандервельде в правительство, а левого французского социалиста Эрве в армию, — замечал в заключение: «…Все такие потери не стоят компенсации Вильгельма, хотя бы и всех с ним прочих (потерю Малиновского сюда не включаю)»[581]. Несколько позже сам Яковлев иронизировал, имея в виду Малиновского: «Да, душечка № 2 куда-то бесследно исчезла, возбудив этим недоумение и смущение у всех»[582] (вторым

Малиновский был по алфавиту среди депутатов-большевиков). Сергей Малышев, когда-то защищавший Малиновского, теперь пришел к выводу, что нельзя игнорировать сведения, появившиеся и в реакционной прессе, — об этом он писал из сибирской ссылки А.М.Горькому, прозрачно намекая на Малиновского[583].

Но 5 декабря 1914 г. «Социал-демократ» вслед за газетами в России опроверг прежние сообщения о его гибели. Как оказалось, в чине взводного унтер-офицера он находился «на одном из театров военных действий». По его словам (из показаний на суде), он искал смерти, «часто… лез на рожон». Трудно сказать, насколько это верно, — желание погибнуть не очень сообразуется с бодрым настроением, в каком он уехал из Поронина, но, с другой стороны, перепады настроения бывали у него и раньше, наблюдал это и Ленин. Бои, развернувшиеся в районе Лодзи начиная с 30 октября, когда немцы перешли в наступление, носили действительно ожесточенный характер, с обеих сторон сражалось свыше 600 тысяч человек. Малиновский участвовал в 11 боях, и был случай, рассказывал он позже, что в роте, в которой он служил, осталось меньше половины солдат. 19 ноября его контузило в шею, он вывихнул еще и ногу в колене и из-за этого попал в плен[584].

Затем выяснилось, где именно он находится, — это был лагерь для военнопленных Альтен-Грабов в Саксонии, возле Магдебурга. Оттуда Ленин и Зиновьев получили письмо от группы солдат — социал-демократов, они сообщали, что Малиновский ведет в лагере «партийные занятия», «прекрасную интернационалистскую агитацию». Слушатели отзывались о его лекциях восторженно. В ответ на посланные ему в конце октября 1915 г. Лениным и Зиновьевым открытки вскоре пришло письмо и от самого Малиновского.

Заграничное бюро ЦК РСДРП завязало с ним регулярную переписку, ее вел, главным образом, Зиновьев. Иногда присылали весточку Ленин и Крупская. Малиновский получал посылки с продуктами и вещами. Из Берна, где находилась социал-демократическая комиссия интеллектуальной помощи русским военнопленным, стала поступать в лагерь в большом количестве общественно-политическая, в том числе марксистская литература. Немцы пропускали ее беспрепятственно. Лагерная библиотека, которой заведывал Малиновский, росла и к середине 1916 г. насчитывала свыше 1000 книг, в день выдавалось свыше 80; он был избран также председателем общества взаимопомощи. Лекции он читал на самые разнообразные темы — о налоговой системе, о крестьянском банке, о кооперации, о роли театра в

освободительном движении, по национальному вопросу, прочитал большой курс из 52 лекций по политической экономии «с включением программы РСДРП» — читал с декабря 1915 г. по март 1916 г., по 4 лекции в неделю[585].

Ленин поручил ему организовать анкетный опрос пленных, чтобы выяснить их политические взгляды, отношение к войне в связи с их социальным положением и т. д.[586] Большевики затеяли издание в Берне журнала «В плену», и Зиновьев просил Малиновского сфотографировать для журнала лагерную библиотеку, столовую, один из спектаклей и вообще «проявить свою изобретательность». Задания такого рода перемежались комплиментами: «Ведь Вы не из того теста сделаны, чтобы склонить голову даже при таких обстоятельствах, как теперешние»[587].

Большевики действовали в 14 лагерях на территории Германии и в 7 — Австро-Венгрии, но самым крупным из них был лагерь в Альтен-Грабове[588]. Малиновский писал Ленину, что это целый город. Здесь находилось несколько тысяч русских солдат и унтер-офицеров, в подавляющем большинстве крестьян. Положение их было намного хуже, чем пленных французов и бельгийцев: они голодали, не получая никаких посылок, обращение с ними было жестоким, в вину им ставилось даже непонимание распоряжений лагерного начальства из-за незнания немецкого языка. Для революционной агитации имелась, таким образом, благоприятная почва.

Деятельность Малиновского не ускользнула от внимания и пленных из союзных России армий. Осенью 1916 г. побег из Альтен-Грабова совершил бельгийский офицер, сын генерального секретаря министерства иностранных дел Бельгии барон Ван дер Эльст. Делясь на родине своими впечатлениями, он похвально отзывался о характере русского солдата, наиболее симпатичного, по его словам, из всех союзников, с сочувствием говорил о тяжелом положении и нравственном одиночестве русских в плену. Рассказал он также, что большое влияние на русских пленных приобрел «весьма красноречивый» Малиновский, вследствие чего среди них «часто слышались и громкая критика правительства, и выпады против существующего порядка и верховной власти, и кощунственные отзывы о религии, церкви и Боге, причем голоса и мнения умеренных всегда заглушались большинством». В лагере Ван дер Эльст провел больше двух лет и изучил русский язык, посещал он и лекции Малиновского[589]. Изложение Малиновского было простым и доходчивым, после лекций их содержание слушатели обсуждали в бараках.

Обращаясь к руководителям партии, Малиновский, очевидно,

хотел убедить их в том, что остался, несмотря на недоверие и все выпавшие на его долю невзгоды, убежденным большевиком. В этом он определенно преуспел. Когда он обиделся, что Ленин редко удостаивает его личными посланиями («Последнее письмо от Ильича получил 22 декабря 1915 г., скоро буду справлять годовщину»[590]), Ленин тут же извинился: «Напрасно заподозрили меня в злокозненности»; просто он ошибочно решил, что Малиновский находится в деревне, и ждал нового адреса[591].

Со своей стороны Малиновский сообщал Ленину, что пленные социал-демократы — таких было в лагере человек 20 — «не могут понять, как можно, присваивая себе определенное мировоззрение, думать иначе, как думаете «Вы», и добавлял: «За статью «О поражении своего правительства» все благодарят; стоял и передо мной этот вопрос и, к моей радости, будучи совершенно оторван, я отвечал так, как говорите Вы». Поведение лидеров Интернационала тоже его не удивило — «и раньше был о них такого мнения»[592]. В кругу единомышленников он прямо называл себя «учеником Ильича» (об этом написал Ленину секретарь лагерной социал-демократической группы Андрей Синицын, искренне восхищавшийся учеником и учителем; с Синицыным Ленин также переписывался и просил пересылать его письма Малиновскому, когда тот отсутствовал в лагере[593].

Больше того, бывший член ЦК намекал, что не прочь снова занять руководящее положение в партии: «Личное мое душевное состояние дрянь, — не потому, что пал духом, это еще пока рано, наоборот, имел время много проверить и обдумать, да и уроки жизни хорошие, но вместе с этим нет того размаха, который бы хотелось иметь, да и его, наверное, не будет. Разве я думал о тех душевных переживаниях и внешних результатах, которые создал мой отказ от депутатских полномочий? Вы думаете, что поведение 5-ки, теперешняя роль Гвоздева и много других вопросов и моя участь для меня безразличны?»

Вероятно, Ленин и Зиновьев без труда расшифровали намек. Раскаиваясь в «ошибке», Малиновский напоминал, что по их же аттестации он был среди депутатов-большевиков самым «последовательным»: дескать, если бы его арестовали вместе с «пятеркой», он сумел бы на нее повлиять, чтобы на суде депутаты держались более стойко. Он вспоминал даже, как «проклинал тех, которые, благодаря своей дряблости, сами поехали в Сибирь, а меня довели до сумасшедствия»[594].

Поводом для этого заявления, выходящего за рамки его показаний 1914 г., явился прочитанный, наконец, Малиновским некролог в «Социал-демократе», в котором Ленин и Зиновьев писали, между прочим, что незадолго до «смерти» он будто бы

простил клеветников, то есть «ликвидаторов». Нет, поправлял теперь «воскресший» Малиновский, он не только прощал клеветников, но и проклинал своих товарищей по фракции, виновных, оказывается, в его уходе из Думы. Ясно, что ополчиться на них он решился лишь после того, как узнал о критической оценке Лениным их поведения на суде, надеясь, что его рассуждение — с минимальной дозой самокритики — будет воспринято как обоснованная заявка на возвращение к партийному руководству. Даже то, как обращался к нему Ленин в письмах («Дорогой друг», «дорогой Роман Вацлавович»), позволяло думать, что такое возможно.

Многих, однако, по-прежнему возмущало допущение даже в отдаленной перспективе возможности восстановления «ренегата» в партии. А.Г.Шляпников как член Русского бюро ЦК сделал с присущей ему прямотой выговор Зиновьеву (в письме из Христиании 12(25) марта 1916 г.): «Здесь мне передавали, что Вы очень ладите с Малиновским, отношение к которому среди наших товарищей крайне отрицательное. Так делать не годится»[595]. Зиновьеву пришлось оправдываться: он руководствуется вовсе не личными симпатиями, исключительно важно то, что делает Малиновский в лагере, — там 18 тыс. солдат, и Малиновский распространил среди них «много пудов нашей литературы»[596]. Уезжая в апреле 1917 г. в Россию, и Ленин и Зиновьев не сомневались, что Малиновский будет продолжать вести в плену революционную работу[597].

Последнее его письмо как будто бы подкрепляло эту уверенность: Оно написано 31 марта, но не содержит ни малейших следов тревоги за себя в связи с свержением в России монархии. Вполне по-ленински Малиновский оценивал программу Временного правительства, в которой «только одни политические вопросы, а разве ими удовлетворишь, ведь наш мужичок пока не получит земли, спокоен не будет, ему все равно, от кого, от абсолютной монархии или республики, а дай землицы». Его интересовало, «почему не слышно базельского лозунга (об использовании войны для ускорения краха капитализма. — ***И.Р.***), что будет с пораженчеством?» И в ленинском же духе он прогнозировал последующее развитие событий: «Думаю, что то, что совершилось, нас удовлетворить не может. Хочется верить, что с тем кризисом, который назревает, не справится даже «сам» Гучков с Керенским, и тогда только грянет настоящая Революция…»[598]

Образ убежденного ленинца Малиновский эксплуатировал до конца. На суде в 1918 г. он твердил, что считает самым лучшим периодом своей жизни время, проведенное в плену: только в

лагере «социализм стал для меня религией»; вся его деятельность в лагере, заявил он, «была проникнута глубоким и искренним убеждением»[599].

Соответствовало ли это действительности? Зиновьев отвечал утвердительно: пропаганду в лагере, полагал он, никак не объяснишь корыстными мотивами[600]. Но в основе поведения Малиновского лежала не только корысть. Примириться с мыслью о своей ненужности он не мог, а «культурно-просветительная» работа открывала возможность снова оказаться на виду. В плену она была менее опасна, чем в России: германское командование видело в распространении антивоенных настроений среди русских солдат средство ослабления противника, никаких препятствий со стороны лагерной администрации Малиновский не встречал (если ие считать отправку из лагеря на работу в крестьянские хозяйства, — но это не было наказанием, пленные сами туда стремились, чтобы «подкормиться»).

Во-вторых, вряд ли Малиновский сознавал, попав в начале войны в плен, насколько короткий срок отпущен российской монархии, а в таком случае война могла представляться ему всего лишь паузой между двумя этапами карьеры. Кроме того, в переписке с Малиновским Зиновьев откровенно высказывался о плачевном положении партии, совсем не похожем на то, что было перед войной: момент, писал он 10 мая 1916 г., «очень, очень трудный для нас», большевикам придется временно остаться в меньшинстве, «социал-патриоты обнаглели», «теперь того и гляди «рабочий» съезд им разрешат». В такой обстановке имело смысл подумать о более надежных хозяевах. Был ли Малиновский ими забыт? По крайней мере Белецкий о нем помнил, больше того, можно поручиться, что вспомнил он «Икса» в момент своего торжества. Случилось это в 1915 г.

Поражения русской армии обострили борьбу в правящей верхушке, она затронула и верхи полицейского ведомства. За годы войны сменилось 5 министров внутренних дел, 3 товарища министра, 3 директора департамента полиции и 4 заведующих особым отделом департамента. Раньше других закатилась звезда генерала Джунковского.

1 июня 1915 г. он воспользовался правом личного доклада царю, чтобы сообщить ему о скандальных похождениях Распутина в Москве. Этот рискованный демарш был предпринят с одобрения министра Н.А.Маклакова; не желая, однако, подвести своего непосредственного начальника в случае неблагоприятной реакции царя, Джунковский заявил, что докладывает лично от себя как генерал царской свиты, и докладная записка, им представленная, не имеет копий в министерском

делопроизводстве. Выдвинутое Джунковским обоснование «вмешательства в семейные дела» монарха не отличалось оригинальностью: общение членов царской семьи с проходимцем, говорил он царю, расшатывает трон, создает угрозу династии, «а этим и России». Однако Джунковский оказался первым, кого царь выслушал до конца, не прерывая. Распутин был отлучен на два месяца от двора. Он рассказывал, что никогда не видел царя в таком гневе; не подействовал и смиренный ответ: он-де, как все люди, грешник, а не святой…[601]

Впоследствии А.Ф.Кони писал Джунковскому: «Будущий историк оценит Ваше отважное выступление против Распутина и воздаст Вашей памяти должное». Но Джунковский ошибся, решив, что добился успеха. Поступок генерала его корреспондент, отлично знавший правителей империи, справедливо уподобил действиям поводыря, который напрасно заботится о «слепцах, ведущих слепых к тяжким испытаниям»[602].

Рыцарское поведение Джунковского не помогло Маклакову удержаться, вскоре он был уволен в отставку. Беседуя с его кратковременным преемником Щербатовым, Николай II сказал, что к Джунковскому он испытывает полное доверие. А 19 августа Щербатов получил записку царя об отстранении Джунковского от должности без объяснения причин[603]. Новое назначение было невысоким: командиром бригады 8-й Сибирской стрелковой дивизии (в дальнейшем он дослужился до командира корпуса). Распутина же вскоре простили.

Последнее, что удалось Джунковскому в Петрограде, — это убедить Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, что арестованных на нелегальном совещании под Петроградом большевиков-депутатов Государственной думы следует судить гражданским судом, а не военным, на чем настаивал министр юстиции Щегловитов. Бывшие соратники Малиновского не подозревали, что ссылкой в Сибирь они обязаны Джунковскому, — в противном случае наказание было бы более суровым.

Как только Джунковский отбыл в действующую армию, в Министерство внутренних дел вернули Белецкого, на этот раз товарищем министра. Повышением он был обязан, как и новый министр А.Н.Хвостов, прежде всего Распутину. Вместе с Хвостовым и правым депутатом Замысловским он тут же приступил к осуществлению плана мести своему предшественнику. Чтобы отрезать генералу путь к возвращению «на арену государственно-административного служения», решено было политически скомпрометировать его в глазах царя. Редактору саратовского черносотенного листка «Волга»

Тихменеву заказали специальную брошюру о Джунковском. Белецкий выделил для этого 6,5 тыс. рублей из секретного фонда департамента полиции, из них 2,5 тыс. досталось Тихменеву, услуги которого и раньше оплачивались из того же источника.

Сочинение Тихменева начиналось сведениями о «неустойчивости политических воззрений и верований в семействе Джунковских» (имелся в виду дядя Джунковского С.С. Джунковский, который, будучи за границей, перешел в католичество, вступил в орден — иезуитов и принял священство, правда, отвергая целибат (обет безбрачия), был затем миссионером у эскимосов, но в конечном итоге вернулся в православие). Далее сообщалось, как в октябре 1905 г. московский губернатор стремился снискать популярность у «революционного отребья», освобождая политзаключенных из тюрем, о дружбе его с «людьми определенно кадетской складки», о его «германофильстве», проявившемся будто бы в пристрастном расследовании причин и обстоятельств антинемецких погромов в Москве в мае 1915 г. и в ликвидации армейской агентуры, способной якобы противостоять германскому шпионажу, — название этого последнего раздела звучало зловеще: «Джунковский и мясоедовщина»[604].

Для истории с Малиновским немаловажно и то, что не попало в брошюру. Белецкий прекрасно понимал, что упраздненная Джунковским агентура в воинских частях к борьбе с германским шпионажем не имела никакого отношения. При обсуждении плана брошюры он сформулировал главное обвинение иначе: Джунковский нанес «своей политикой и ослаблением агентурного освещения среди противоправительственных партий, быть может, непоправимый ущерб»[605]. Ясно, что имелась в виду потеря «Икса».

Но от предложенной Белецким формулировки пришлось отказаться — и не только потому, что этот пункт обвинения было затруднительно раскрыть. Основная трудность состояла в том, что нововведения Джунковского почти целый год, до января 1914 г., скреплялись подписью Белецкого, о возражениях его никто не знал. Да и став товарищем министра, Белецкий сохранил почти все в прежнем виде. Остался, например, на своем месте Мартынов, несмотря на «упадок осведомительной деятельности», замеченный в Москве бдительным ревизором Виссарионовым. С другой стороны, тот же Виссарионов, ознакомившись с рукописью брошюры Тихменева, счел иные места неудобными для публикации[606].

С некоторыми изъятиями брошюру под названием «Генерал Джунковский в отставке…» оперативно отпечатали в 500

экземплярах и распространили в высших сферах; 10 экземпляров Хвостов и Белецкий вручили в Царском Селе А.А. Вырубовой, доставив, по словам Белецкого, ей и Распутину видимое удовольствие (о Джунковском Распутин до конца своей жизни не мог спокойно говорить и слышать). Получил несколько экземпляров и дворцовый комендант Воейков, считавший — совершенно напрасно, что Джунковский стремился занять его должность[607].

Подробности интриги против Джунковского не скоро стали достоянием общественности, но газеты не могли не зафиксировать факт служебного реванша Белецкого. Русские газеты читали и в лагерях для военнопленных, поэтому нет ничего невозможного в том, что до Малиновского дошло известие о возвращении Белецкого в Министерство внутренних дел. Если это так, оно могло пробудить в нем надежды на возобновление сотрудничества с охранкой. Понятно, что для этого требовалось восстановить репутацию убежденного большевика и накапливать впрок необходимую потенциальному заказчику информацию.

Разумеется, доказать это предположение невозможно, но имелось- достаточно обстоятельств, заставлявших Малиновского колебаться. Лишь в 1916 г. стало ясно, что война не укрепила, а расшатала царский режим. Не потому ли Малиновский возобновил переписку с большевистским руководством только год спустя после того, как оказался в плену? Он по-прежнему был озабочен материальным положением семьи, задумываясь над своим будущим, которое лишь отчасти вытекало из его лагерного бытия, — и не только потому, что здесь был «не тот размах» (400 читателей в библиотеке, 200 слушателей лекции). «…Знаешь ли ты, что я уже совсем поседел, а дети еще малы…» — писал он жене 3 января 1917 г. О том же писал он и Ленину: «…Рано или поздно встанет и для меня вопрос, чем питать себя и семью»[608].

Кроме писем Ленину и Зиновьеву, есть еще одно свидетельство о Малиновском в плену. Это рассказ другого бельгийского военнопленного, также понимавшего русскую речь, солдата Ламбера, с которым встречался А.А.Трояновский. Рассказ рисует поведение Малиновского в неприглядном свете. Ламбер, как и Ван дер Эльст, сообщил, что вначале Малиновский пользовался в лагере большой популярностью. Но затем у него обнаружился недочет в деньгах, и группа пленных, еще не зная о былых подозрениях, решила собрать о нем сведения. Оказалось, что он доносил на своих товарищей немецким офицерам, хорошо зная, чем это грозит (самый распространенный вид наказания — привязывание к столбу); будучи старостой барака, он бил солдат, заявляя: «Мы, социал-демократы, за порядок и дисциплину»[609].

Если все это справедливо (Ламбер почему-то испугался и от дальнейших объяснений уклонился), то, по-видимому, от Малиновского отвернулись в лагере еще до того, как из России дошла весть о его разоблачении. Возможно, этой переменой объясняется фраза в том же письме жене: «Хотелось бы побеседовать, как у нас говорят, по душам, но что делать, друже, когда на душе холодно»[610].

Некоторые места из писем Малиновского большевистским вождям также позволяют думать, что лучший, как он говорил, в его жизни период продолжался не так уж долго. От Ленина он не скрыл, что в лагере у него были «неприятности» — «ох! еще какие!» — на почве будто бы ухода из Думы. Он писал, кроме того, о своей неврастении: «Доработался до того, что лежу в лазарете уже второй месяц»; по этой причине он отказался от всех общественных должностей, которые занимал. Непонятно только, как ему удавалось, находясь в лазарете, читать лекции: письмо написано 12 марта 1916 г., между тем кончил он их читать 11 марта… Употребление слова «доработался» тоже симптоматично: так в прошлом Ленин и Крупская объясняли истерические выходки Малиновского; прибегая теперь к этому же объяснению неврастении, можно было обойти иные причины.

Характерно, наконец, в том же письме Ленину противопоставление «здорового душой и телом элемента» среди военнопленных «интеллигентской» их части, видимо, не столь податливой к пораженческой агитации[611]. Группу, о которой рассказывал Трояновскому Ламбер, возглавляли как раз пленные, относящиеся к этой последней категории: какой-то артист Александрийского театра и фотограф из Читы.

Между тем 8(21) ноября 1916 г. российский посланник в Брюсселе послал в Петербург письмо с подробным изложением рассказа Ван дер Эльста об Альтен-Грабове и предложил «обезвредить» Малиновского, обменяв его на кого-либо из вражеских пленных. Из отдела о военнопленных российского Министерства иностранных дел была направлена докладная записка начальнику Генерального штаба, который согласился с предложением. Вслед за тем из Генерального штаба обратились к начальнику штаба Петроградского военного округа и директору департамента полиции с просьбой принять меры, чтобы Малиновский по возвращении в Россию «не проскользнул бы незамеченным». В ответе Главного управления Генштаба Министерству иностранных дел говорилось, что обмен Малиновского крайне необходим для пресечения ведомой им социалистической пропаганды, и предлагалось выяснить через испанское посольство в Берлине, на кого немцы согласились бы

его обменять[612].

В канун Февральской революции помощник начальника московской охранки подполковник Знаменский разослал частным приставам телеграмму, из которой можно было понять, что возвращение Малиновского — дело решенное: «Прошу иметь наблюдение за прибытием в Москву бывшего члена Государственной думы из крестьян Плоцкой губернии Романа Вацлавова Малиновского и по прибытии срочно сообщить охранному отделению»[613]. Но усилия дипломатов не привели к успеху: германское правительство отказалось от сделки под предлогом негодности Малиновского к продолжению воинской службы по состоянию здоровья. По словам Малиновского, медицинское освидетельствование состоялось в лагере 19 декабря 1916 г.[614] Но в российский Генштаб информация об отказе немцев совершить обмен поступила только в день отречения Николая II от престола — 3 марта 1917 г.

Тем временем Бурцев, арестованный по возвращении в Россию в начале войны и высланный в Туруханский край, получил возможность вернуться по амнистии в Петроград, где он продолжил свои расследования. В 1916 г. он сумел «разговорить» Родзянко и Белецкого. Первый прямо, со ссылкой на Джунковского, а второй завуалированно дали понять, кем был Малиновский. Наконец, в ноябре 1916 г. о провокаторстве Малиновского публично, с трибуны Государственной думы еще раз заявил правый депутат Марков 2-й. Сразу же после этого, 5 декабря «Биржевые ведомости» опубликовали ранее отвергнутую цензурой статью Бурцева — «Вопросы, требующие ответов» (вторую статью на ту же тему «Ответы на поставленные вопросы» Бурцев напечатал после революции в «Русском слове», располагая уже признаниями Виссарионова и Попова)[615].

«Биржевые ведомости» успели дойти до ссыльных большевиков-депутатов Думы, М.К.Муранов прислал в редакцию из Сибири возмущенный протест. Бурцев, ознакомившись с письмом Муранова, назвал его «легкомысленным»[616]. Но заграничный большевистский «Социал-демократ» продолжал упорствовать: обвинения против Малиновского «абсолютно вздорны», утверждалось в последнем номере газеты, вышедшем за месяц до Февральской революции»[617]. Авторами опровержения и на этот раз были Ленин и Зиновьев.

Свержение монархии сделало, наконец, тайное явным. Революция оказалась скоротечной, в ходе ее начались стихийные разгромы полицейских учреждений; при этом погибло множество документов, к чему приложили руку и сами кровно заинтересованные в этом охранники. Особенно велики были

потери в главных центрах политического сыска — в Петрограде и в Москве, где сосредотачивались и наибольшие массивы документации.

…В громадный костер во дворе Московского охранного отделения сбрасывали со второго этажа полицейские дела, альбомы с фотографиями «государственных преступников», книги из библиотеки нелегальных изданий. Из толпы кричали: «Ура! Жгите, чтоб следа не осталось! Рвите в клочья!» Кое-кто выхватывал из огня листы дел «на память». Прибывших через полчаса пожарных долго не подпускали к зданию, а потом все, что при тушении пожара было залито водой, смерзлось на пятнадцатиградусном морозе. Корыстный умысел охранников — именно они начали еще ночью уничтожать секретные документы, а затем затесались в толпу — соединился с наивной надеждой малограмотного обывателя — одним разом покончить со злом, воплощенным будто бы в казенных бумагах. Когда через несколько дней уцелевшие документы перевезли из полусгоревших помещений охранки в читальный зал Исторического музея, среди них не оказалось личных дел секретных сотрудников, агентурных записок и тому подобных документов. Наполовину погибла библиотека, сильно пострадал фотографический отдел, но негативы остались[618].

Сгорела большая часть документов и Петроградского охранного отделения, тоже в результате усилий заинтересованных в этом лиц. Погромы сыскных учреждений происходили и в провинциальных городах. Везде жандармы старались прежде всего избавиться от документов, изобличавших секретных сотрудников и их самих.

Но уничтожить все следы своей деятельности они были не в силах. В Петрограде сохранились, в частности, архивы особого отдела департамента полиции, спасенные сотрудниками Пушкинского Дома[619] (впоследствии, на рубеже 20—30-х гг. хранение этих и других якобы скрытых от советского правительства исторических документов в Пушкинском Доме и в Археографической комиссии Академии наук было использовано как предлог для фабрикации так называемого «Академического дела», жертвами которого стали представители гуманитарной интеллигенции старой школы[620]).

4 марта Временное правительство образовало по предложению министра юстиции А.Ф.Керенского Чрезвычайную следственную комиссию «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц, как гражданских, так и военного и морского ведомств»[621]. Предметом особого ее внимания сразу же стала

секретная деятельность департамента полиции, и вскоре началась публикация списков разоблаченных провокаторов. Списки составляла действовавшая при Чрезвычайной комиссии Особая комиссия для обследования деятельности департамента полиции и подведомственных ему учреждений во главе с П.Е.Щеголевым, временно распоряжавшаяся архивами департамента. В списках, насчитывавших десятки имен, были и те, кого уже подозревали, но, главным образом, числившиеся до самого последнего момента противниками старого режима; предательство их, в том числе и Малиновского, было подтверждено теперь документально.

Обилие открывшихся фактов позволило уже тогда прийти к некоторым обобщающим выводам. М.Осоргин писал, например, что сами охранники «в личных выгодах поддерживали в России напряженное, хотя и не всегда нормальное и здоровое, революционное брожение»; он утверждал, что были нередки нелегальные организации и группы, где 50–75 % членов являлись сотрудниками охранки[622].

Ленин и его товарищи, возвращавшиеся из эмиграции, узнали о разоблачении Малиновского в Торнео — пограничном городе в Финляндии, из заметки Каменева «Иуда», напечатанной 26 марта в «Правде», — это известие, вспоминал Зиновьев, их ошеломило.

Листая в полутемном зале станции русские газеты и наткнувшись на эту заметку, Ленин «побледнел. Встревожился ужасно… Несколько раз Ильич с глазу на глаз возвращается к этой теме. Короткими фразами. Больше шепотом. Смотрит в глаза. «Экий негодяй! Надул-таки нас. Предатель! Расстрелять мало»[623].

Второе по счету официальное расследование дела Малиновского несравнимо по своим результатам ни с первым, ни с третьим. Чрезвычайная следственная комиссия, опиравшаяся на неограниченную поддержку новой власти, располагала возможностями, каких не могло быть у эмигрантов. Разместилась она в Зимнем дворце. «Подымаюсь по лестнице — комнаты направо, комнаты налево, — везде строчат, гудят, как шмели, трещат машинки. Десятки судей, прокуроров, председателей судов, палат пристегнуты сюда в качестве профессиональных работников», — так описывал свои первые впечатления С.А.Коренев — один из 25 (по другим данным — 59) «пристегнутых» к комиссии следователей[624]. Расследование 1917 г. выделяется и количеством допрошенных по делу Малиновского свидетелей (до трех десятков), и общим объемом времени, затраченного на выяснение всех обстоятельств дела, — расследование продолжалось до осени. Тот факт, что сам

Малиновский оставался вне пределов досягаемости, существенно не повлиял на доказательную силу выводов, полученных путем сопоставления свидетельских показаний и документов, впервые извлеченных из полицейских архивов.

Истории провокаторства Малиновского комиссия отвела большое место в допросах бывших руководителей полицейского ведомства — С.П.Белецкого, С. Е.Виссарионова, А.А.Макарова, И.М.Золотарева, В.Г.Иванова, А.Т.Васильева, А.П.Мартынова и других. Из действующей армии вызвали В.Ф.Джунковского. Дважды был допрошен В.Л.Бурцев. Из меньшевиков допросили Н.С.Чхеидзе, А.М.Никитипа, В.Н.Малянтовича, В.Ф.Плетнева, А. Г.Козлова, Б. И.Горева, а также принадлежавших раньше к большевистской партии И.П.Гольденберга, А.А.Трояновского и И.Т.Савинова. Дали показания В.И.Ленин, Г.Е.Зиновьев, И. К. Кру некая, В.П.Ногин, А.И.Рыков, II. И. Бухарин, А.В.Шотман, Е.Ф.Розмирович, Я.М.Свердлов, А.Е.Бадаев, М.К.Муранов. Допросы проводились не только в Петербурге, но и в Москве. Г.И.Петровского должен был допросить — «для ускорения дела» — якутский прокурор, но к тому времени, когда поручение пришло в Якутск, Петровский уже уехал в Европейскую Россию и найти его не удалось[625]. Со своей стороны большевики выразили готовность принять все меры к розыску документов, оставшихся за границей, и немедленно передать их в комиссию[626] {4} [627]

Как бы параллельно действовал В.Л. Бурцев, которому было разрешено посещать места заключения и беседовать с охранниками и провокаторами. Поглощенный этой привычной для него работой, он, однако, выражал возмущение условиями их содержания — «грязь, часто голод, скученность и т. д.», в таких условиях «и нам редко приходилось сидеть при царском режиме». Однако ускорить решение дел, как предлагал Бурцев, не удалось, ни один судебный процесс при Временном правительстве так и не состоялся. Желание во всем разобраться казалось важнее осуждения или оправдания конкретных лиц.

И все же нельзя не согласиться с мнением, высказанным еще в 20-е гг.: в работе Чрезвычайной следственной комиссии «юриспруденция»… непосредственно подчинялась политике», а допросы, касавшиеся Малиновского, велись так, чтобы, «зацепившись за Малиновского, протянуть нити от департамента полиции ко всей партии большевиков»[628]. Состав комиссии этому способствовал: среди ее членов преобладали меньшевики или близкие им деятели (Н.К.Муравьев, В.Н.Крохмаль, Н.Д.Соколов, Н.С.Каринский, П.Е.Щеголев и др.).

Зиновьев, ознакомившись с опубликованными в советское время стенограммами допросов, возмущался «шуточкой»

председателя комиссии Муравьева, когда тот, допрашивая Бурцева, впервые изменил обычной для него солидной манере: «Теперь перейдем к очень для нас интересной теме о Малиновском. Это — модерн»[629]. Дело, конечно, не столько в игривом тоне Муравьева, сколько в открытом противостоянии большевиков, с момента приезда Ленина, всем другим партиям и государственным структурам. Зиновьев переносил это противостояние и на комиссию; во время допроса он держался подчеркнуто вызывающе: «Голова у него задрана кверху, развалился в кресле, курит, на предлагаемые ему вопросы отвечает нехотя, а то и вовсе не отвечает…», — вспоминал следователь Коренев[630].

История Малиновского представлялась членам комиссии куда более актуальной, чем история провокаторов, действовавших в других партиях, таков смысл муравьевского «это — модерн». Несомненно, по этой же причине, в фокусе внимания комиссии оказалось избрание Малиновского депутатом IV Государственной думы. Дума рассматривалась как источник законной власти Временного правительства, посягательство на ее престиж — избрание депутатом агента охранки — оценивалось как доказательство преступности деятелей свергнутого режима, нарушивших «конституцию» — Манифест 17 октября. Но тем самым как бы подсказывался и другой вывод: большевики были вольными или невольными соучастниками преступлений царизма, во всяком случае не такими уж его противниками… Легко понять в таком случае, почему такой бесспорный факт, как поддержка кандидатуры Малиновского на выборах московскими меньшевиками и кадетами был оставлен в тени. Точно так же, решая вопрос о публикации полученных следствием материалов, А.А.Блок считал необходимым избегать всего, что могло бы сказаться отрицательно на авторитете новой власти. С этой точки зрения ему казалось нецелесообразным упоминать в связи с делом Малиновского имя Родзянко.

Шумные разоблачения агентуры царизма происходили на фоне резкого обострения социальных противоречий. Росло недовольство Временным правительством, все более притягательными становились крайние лозунги. Этим объясняются последующие действия комиссии. В июне 1917 г., не дожидаясь окончания следствия, она обнародовала в печати большую сводку материалов о Малиновском. Решение об этом принял министр юстиции П.Н.Переверзев по договоренности с Н.К.Муравьевым[631] (еще 13 мая Переверзев хвалил комиссию за то, что она сделала чрезвычайно много в короткий промежуток времени[632]).

Официальная публикация о Малиновском еще больше взвинтила газетную кампанию, направленную против большевиков. Выбор момента был далеко не случаен: в обстановке острого кризиса Временному правительству важно было оттолкнуть хотя бы часть недовольных его политикой от ленинцев, создать у обывателя стереотип неприятия этой ультрарадикальной партии.

Достаточно произвольно интерпретируя сведения, добытые комиссией, газеты разных направлений принялись выпячивать фигуру Малиновского, ставя знак равенства между провокатором и большевистским ЦК, изображая партию Ленина слепым орудием в руках департамента полиции, а Малиновского — главной силой, определявшей ее политику. Утверждалось, будто царская полиция оберегала большевистские организации, подвергая разгрому только меньшевистские, хотя сами бывшие руководители департамента полиции отвергли этот подброшенный им следователями домысел. Ленин и большевистский ЦК обвинялись в намеренном укрывательстве провокатора в 1914 г. Всячески обыгрывалась многочисленность провокаторов у большевиков и затушевывалось то, что агенты охранки и в других партиях оставались в подавляющем большинстве неразоблаченными[633].

Чрезвычайная следственная комиссия не обошла вопрос об «укрывательстве», иначе говоря, об отношениях Ленина с охранкой. В числе других бывших охранников был допрошен генерал А.И.Спиридович, автор трудов по истории партий эсеров и социал-демократов, предназначавшихся для специальной подготовки офицеров жандармского корпуса. Практическая деятельность генерала в органах политического сыска закончилась еще в 1905 г., задолго до начала секретного сотрудничества Малиновского. Спиридович показал, что сведения для своих трудов он черпал не из первоисточников; охранные отделения предоставляли ему только революционную литературу из своих библиотек. Списки секретных сотрудников, составлявших «совершеннейшую тайну», остались ему неизвестны, имен наиболее выдающихся сотрудников, например, Малиновского, он не знал[634].

Таким образом, когда Спиридович уже в эмиграции категорически заявлял, что Ленину было известно о службе Малиновского в департаменте полиции[635], эту уверенность нельзя приписать особой осведомленности историка-жандарма. Опираться он мог и теперь не на первоисточники, а лишь на домыслы журналистов, писавших на эту тему в 1917 г. Продолжал отстаивать эту версию в эмиграции и Бурцев, также без каких-

либо доказательств. На основе исключительно «логических построений» муссируют ее и некоторые западные историки: безнаказанность Малиновского в 1914 г. они объясняют игрой большевиков с полицией; владея компрометировавшими большевистских лидеров тайнами, Малиновский мог их шантажировать, — это якобы и обеспечивало ему вплоть до свержения царизма неприкосновенность в партии…[636]

Следователи Чрезвычайной следственной комиссии были в своих выводах осторожнее. При бесспорно тесном взаимодействии Временного правительства, Чрезвычайной следственной комиссии и враждебной большевикам либеральной и социалистической печати говорить о полном тождестве их позиций все же нельзя.

Судя по воспоминаниям следователя С.А.Коренева[637], показания Ленина произвели на присутствовавших при допросе, несмотря на все их предубеждение против большевистского лидера, впечатление правдивости. Кроме того, тема связей большевиков с охранкой представлялась второстепенной по сравнению с вопросом об их связях с германским генеральным штабом; соответствующая кампания уже разворачивалась в печати. Особенно заинтересовало комиссию показание Белецкого о предвоенном покровительстве Ленину австрийских властей («… Малиновский дал мпе сведения об отношении австрийского правительства к польским партиям и о покровительстве его русским революционерам; …Ленина… австрийское правительство того времени ни в чем не стесняло и к его ручательству за того или иного эмигранта относилось с полным доверием»[638]).

Комиссия, однако, вытаскивала и пустые номера. Она, например, явно попала впросак, обратившись к сотруднику правоменьшевистской газеты «День» бундовцу Д.И.Заславскому. В советское время Заславского приняли в ВКП(б) по личной рекомендации Сталина, и долгие годы он с готовностью клеймил всех, кого приказывали, — от «врагов народа» до «безродных космополитов»[639]. Рекомендация же понадобилась потому, что все еще помнили, как в 1917 г. будущий фельетонист «Правды» проявил особое рвение в травле большевиков — как раз в связи с вопросом о «германских деньгах». К этим обвинениям он пытался подверстать и дело Малиновского — на том основании, что в обоих случаях фигурировало имя Ганецкого[640]. Но когда журналиста вызвали в Чрезвычайную следственную комиссию, выяснилось, что сверх написанного им в газете ничего конкретного сообщить он не может[641]. Не дали ничего в этом плане и показания В.Л.Бурцева, который больше, чем кто-либо из известных журналистов писал о предательстве большевиков как

«немецких агентов», не забывая помянуть Малиновского.

Новую попытку связать оба дела предприняли после июльских событий. Члены учрежденной тогда следственной комиссии Исполкома Петроградского Совета, в том числе члены ЦИКа Ф.Дан и М.Либер, лично посетили Петропавловскую крепость, чтобы узнать у бывших руководителей полицейского ведомства, кто из большевистских вождей находился у них на службе. Последовательно были вызваны из камер Виссарионов, Курлов, Спиридович, Белецкий и Трусевич, но, как записал сопровождавший членов комиссии А.Блок, выяснилось, что «все одинаково не знают», «все они не сказали нам ничего, что было нужно»[642]. Неизвестно, спрашивали ли об этом Заварзина, также арестованного после Февральской революции, но затем сумевшего скрыться. Будучи в эмиграции, он, в отличие от Спиридовича, отрицал версию газет 1917 г. о поддержке большевиков департаментом полиции»[643].

Большевики не остались в долгу. «У нас было много провокаторов, — писал Н.И.Бухарин. — Почему? Да потому, что только у большевиков были сколько-нибудь сильные нелегальные, тайные организации, потому что именно большевики были самыми опасными противниками старого режима. Охранники не полезут к октябристу… Царское правительство знало, что делало, когда оно посылало своих слуг в лагерь революционеров, чтобы разбить их организации, чтобы выловить всех дельных людей, чтобы задушить грядущую революцию»[644]. Это было верно, но, защищая свою партию, Бухарин не счел нужным отметить, хотя бы между прочим, что как раз провокаторы имели репутацию самых что ни на есть дельных партийных работников. Более убедительно прозвучала ссылка на анкетные обследования среди ссыльных, опровергавшие заявления антибольшевистской прессы, будто охранка щадила большевиков[645].

Ленин также включился в полемическую самозащиту: случаи нераспознания и ошибочного оправдания в прошлом провокаторов, заявил он, характерны для всех партий, и это нельзя ставить никому из них в упрек. И видя, как обычно, в нападении лучший способ обороны, он потребовал отдать под суд настоящих, как он заявил, укрывателей Малиновского — Джунковского и Родзянко, так как ни тот, ни другой не оповестили в 1914 г. депутатов Думы и в первую очередь (1) большевиков о том, что Малиновский — провокатор[646]. Родзянко, который прочитал ленинскую заметку в «Правде» или слышал о ней, содержание ее изумило: «Но войдите в мое положение. Каким образом я буду оглашать и даже в печати, что

среди членов Думы есть агент сыскной полиции? Это ужасно. И во имя чего? Во имя спасения партии? Так она сама могла о себе позаботиться. А наложить такое позорное пятно на Думу, что членом Думы был сыщик, — я никак не мог этого сделать»[647]. Естественно, что лидер большевиков и председатель Государственной думы говорили на разных языках. Если Дума и занимала какое-то место на большевистской шкале ценностей, то оно было десятистепенным. Однако и Родзянко, вспоминая, как он дал Джунковскому честное слово не разглашать тайну, «забыл», что слово не сдержал…

Вначале в связи с июльским путчем наблюдалось падение большевистского влияния, способствовало этому и разоблачение Малиновского. В долгосрочном же плане кампания вокруг дела Малиновского не оправдала тех надежд, какие возлагали на нее противники большевизма. В массовом сознании провокаторство становилось все больше темой вчерашнего дня, не способной существенно потеснить более насущные проблемы. Тем, кто сулил радикальное решение этих проблем в кратчайший срок, можно было рассчитывать на достаточную поддержку, что бы не писали в газетах об их прошлом. Поэтому большевики и выдержали удар, как будто бы более тяжелый, чем в свое время у эсеров разоблачение Азефа, — установление сразу предательства многих партийных функционеров.

…Дата последнего письма Малиновского жене, отправленного из Альтен-Грабова, — 18(31) марта 1917 г. В конце апреля она уехала в деревню к родственникам в Саратовскую губернию, часть комнат в петроградской квартире она еще раньше стала сдавать жильцам. Чрезвычайная следственная комиссия поручила провести обыск и в Петрограде и в деревне. На квартире осталось, кроме вещей и книг, восемь писем Малиновского из лагеря — видимо, отъезд был поспешным. В деревне у С.А.Малиновской обнаружили майское письмо из Петрограда от студента А.Д.Перминова — одного из жильцов, присматривавшего за квартирой, он писал, что о Малиновском в газетах сообщаются «скверные сведения» и что «П-ая мечет гром и молнии… Она утверждает, что Вы были раньше осведомлены обо всем» (имелась в виду жена Г.И.Петровского Д.Ф. Петровская)[648].

Неизвестно, узнали в Альтен-Грабове о разоблачении «ученика Ильича» впервые из русских газет или из письма члена Комитета заграничных организаций РСДРП Г.Л.Шкловского. Во всяком случае письмо Шкловского не оставляло места для сомнений. 5(18) мая социал-демократическая группа лагеря, обсудив это письмо, приняла предложение «одного из товарищей»

исключить Малиновского из всех лагерных выборных учреждений, подвергнуть его бойкоту, заклеймить презрением и постараться принять все меры, чтобы при заключении мира доставить его в Россию[649]. Малиновский на этом собрании не присутствовал; но, приехав вскоре из деревни в лагерь, он заверил членов группы, что бесповоротно решил при первой возможности возвратиться на родину. Он говорил, что после разоблачения стал другим человеком, с его плеч свалилась тяжесть. Похоже, что ему поверили, а позже даже еще раз востребовали его политическую эрудицию и красноречие, предложив выступить с рядом лекций о революции в России[650].

16(30) июня он написал в Стокгольм Ганецкому, что хочет предстать перед судом ЦК партии и просит оказать ему содействие в возвращении. Ответил ему 15 августа по поручению Заграничного представительства ЦК РСДРП(б) П.Орловский (В. В. Боровский), по всей вероятности, согласовавший содержание ответа с Лениным. Дело Малиновского, говорилось в письме, уже не является делом партии, он подлежит общегосударственному суду; если он хочет, чтобы Временное правительство приняло необходимые меры для его освобождения из плена, следует обратиться в ЦИК Советов, представив ему «подробнейший доклад». Боровский выражал готовность переслать этот доклад ЦИК[651]. Воспользоваться предложением Воровского Малиновский не захотел и обратился непосредственно к министру юстиции Переверзеву[652] (не зная, что тот уже не министр). Ответа он не дождался, в дни «корниловщины» Временному правительству было не до Малиновского.

В плену он провел еще год. За это время свершилась та революция, «о необходимости которой все время говорили большевики», был подписан Брестский мир, гражданская война охватила всю страну, обильную жатву успел собрать красный террор. Малиновскому предстояло возвращаться в новую, Советскую Россию.

Вряд ли он узнал, что вскоре после Октябрьской революции его имя снова мелькнуло на страницах печати. Мартов, обличая пришедших к власти большевиков, припомнил наркому Сталину прикосновенность его в годы подполья «к разного рода удалым предприятиям экспроприаторского рода», за что его тогда исключили из партии. Когда же Сталин изобразил оскорбленную невинность и назвал Мартова клеветником, Мартов напомнил, как его когда-то уже обвиняли в клевете на Малиновского, однако в итоге он оказался прав[653]. Одним из защитников Сталина в этом споре был Крыленко. И он, конечно, еще не знал, что в скором времени ему придется выступить в качестве

государственного обвинителя на суде по делу Малиновского.

О жизни Малиновского в эти последние месяцы плена известно мало. Краткая запись в протоколах Альтен-Грабовской социал-демократической группы указывает, что вопрос о Малиновском снова обсуждался 2 июня 1918 **г.** Что явилось на этот раз предметом обсуждения, можно только догадываться. С.В.Тютюкин и В.В.Шелохаев предполагают, что речь шла о «плане доставки

Малиновского в Россию». Такое нельзя исключить. По свидетельству же самого Малиновского, как раз в июне 1918 г., когда он опять на несколько дней приехал в лагерь из деревни, ему предложили выступить с лекциями о ходе революции в России — кто другой мог это сделать лучше накануне долгожданной встречи пленных с родиной! Фигура двойника продолжала раздваиваться в глазах тех, кто знал его последние четыре года…

20 октября 1918 г. с очередной партией освобожденных военнопленных, насчитывавшей 850 человек, Малиновский вернулся в Петроград. Последний шанс избежать ареста представился ему в Вильне, здесь снова спрашивали, нет ли в эшелоне поляков, желающих остаться за границей. Судя по тому, что мы знаем о решениях Альтен-Грабовской группы, Малиновскому не позволили бы остаться, если бы он и захотел. Но нужно иметь в виду: в тот момент он еще не знал, что бывших провокаторов приговаривают в Советской России только к расстрелу, и что 30 июня были расстреляны известнейшие провокаторы, разоблаченные после Февраля 1917 г., Леонов, Лобов, Поляков, Поскребухин, Регекампф, Романов и Соколов.

Красный Петроград готовился отметить первую годовщину Октября. Она совпала с окончанием первой мировой войны, с революционными событиями в Германии и Австро-Венгрии. Казалось, пожар мировой революции вот-вот поможет разомкнуть кольцо фронтов вокруг Советской России. Неудивительно, что в Смольном, куда явился Малиновский 22 октября, не сразу вспомнили, кто он такой. Бумага, которой потрясал бородатый солдат в потрепанной шинели, требуя своего ареста (письмо Заграничного представительства ЦК), не производила сначала никакого впечатления. В конце концов нашелся человек, что-то знавший о Малиновском, — секретарь Петроградского комитета РКП(б) С.М.Гессен. Он приказал отвезти Малиновского на Гороховую, в ЧК, откуда его переправили в Москву. Там ему объявили, что он предается суду Верховного революционного трибунала при ВЦИК[654].

Следствие продолжалось недолго. 27–28 октября

Малиновский написал пространные показания, 29 и 30 октября его кратко допросил следователь трибунала В.Э.Кингисепп. Обвинительное заключение основывалось почти целиком на материалах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Руководила его составлением, вероятно, Елена Розмирович, в это время член следственной комиссии трибунала, получившая, наконец, возможность отомстить за поронинское унижение. Был заготовлен большой спн-сок свидетелей; предполагалось снова допросить бывших царских сановников и охранников, но местонахождение большинства из них не удалось установить — кроме С. Е. Виссарионова, остававшегося в заключении с момента ареста после Февральской революции, и В.Ф.Джунковского, арестованного уже при Советской власти, 15 сентября 1918 г., и доставленного под конвоем из тюрьмы Смоленской губчека[655]. Белецкого, чье имя значилось в том же списке, расстреляли еще до возвращения Малиновского, в начале сентября, сразу после покушения на Ленина. Третьим свидетелем, давшим показания на суде, был В.Ф. Плетнев.

Заседание трибунала открылось в Кремле, в зале здания Судебных установлений 5 ноября 1918 г. Председательствовал О.Я.Карклин, в состав трибунала входили также И.П.Жуков, А.В.Галкин, К.А.Петерсон, М.П.Томский, В.Н.Черный, Г.И.Бруно — кроме бывшего левого эсера Черного, все большевики. Просьбу Малиновского отложить заседание «дня на четыре» на том основании, что ему не сообщили, когда состоится суд, и только 4 октября вечером дали копию обвинительного заключения, трибунал отклонил. Отклонена была и аналогичная просьба адвоката («правозаступника») М.А.Оцепа, назначенного также только 4-го вечером, после того, как другой адвокат отказался вести дело[656]. Предполагалось, что слушание займет два дня, но ввиду малочисленности свидетелей, оно закончилось в тот же самый день. Можно объяснить торопливость судей и желанием покончить с делом до годовщины Октября и возможной амнистии.

Несмотря на непродолжительность (а отчасти именно поэтому) суд по делу Малиновского примечателен не только как заключительная страница его биографии, но и как один из моментов формирования «революционного правосознания». Выступления Малиновского, обвинителя, защитника показали, насколько изменилась страна за время отсутствия подсудимого.

В письменных показаниях Малиновского и в его речи на суде, как и раньше, ложь переплеталась с правдой, но правды было все же больше, чем в более детальных (и более лживых) показаниях 1914 г. Несомненно, все, что он написал и говорил, было

продумано задолго до возвращения. Он напоминал о своей работе в петербургском союзе металлистов: «Я работал так, как могу только я один, самым честным образом, с полным увлечением, присущим моему характеру». Он уверял, что никогда не хотел быть провокатором, но был обречен на предательство не покидавшим его страхом разоблачения, поселившимся в нем еще в Петербурге: «При первом моем аресте откроют, что я сидел в тюрьме за кражу». Этот многолетний страх делал его беспомощным, превращал в «какого-то жалкого труса», «в какое-то ничтожество», а потом «двойная игра всосалась уже в организм, и я был собою только в бессонные ночи и годен только к страданиям и угрызениям совести, которая таилась еще где-то в глубине». Однако сознание ответственности перед рабочим классом и партией влияло на него возвышающе. В результате он по собственной инициативе ушел из Думы, якобы получив за месяц до этого согласие Белецкого и умышленно вызвав конфликт с фракцией, чтобы иметь предлог для ухода. Но, не замечая, что противоречит сам себе, Малиновский называл еще одну причину своего «добровольного» ухода: Белецкий «мне посмел сказать, что я ему вру», — «все отняли у меня… веры мне не было».

В изображении Малиновского получалось, что одновременно с карьерой провокатора он проходил школу политического воспитания и все глубже постигал социалистическое учение. В плену он уже «работал как самый честный человек», и это были «самые светлые» его годы.

Изо всех сил пытался он преуменьшить размеры своей провокаторской деятельности: он-де «служил в охранке, но это было далеко от того, чтобы быть ее слугой», и он всегда старался нанести возможно меньший вред партии — не выдал, например, никого из делегатов Пражской конференции, кроме Романова, которого подозревал в провокации, сообщал неправду о заграничных партийных совещаниях («врал спокойно», зная, что там не было других агентов охранки), не доносил на сотрудников «Правды» и т. д. Он «был не настолько подл», чтобы оскорблять Ленина; Свердлов был его «лучшим другом». Теперь — в отличие от того, что было в его письмах из плена Ленину и Зиновьеву, да и раньше, в беседах с ними, — он не говорил ничего плохого о своих товарищах по думской фракции и бичевал только себя: «… Они пошли честно в Сибирь, а я бежал из Думы…»

Руководители партии, вспоминал он, упрекали его в том, что он не сумел создать в Москве и губернии прочной партийной организации, но он «этого делать не хотел и не мог», потому что ее членов сразу же арестовали бы. Из объяснений Малиновского

выходило, что деньги его вообще не интересовали. Категорически отрицал он получение от Белецкого 200-рублевой доплаты к основному, 500-рублевому жалованию. В этом и в других случаях Белецкий и Виссарионов возводили будто бы в 1917 г. на него напраслину, чтобы оправдать себя.

Возвращение в Советскую Россию Малиновский объяснял желанием кровью смыть свой позор. Выступая на заседании суда, он восклицал: «…Я не представляю, как я могу жить среди вас теперь… Мне и вам приговор ясен, и верьте мне: я его спокойно приму, потому что другого не заслужил… Я прекрасно понимаю, что прощение неприемлемо для меня; может быть, лет через сто оно и будет возможно, но не теперь». Свое положение он оценивал как безвыходное: «Куда мне деться» мне нечем жить, как только верой в ваше правое дело, а туда мне двери закрыты, я их закрыл сам»[657].

Обвинительная речь, с которой выступил Крыленко, — один из первых его опытов такого рода — была сумбурной, крайне неряшливо построенной; перевирались даты, фамилии, сведения из показаний Малиновского и свидетелей. Но обвинителю было нетрудно уличить обвиняемого во лжи по большей части существенных фактов. Так, Малиновский явно не имел представления об объеме сохранившейся документации, например, о 30 расписках, принадлежность которых ему засвидетельствовала каллиграфическая экспертиза, — на общую сумму 8730 руб.[658]. Одна лишь точная дата отставки Белецкого разрушила всю построенную Малиновским конструкцию, с помощью которой он объяснял свой ***уход,*** из Думы.

Принцип, лежавший в основе действий трибунала, Крыленко обосновывал следующим образом: «Мы… судим не во имя моральных или других качеств, не их подвергли оценке, мы судим с точки зрения вреда революции, опасности революции, с точки зрения ограждения революционных завоеваний…»[659] Сугубо релятивистский подход большевиков к нравственности проявился, когда Крыленко стал выяснять, чего больше, вреда или пользы, принес Малиновский революционному движению, — не замечая, что сам становится на точку зрения охранника. «Что казалось вам более опасным, — спрашивал он у Виссарионова, — деятельность Малиновского как социал-демократа или его ценность как сотрудника охранного отделения?.. Что из двух невесомых фактов являлось все-таки более весомым: опасность Малиновского для правительства как дельного социал-демократа или, с другой стороны, его ценность в качестве осведомительного агента?» — на что Виссарионов в конце концов к неудовольствию Крыленко дал такой ответ: «С моей точки зрения его деятельность

как социал-демократа превалировала»[660]. Точно так же Плетнева один из членов суда спрашивал, был ли Малиновский вполне выдержанным марксистом; ответ Плетнева гласил: «…Мне кажется, что в отношении страхования рабочих он был марксистом, в отношении партийном я с ним особенно не сталкивался…» Наконец, Джунковского спросили, является ли Малиновский убежденным монархистом, чрезвычайно удивив свидетеля: «Я никогда не слыхал, чтобы он был убежденным монархистом», — ответил Джунковский[661].

Впоследствии, готовя обвинительную речь к печати, Крыленко дополнил ее отсутствующим в стенограмме рассуждением относительно мотивов возвращения Малиновского в Советскую Россию; это рассуждение, таким образом, не слышали ни судьи, ни Малиновский. Почему, спрашивал Крыленко, Малиновский вернулся, «зная свои преступления, зная оценку их, — ту единственно возможную оценку, которую они встретят в революционной России, переживающей весь ужас гражданской войны?..»

Как ни странно, линия обвинения совпала в одном пункте с линией поведения на суде Малиновского. В противоречии с тем, что сам Крыленко говорил о несущественности вопроса о моральных качествах Малиновского, корень его политического предательства он усматривал все в том же воровстве. В духе худших традиций дореволюционного суда он объявил Малиновского прирожденным преступником, хотя и оговорился, что в глазах большевиков «каждое преступление есть продукт данной социальной системы», и, стало быть, Малиновский должен был знать, что сама по себе судимость до начала революционной деятельности не грозила ему обязательным исключением из рядов революционеров, среди которых, как признавал Крыленко, было много лиц с подобным прошлым.

Отвергая все объяснения обвиняемого и в то же время опровергая свой же материалистический тезис насчет «продукта социальной системы», «Крыленко старался доказать, что Малиновский вовсе не был жертвой обстоятельств: количество совершенных им в молодости уголовных преступлений — свидетельство извращенпости натуры, «у которой поколеблены все понятия и уже не работают сдерживающие центры». «Человек без чести и без принципов, извращенный и аморальный с первых своих шагов, решившийся стать предателем, как он сам говорит, «без ***угрызения*** совести», человек, поставивший своей задачей чистый авантюризм и цели личного честолюбия и для этого согласившийся на страшную двойную игру, — человек крупный, в этом нет сомнения, но потому вдвойне, в сотни раз более

опасный, чем кто-либо другой,, слуга и холоп департамента полиции, а не мучающийся своим предательством человек… — вот черты Малиновского, которые обнаруживаются из этих фактов…».

Поверить в раскаяние такого человека, утверждал Крыленко, невозможно. На поставленный вначале вопрос он отвечал следующим образом: остаться за границей означало бы для Малиновского «жить в бесславии, влачить дни под гнетом всеобщего презрения и ненависти» (?). Следовательно, логика авантюриста должна была подсказать ему противоположный, хотя и рискованный шаг: «А вдруг помилуют? А вдруг — выйдет? А вдруг — удастся последний куншtюк?» — ведь «революционеры не злопамятны». Возвращение в Советскую Россию было его «последней картой»[662].

Публикуя в 1923 г. свои обвинительные речи, существенно отредактировав (а вернее — написав заново) речь по делу Малиновского, Крыленко сделал оговорку: он не претендует на то, что его ответ на вопрос о мотивах возвращения Малиновского был совершенно правилен, но «в условиях, как они были установлены на процессе, другой разгадки едва ли можно дать»[663].

Объяснение Крыленко не осталось единственным. Правда, воспоминания Зиновьева, в которых была выражена иная точка зрения, почти 50 лет пролежали под спудом. Можно считать и плюсом и минусом то, что в прошлом Зиновьев больше, чем Крыленко общался с Малиновским и симпатизировал ему. Но высказанное им мнение заслуживает во всяком случае внимания. Как было уже сказано выше, Зиновьев был убежден в том, что революционно-интернационалистскую агитацию в плену Малиновский вел совершенно бескорыстно (в обвинительном заключении утверждалось нечто противоположное и малопонятное: он там «продолжал свою якобы революционную деятельность для того, чтобы снова подорвать и дискредитировать революцию и ее вождей в глазах трудовых масс»). Во-вторых, вернувшись в Советскую Россию в разгар красного террора, Малиновский сознательно отказался от возможности «спрятаться в Германии или еще где-либо (если бы он хотел пойти с белыми против нас)», и это, несмотря на то, что «его бы покупали наши враги за большие деньги». Следовательно, заключал Зиновьев, «этот Иуда был раздвоен и надломлен с самого начала. В том, что он говорил о своей личной биографии, была частичка правды, — что не меняет, конечно, существа дела ни капельки»[664].

Этот вывод соответствует фактам, приведенным выше. Могло

ли быть иначе? Мы знаем, что по крайней мере в поведении еще одного известного провокатора из рабочих — меньшевика В.М.Абросимова — надлом выражался очень похоже. Квалифицированный питерский металлист, хороший организатор и оратор, Абросимов производил в разное время неодинаковое впечатление. Он тоже отличался неуравновешенностью и нервностью, был неуживчив и резок, жил как бы толчками, порывами. Товарищи-рабочие его недолюбливали, а меньшевики-интеллигенты склонны были и после его разоблачения думать, что он до известной степени разделял убеждения, которые так горячо, «с огнем в глазах» отстаивал, и, видимо, временами он забывал о своих обязанностях наемного слуги царского правительства…[665]

Анализ Зиновьева — более всесторонний, чем откровенно прямолинейная версия Крыленко — все же проигрывал ей в том, что затушевывал главную особенность личности Малиновского и важнейший внутренний стимул его поведения — «вождизм», желание непременно быть «начальством». Эта черта совмещалась с беспринципностью и раздвоенностью, но именно она определяла для него иерархию предпочтений, побуждая отказаться от возможности «спрятаться» или же быть где-то на вторых ролях, заставляя идти на риск, даже смертельный. Значение этого фактора признал на суде сам Малиновский, когда говорил о своем возвращении: «…Знал уже, что, если вернусь, то в партии работать не могу, потому что не смогу быть рядовым работником; в силу присущих мне качеств, я бы опять выдвинулся на высоту»[666].

Крыленко был прав, кроме того, когда предполагал, что Малиновский питал надежду на незлопамятность большевиков. Даже узнав, что всех провокаторов ждет в Советской России расстрел, он вполне мог допустить, что станет исключением, так как помнил сказанное в свое время о его праве искупить вину честным служением революции и, разумеется, помнил оценку его деятельности в период войны (недаром он прихватил с собой конспекты лекций и полученные в плену письма «от лиц и организаций»). Может показаться парадоксальным такое предположение: Малиновский вернулся именно потому, что власть захватили большевики, в возможность чего он раньше не слишком верил. Но это отвечало не только авантюристическому складу его характера, но и обуревавшей его жажде власти.

На суде была предпринята попытка вынести обсуждение за рамки индивидуальной судьбы обвиняемого. Защитник Оцеп назвал Малиновского «человеком со злосчастной судьбой», но одним из «целого ряда людей, которые парализовали

революционное движение в России». Разобраться в «этом особом народном явлении», выяснить, чем оно было обусловлено, — задача объективного историка и психолога, говорил Оцеп; только им дано ответить, одни ли корысть и тщеславие двигали Малиновским, разгадать его психологическую загадку[667].

Фактически Оцеп повторил основную мысль исповедального письма другого провокатора — Ю.О.Серовой М.Горькому (май 1917 г.). Оно было опубликовано им в одной из статей цикла «Несвоевременные мысли» без упоминания фамилии автора письма: «Ведь нас — много! — все лучшие партийные работники. Это не единоличное уродливое явление, а, очевидно, какая-то более глубокая общая причина загнала нас в этот тупик». Возможно, у адвоката здесь не было прямого заимствования, ибо Серова и Малиновский независимо друг от друга защищались единообразно. И Серова утверждала, что верила «всей душой в партию, в социализм, во все святое и чистое», и так же, как он, призывала вникнуть, преодолевая отвращение, в психологию провокаторов, которые могли «честно» служить в охранке и, презирая себя, все же находили возможным жить»[668]. Нечто сходное было со старым партийным работником и секретным сотрудником охранки костромским рабочим П.И.Одинцовым. В качестве выборщика он голосовал за Н.Р.Шагова, а затем, когда тот стал депутатом, «освещал» его внедумскую деятельность в Костромской губернии. На суде после Октябрьской революции он заявил, что перед смертью Шагова в 1918 г. покаялся ему и получил прощение.

Основываясь прежде всего на письме Серовой, но также на признаниях и других разоблаченных провокаторов, в том числе рабочих, Горький допускал, что они были искренни в каждый данный момент — и когда работали на революцию, и когда предавали, и когда каялись. В 1924 г. в рассказе «Карамора» он изобразил эту особенность их психологии через внутренний монолог провокатора. Рисуя «ирреальное, полуфантастическое, дьявольски русское», столь многообразно проявившееся в революционную эпоху, Горьки# явно уходил от классово-рационалистического подхода, обращаясь теперь к Достоевскому, которого раньше отвергал вместе с Лениным. А.К. Воронений — его эта тема тоже занимала, как и многих других литераторов-большевиков, — рассказ не одобрил: «…Нельзя так двойственно писать о провокаторах, нельзя, особенно у нас в России». Напротив, Н.И. Бухарин отметил глубину рассказа, мастерство, с каким он написан[669], но вряд ли практика большевиков позволила и ему принять главный вывод Горького — о неразрывной связи такого рода искренности провокаторов с

«моральной сумятицей», с отсутствием «в нашем обществе» «чувства органической брезгливости ко всему грязному и дурному», что было свойственно, как хорошо знал Горький, и революционерам, включая большевиков.

Об этом говорил и герой рассказа — рабочий-социал-демократ, ставший провокатором, вспоминавший, как в ходе фракционной борьбы практиковались «жульнические подвохи и даже подленькие приемы азартных игроков», «бесстыднейший иезуитизм», оправдываемые тем, что «в борьбе все средства хороши»[670]. Легко узнаваемы здесь интонации самого Горького — автора не только «Несвоевременных мыслей» 1917–1918 гг., но и писем к Ленину тех времен, когда он пытался воздействовать на вождя большевиков, чтобы прекратить «склоку». Но так и в самом деле рассуждали провокаторы — наедине с собой, а иногда и в откровенных разговорах. Вероятно, и Малиновский имел это в виду, но обличать судивших его большевиков не решился.

В речи защитника заслуживает внимания еще один момент. Оцеп просил судей проявить гуманность к его подзащитному и потому, что смерть понятна на фронте — там орудия «творят дело социализма», но в тылу, «в тиши спокойствия, при такой обстановке так не вяжутся, не мирятся со смертью те лозунги, которые провозглашает социализм…»[671], Членам Ревтрибунала такое представление о социализме, вероятно, показалось старомодным, да и спокойствия в тылу Республики Советов они не ощущали. Приговор, несомненно, был предрешен — независимо от аргументации обвинителя и защитника.

Некоторые современники и историки сообщали, что на заседании суда присутствовал Ленин[672], и после вынесения приговора Малиновский написал Ленину письмо с просьбой сохранить ему жизнь[673]. Несомненно лишь то, что приговор был приведен в исполнение в ту же ночь. Зиновьев не запомнил никаких заседаний и обсуждений в ЦК РКП(б) по поводу суда над Малиновским, и никто не рассказывал ему каких-либо подробностей о суде — «время было напряженное — не до того было»[674]. Ситуация была действительно такова, и потому, в частности, малоправдоподобно утверждение Бертрама Вулфа со ссылкой на Бурцева (который якобы слышал это в тюремной камере от Белецкого): рабочие организации Москвы послали своих представителей присутствовать на суде, «чтобы Ленин снова не реабилитировал Малиновского»[675]. Об этом Ленин, конечно, не помышлял, но интерес рабочих к процессу также не был настолько велик, как кажется историку.

Бурцев действительно находился в заключении вместе с Белецким: в ночь на 26 октября 1917 г. его арестовали

пришедшие к власти большевики, закрыв одновременно его газету «Наше общее дело». Доктор И.И.Манухип, приглашенный еще председателем Чрезвычайной следственной комиссии Муравьевым врачевать узников Петропавловской крепости, вспоминал: «Бурцев упросил меня выхлопотать ему камеру рядом с камерой Белецкого и теперь с увлечением перестукивается с ним, дабы выведать все ему интересное»; когда же заключенных перевели в другую тюрьму — «Кресты», Бурцева и Белецкого поместили на смежных койках в тюремной больнице[676]. Возможно, Бурцеву удалось что-то еще выведать и о Малиновском. Но все это было значительно раньше возвращения Малиновского в Россию, о суде над ним они беседовать никак не могли, а к моменту суда Белецкий был уже расстрелян. Не присутствовал на суде и еще «целый ряд свидетелей», перечисленных Б. Вулфом.

«Известия» напечатали довольно подробный отчет о следствии и суде над бывшим провокатором[677], но в канун Октябрьской годовщины событие это не привлекло к себе сколько-нибудь широкого внимания. Новая власть мобилизовала старые и новые средства, чтобы утвердить свою незыблемость, все еще для многих проблематичную. Как когда-то к приездам царя, праздничный облик столицы должен был отвлечь народ от повседневных тягот. По словам случайно застрявшего в Советской России французского журналиста и художника Э.Авенара, «Москва была предоставлена кистям и пульверизаторам футуристов, чья смелость как в области цвета, так и рисунка вызывала растерянность профанов и священное восхищение знатоков и красногвардейцев. Повсюду вдоль стен висели оригинальные по форме плакаты, а в центре Москвы спокойные пустые площади, покрытые снегом, превратились в пестрые декорации, весь вид которых яркими или приглушенными тонами и живыми контрастами провозглашал официальную бесспорную победу»[678].

Другой очевидец, историк Ю. В. Готье (кстати, знакомый Э.Авенара), записал в своем дневнике в день суда над Малиновским, что эмблемы и украшения на улицах Москвы были «с кровожадными лозунгами»; соединение передовых политических и социальных идей с кубизмом и футуризмом Готье расценил как высшую степень уродства. Отметил он и такой факт: по случаю праздника новые «владыки» выдали «несколько усиленные порции сладостей, мяса, масла». Но Малиновского и суд над ним он даже не упомянул. И петроградского архивиста Г.А.Князева, который, как и Готье, тщательно фиксировал в дневнике приметы революционного времени, но больше, чем

Готье, уделял внимания содержанию большевистских газет, занимала в эти дни все та же тема хлеба и невиданных еще зрелищ, подобных московским, но никак не судьба Романа Малиновского[679].

Под бременем новых забот и ошеломляющей пропаганды все более ускользала связь между днем нынешним и минувшим. Малиновский, провокаторы, охранка — все это, казалось, всецело принадлежало прошлому.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тайная полиция существует для охраны государства от внешних врагов, которые, как правило, живут внутри страны и даже составляют основное ее население.

Ф. Кривин

«Исторические параллели всегда рискованны», — поучительно произнес однажды И. В.Сталин[680]. Историческая параллель, возникшая летом 1953 г. у Г.И.Петровского, была рискованной в тот момент в буквальном смысле этого слова: узнав об аресте Лаврентия Берии, бывший депутат Государственной думы, а ныне милостью Сталина завхоз Музея Революции вспомнил Малиновского. В письме одному из своих старых товарищей С.Н.Власенко он заметил, что, «пожалуй, тут есть основание для параллели». В ответном письме Власенко продолжил эту мысль: «Малиновского создавало царское правительство; боюсь, что и Берия существовал не без сильной поддержки — сознательно или не сознательно, но мне кажется, что это так»[681].

Петровский, конечно, знал, что «сознательно» и что явление, персонифицированное в Малиновском, принадлежит не только дореволюционным временам. Страх, однако, был еще велик, и прямо назвать имя покровителя Берии старые большевики не решились. Но Петровский предпочел не вспоминать и другое, а именно: кто, кроме царского правительства, «создавал» Малиновского, чьим он был «любимчиком», как точно выразился в свое время сам же Петровский.

В этом замалчивании существенной стороны памятного ему сюжета истории большевизма Петровский следовал примеру Ленина. В январе 1918 г., в дни III Всероссийского съезда Советов, проходившего в Таврическом дворце, где когда-то заседала Государственная дума, А.К.Воронений напомнил Ленину, как на Пражской конференции большевики избрали провокатора в ЦК партии. «Я ждал, — пишет Воронений, — что он с готовностью скажет: — да, да, вы были правы, я тогда опростоволосился. Выслушав меня, Ленин отвел взгляд куда-то в сторону, мельком скользнул по густым группам делегатов, перевел его затем вверх, куда-то сначала на стенку, потом на потолок, прищурился и, как бы не понимая, куда я направляю разговор, действительно с

сокрушением промолвил:

— Да, что поделаешь: помимо Малиновского, у нас был тогда еще провокатор.

Он посмотрел на меня с добродушным соболезнованием»[682].

Второй послеоктябрьский случай, когда Лепин сам упомянул Малиновского, описан в известном очерке М.Горького «В.И.Ленин». Горький как-то заговорил об Г.А.Алексинском — бывшем большевике, а затем яростном противнике Ленина, в 1917 г. публично обвинившем его в получении денег от немцев. В ответ Ленин заметил: «Можете представить: с первой встречи с ним у меня явилось к нему чисто физическое отвращение… И, удивленно пожав плечами, сказал:

— А вот негодяя Малиновского не мог раскусить. Очень это темное дело, Малиновский…»[683].

Но и тема обманутого доверия не получила какого-либо развития в ленинских сочинениях. Дело Малиновского явилось предметом его анализа только в 1920 г. и в другой плоскости — с точки зрения применимости опыта большевизма в странах Запада. Речь шла о тактике и кадровой политике коммунистических партий, копировавших большевиков в надежде на близкую мировую революцию.

В книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», где в сжатом виде излагался эпизод с Малиновским, Ленин сравнивал условия устойчивого легального положения рабочих партий, обеспечивающие «нормальное, простое отношение между вождями, партиями и классами», с условиями полу подпольной деятельности, подобными тем, что были в царской России. Такие условия, заставляя с особой тщательностью скрывать «главный штаб» партии, ее ЦК, порождали и «глубоко опасные явления», худшим из которых оказалось проникновение в этот штаб Малиновского[684].

Отсюда следовало, что ошибки не могло не быть по причине неосуществимости для нелегальной партии того требования, которое Ленин же провозгласил еще в 1903 г.: вся партия должна видеть как на ладони каждого кандидата на руководящий пост со всеми его индивидуальными особенностями[685]. Фактически согласившись с меньшевиками, Ленин отказался от прежней уверенности в том, что можно парализовать провокацию при хорошо налаженной конспиративной технике, дисциплине и организованности. На сей раз из опыта большевиков извлекался более осторожный вывод: зло, причиняемое провокаторами, можно лишь уменьшить путем правильной постановки соотношения легальной и нелегальной работы («чтобы снискать доверие у нас, Малиновский, как член Цека партии и депутат

Думы, должен был помогать ставить нам легальные ежедневные газеты…помогать воспитанию десятков и десятков тысяч новых большевиков через легальную прессу»)[686].

Итак, то, что Ленин излагал в 1917 г. следователю Чрезвычайной следственной комиссии, теперь предлагалось взять как образец партиям Коминтерна. В 1921 г., накануне III конгресса Коминтерна он повторил этот вывод в третий раз, рекомендуя О.В.Куусинену — автору проекта тезисов по организационному вопросу дополнить проект параграфом о борьбе с шпионами и провокаторами, в частности, путем сочетания легальной работы с нелегальной и проверки пригодности того или иного лица к нелегальной работе посредством продолжительной легальной[687]. В тексте, принятом конгрессом, утверждалось, что такая проверка позволит испытать, «кто достаточно надежен, смел, добросовестен, энергичен, ловок, чтобы ему могла быть доверена соответствующая его способностям нелегальная работа»[688].

Инструкция Ленина — Куусинена для коминтериовских кадровиков оказалась, однако, в противоречии со своей исходной фактической основой: ведь Малиновский — и не только он — прошел искус довольно продолжительной легальной подготовки и обладал чуть ли не всеми перечисленными достоинствами. Сомнительно, чтобы этот рецепт помог компартиям Запада.

В «Детской болезни» Ленин вообще не касался уроков дела Малиновского применительно к той единственной компартии, которая превратилась в правящую и, следовательно, по Ленину, обрела, наконец, идеальное отношение между вождями и классами. «Глубоко опасных явлений» в жизни РКП(б) он пока не видел. Между тем дело Малиновского сфокусировало в себе не только внутреннюю противоречивость революционного движения и неизбежную разнородность его участников, но и неоднозначность его последствий. Все это осталось за пределами ленинского анализа.

Российское провокаторство начала века имело сложную природу. Еще в 1906 г. под впечатлением публикаций журнала «Былое» Е.В.Тарле писал: «Дегаевщина и все, что Дегаева касается, убедили меня, что история иногда бывает Федором Михайловичем Достоевским и показывает такие мрачные пучины человеческой души, какие только Достоевский умел показывать». Если же говорить о таких фигурах, как Малиновский, Абросимов, Серова, то психологически провокаторство было родственной той раздвоенности чувств, какую З.Фрейд считал наследием душевной жизни человека первобытных времен с приматом в ней бессознательного. «Кто попеременно то грешит, то, раскаиваясь,

ставит себе высокие нравственные цели…, напоминает варваров… Эта сделка с совестью — характерная русская черта», — писал оп, ссылаясь на Ивана Грозного и героев Достоевского. Современный исследователь полагает, что в своем обобщении Фрейд отдавал дань стереотипу восприятия России, который сложился на Западе. Вместе с тем он находит убедительные параллели наблюдениям Фрейда в творчестве писателей и философов «Серебряного века», в сходной трактовке ими противоречий «русской души»[689]. С этой точки зрения провокаторство было лишь частным случаем психологического феномена, имевшего не только политическое измерение.

Это был и социальный феномен. Малиновский и ему подобные, оставаясь связанными с той средой, в которой выросли и действовали, не могли быть просто «оборотнями». В их поведении обнаруживались маргинальные черты психики: постоянное чувство тревоги, ощущение непрочности своего положения, агрессивность и неуживчивость, обостренное честолюбие.

Интеллигенция предлагала разные объяснения распространенности провокаторства — от признания нравственной деградации революционного движения, порожденной уродствами политической культуры подполья, до констатации изначальной порочности менталитета революционеров, стирающего грань между революционным максимализмом и авантюристическим двурушничеством. В конечном же счете сближение того и другого было обусловлено кризисным состоянием общества, внутриполитической обстановкой после 1905 года. Маргинализация низов и разложение правящей верхушки сопровождались раздроблением морально-правового пространства. Праву все чаще противопоставлялись индивидуальные и групповые представления о жизни «не по законам, а по совести». Правовой нигилизм оправдывался тем самым этически: если черносотенцы прославляли «народный самосуд» над «крамольниками» ради высшей цели — спасения самодержавия, то левые радикалы — «революционное творчество масс», всевозможные виды «захватного права». Крайности сходились в однотипном «баррикадном сознании».

В революционные эпохи далеко не случайно приобретает особую остроту проблема соотношения политики и нравственности.

Режим, против которого ведется борьба, и его функционеры объявляются с большим или меньшим основанием глубоко безнравственными. Революция понимается (или изображается)

как способ радикального нравственного очищения. Тон морального суда над царизмом господствовал в общественном мнении накануне и после Февральской революции, когда Государственная дума и пресса усиленно эксплуатировали такие темы, как роль Распутина и других «темных сил» при дворе Николая И, национальная измена (сначала представителей старой власти, а уж затем большевиков).

В этих кампаниях было немало конъюнктурной «пены», но присутствовала и высокая нота нравственной требовательности, характерной для той части образованного общества, где еще сохранял свое значение моральный климат, созданный историей интеллигенции в России. Александр Блок так описывал бывших руководителей политического розыска во время их допросов в Чрезвычайной следственной комиссии: «Культуры никакой в Белецком нет. Откуда же ему быть не таким «деловым»; «Когда речь заходит о морали, о преступлении, лицо Белецкого делается равнодушным»; «Муравьев взывает к впечатлительности, к чувствам Виссарионова, а тот не может ничего сказать, молчит. Понятно: ничего же они не чувствовали, друг другу не верили, завидовали, подводили»[690].

В тот, согласно позднейшему определению Муравьева, «краткий период романтически-бережного отношения к правам личности» Блок и члены комиссии занимали, таким образом, примерно одни и те же позиции: поэт отождествлял нравственность и культуру чувств, а юристы, входившие в комиссию, руководствовались в расследовании деятельности охранки пониманием права как частичного воплощения нравственности (такой взгляд обосновал в начале века известный правовед Л.И.Петражицкий). Но масса участников революции не могла подняться до такого понимания. Надежда помочь нравственному оздоровлению народа путем публикации «собственных слов» царских сановников, «ничего не украшая», оказалась очередной просветительной иллюзией интеллигенции.

Революционный взрыв, нарушив шаткий баланс процессов преемственности и обновления, привел и на этот раз к резкому сдвигу в обыденном сознании и в отношении к традиционным нормам поведения. Демагогическая риторика на темы морали этому способствовала. Осуждая тех, кто уже лишился власти, участники революции не склонны были столь же сурово спрашивать с себя.

Провокаторство как крайнее воплощение аморализма ассоциировалось вначале только с самодержавием. Покончившая с ним в считанные дни революция породила у интеллигенции убеждение в бесплодности усилий «корыстных предателей

молодой и революционной России», «больших и малых торговцев честью и совестью»[691]. На первый взгляд, дело обстояло именно так: вопреки целям и намерениям руководителей департамента полиции, практика «секретного сотрудничества» не столько укрепляла, сколько дискредитировала и расшатывала царский режим. Исключительно с этим режимом связывал, как и другие большевики, предательство Малиновского Крыленко, когда говорил в 1918 г. о его «аморальности».

Сам же Малиновский, уже разоблаченный, изображал себя (и нельзя сказать, что совершенно безосновательно) более близким к политической культуре «рабочей интеллигенции». Представители этого слоя, рабочие-социалисты, были убеждены, что, углубляя революцию, они бесповоротно порывают со «старым миром» с его «эгоизмом и пошлостью», что этот радикальный разрыв необходим для достижения «новой, гармонически-красивой, свободнорадостной жизни всеобщего счастья». Безупречный герой — пролетарий Павел Власов из повести М.Горького представлялся им «образцом совершенства», к которому следует стремиться рабочим, усвоив «мораль и этику Павла, его правила, смысл и цель жизни». Антипод его — интеллигенция, те кто «торгуют своими знаниями и умом»: раньше, отринув «бессердечный чистоган своих отцов», интеллигенция «курила фимиам перед «Его Величеством пролетариатом Всероссийским», теперь же она «становится на задние лапы перед новым работодателем» — буржуазией.

Эти строки были написаны петербургскими рабочими-большевиками из ближайшего окружения Малиновского (А.В.Шотман, И.Г.Правдин, С.В.Малышев и другие) еще в 1908 г. [692] Их революционно-романтическое мировосприятие сложилось под влиянием русской литературы и социалистической пропаганды. Та мораль, которую они отстаивали, вытекала из мессианской веры в пролетариат, в его безусловное превосходство и над буржуазией и над интеллигенцией. По существу это означало идейно-нравственное отторжение не только от старой системы власти, но и от всего общественного строя. В 1917 г. антибуржуазную — в неопределенно широком смысле — ориентацию приобрело массовое сознание рабочих и солдат. Слово «буржуй» стало "ругательством, политическим ярлыком и, как было еще недавно только с приверженцами монархии, обозначением всего негативного в этическом плане. Как писал Н.А.Бердяев, в результате распространения такого «исключительного морализма» «проблема социальная превратилась в проблему розыска тех «подлецов» и «мерзавцев», тех «буржуев», от которых идет все зло»[693].

Первоначально классовая мораль вырастала из потребности рабочих в коллективной самозащите. Какое-то время параллельно существовали, частично совмещаясь, солидарность и мораль рабочих, анархический и «антибуржуазный» настрой широких масс и специфически большевистская партийная солидарность, требовавшая полного отказа от внепартийных норм поведения. Еще до 1917 г. в духе той же корпоративной морали преломлялись в рабочих коллективах нравственные представления и оценки, приобретая политическую окраску: «Ты стоишь за…больших и малых фараонов, ты — Пуришкевич… Ты — «и нашим и вашим», ты кадет. Ты прямой, неподкупный — ты свой человек»[694].

Современники относили к числу примечательных особенностей предвоенного периода страстное обсуждение в рабочей среде «вопросов чести и совести». Линия косвенного самооправдания, избранная Малиновским на суде в 1918 г., находит объяснение именно в тогдашнем умонастроении: он обращался в лице судей к рабочим, какими он знал их до того, как попал в плен. Он помнил их непримиримость после его «дезертирства» из Думы. Помнил он также, как профсоюзная печать осуждала эпидемию падения нравов после 1905 г. на петербургских заводах. Отсюда объяснение предательства страхом, что товарищи узнают о позорном пятне в его жизни — воровстве. Как бы мы не оценивали степень искренности Малиновского, нельзя не заметить, что его покаяние на суде — своеобразный слепок многочисленных покаянных писем штрейкбрехеров, печатавшихся накануне войны в легальных рабочих газетах. Вот одно из них: «Я, нижеподписавшийся, станковый печатник Павлов приношу свое чистосердечное раскаяние перед вами, товарищами, в том, что во время забастовки у Шварца, я по своему малосознанию нарушил рабочие интересы и был штрейкбрехером…» и т. д.[695] И точно так же Малиновский оправдывался на суде тем, что в момент поступления на службу в охранку он еще не был настоящим социалистом, но затем (в плену) стал им, и это позволяет ему надеяться на прощение хотя бы в далеком будущем…

До определенного момента в революционном сознании сохранялись гуманистические черты. М.М. Пришвин писал, что «чувство ответственности за мелкоту, за слезу ребенка, которую нельзя переступить и после начать хорошую жизнь», прививалось «в большой степени и социалистами»[696]. Но эта довольно слабая тенденция была оттеснена и подавлена, когда жесткое «классовое» противостояние переросло в гражданскую войну. В.И. Вернадский обращал тогда внимание на «явную аномалию»; в

обоих враждующих лагерях, но особенно в большевистском, на авансцену вышли «не лучшие, а худшие», среди которых «теряются идейные, честные люди»; «жизнь выдвинула на поверхность испорченный, гнилой шлак, и он тянет за собой среднюю массу». Эти категории Вернадский различал, таким образом, не с точки зрения близости к собственным политическим взглядам, не по социальному положению или уровню образованности, а всецело на основании нравственных критериев. Худшие, пояснял он, это «воры, грабители, убийцы и преступные элементы»[697].

Правомерно включить в список Вернадского и «готовых на все» авантюристов, кандидатов в диктаторы разной величины, чья революционная риторика пьянила и увлекала «среднюю массу». Гражданская война создавала благоприятную почву для их выдвижения, и продвижения вверх. Вариант, о котором говорил Зиновьев, — возможный переход Малиновского «за большие деньги» в стан белогвардейцев — был слишком маловероятен, если иметь в виду его известность и репутацию «ученика Ильича». Больше подходил он противоположному лагерю. Последняя карта Малиновского была, однако, бита в ноябре 1918 г. Но попытки деятелей подобного же склада, в том числе и бывших агентов охранки, вписаться в «революционную новь» не раз приводили к успеху. Именно в эти годы начиналось возвышение Ворошиловых, Шкирятовых, Ежовых — людей с безупречными пролетарскими биографиями, вполне заменявшими им честь и совесть.

К концу гражданской войны даже вождь большевиков вынужден был отступить — хотя бы словесно — от обнаженно классового подхода, признав, что новая власть испытывает отчаянную нужду просто в «честных»[698]. Вернадский видел выход в самоисчерпании указанной им «аномалии» с прекращением гражданской войны: «шлак» исчезнет в результате взаимного истребления, и будущее России возьмут в свои руки здоровые, созидательные элементы общества, способные «найти выход из междуусобной войны, из царства нищеты, голода, морального издевательства, диктатуры, не оставляющей человеку ни одной свободной стороны жизни»[699].

Прогноз оказался слишком оптимистичным. Аномальные явления, о которых писал Вернадский, вырастали не только из ожесточения нравственно опустошающей стихии гражданской войны, но в неменьшей мере из всеобъемлющего централизма однопартийной диктатуры. Положение монопольно правящей партии, от которого она не собиралась отказываться и после гражданской войны, не гарантировала ее ни от бюрократизации, ни от «случайностей», вызванных такой «мелочью», как личные

качества руководителей. Моральная неразборчивость распространялась на все более широкую сферу, включая и внутрипартийные отношения. Наконец, становление нового режима и его деятельность на международной арене рождали спрос на профессиональных двойников.

Тоталитарная направленность эволюции власти выразилась прежде всего в создании системы чрезвычайных комиссий. При этом действительная их роль в государстве «диктатуры пролетариата» до известной степени маскировалась тем, что важнейшей их целью было объявлено подавление попыток реставрировать монархию. Постольку и после октября 1917 г. внешне сохранялась инерция послефевральского негативного отношения к царской охранке — тем более, что революционеры-подпольщики, а ныне чекисты имели основание считать себя ее жертвами.

Всякие сравнения системы ВЧК с охранкой отвергались и потому, что родословная чрезвычайных комиссий субъективно выводилась из исторического образца — Великой французской революции. Поэтому Ф.Э.Дзержинский охотно принял как отвечающее сути своей деятельности наименование «пролетарский якобинец». Из того же источника исторических реминисценций характерная для Дзержинского гордая декларация: «Работники ЧК — это солдаты революции, и они не смогут пойти на работу розыска-шпионства; социалисты не подходят для такой работы. Боевому органу, подобному ЧК, нельзя передавать работу полиции»[700]. Если учесть, что председатель ВЧК произнес эту речь перед хорошо осведомленной аудиторией московских большевиков, нельзя объяснить иначе как самовнушением странное противопоставление низменного «шпионства» высоким целям ВЧК: сохраняя за собой «право расстрела», которое, как заявил Дзержинский, «для ЧК чрезвычайно важно», чекисты на деле вовсе не отказывались от «полицейской» работы.

Удивительно, но верность заветам «первого чекиста» в отрицании каких бы то ни было черт сходства между большевистскими «органами» и охранкой сохранялась на протяжении десятилетий. Н.И.Бухарин даже в предсмертном письме вспоминал о «замечательных традициях ЧК», противоположных якобы сталинскому НКВД и царской охранке[701]. Точно так же Г. И. Петровский заявлял, что при Дзержинском «не было ни провокации, ни шантажа»[702].

Когда уже в достсталинский период в системе КГБ было создано пресловутое 5-е управление по борьбе с «идеологической диверсией», и Г.А.Арбатов предположил в беседе с

Ю.В.Андроповым, что сотрудники комитета, призванные «работать» с интеллигенцией, будут действовать, подобно царским жандармам, такое сравнение покоробило председателя КГБ, он возразил: задуманное им — значительный шаг вперед от того, что практиковалось до его прихода в КГБ, это вовсе не жандармская деятельность[703]. Наконец, уже в «перестроечный» период один из высших руководителей КГБ В.Грушко находил странным употребление в печати слова «осведомитель», «почерпнутого из лексикона царской охранки и ежово-бериевского НКВД, с которыми мы не имеем ничего общего»[704].

Между тем заимствование худшего в опыте старого государственного аппарата началось в первые же месяцы советской власти. Бывший член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства В.А.Жданов, которому было поручено ознакомиться с деятельностью ВЧК (составленная им записка датирована 11 июля 1918 г.), сообщал, что ВЧК унаследовала от охранки полную безгласность, тайну производства дел, недопущение защиты в процессе дознания и следствия, отсутствие права обжалования принятых решений. ВЧК, писал Жданов, применяет «самую откровенную и разнузданную провокацию через своих агентов», «все дела… вызваны провокаторской деятельностью сотрудников комиссии. **В** некоторых делах… эта деятельность доказана документально..» Больше того, продолжал Жданов, по сравнению с царской политической полицией чрезвычайные комиссии обладают гораздо большими полномочиями — вплоть до вынесения приговоров, в том числе смертной казни; над ними нет контролирующих органов; провокацию они допускают принципиально; состав ЧК гораздо невежественнее, особенно отдел но борьбе с контрреволюцией, и нередко «невежественные следователи идут на поводу у агентов-нровокато-ров, людей очень опытных и глубоко нечестных».

Жданов не ошибался. В протоколе заседания коммунистической фракции конференции чрезвычайных комиссий, состоявшегося 12 июня 1918 г., то есть до составления записки Жданова, было записано первым пунктом: «Секретными сотрудниками пользоваться»[705]. Очевидно, что это не директива на будущее, а требование не отказываться от их использования, несмотря на все возражения. Основываясь на своих наблюдениях, Жданов предсказывал, что в чрезвычайной комиссии «совьют гнездо себе люди, которые под покровительством тайны и безумной, бесконтрольной власти будут обделывать свои личные или партийные дела».

Все это, писал Жданов, дискредитирует советскую власть; он

предлагал лишить ЧК права самостоятельно решать дела, обязав передавать их в определенный срок в соответствующий трибунал для гласного разбирательства, а также допустить защиту к участию в дознаниях[706].

Вопрос о составе чекистских кадров был предметом особого внимания новых властей. На открытые в 1918 г. инструкторские курсы ВЧК принимались члены РКП(б) «с образованием не ниже сельских школ»[707]. Вместе с тем записка Жданова подтверждает предположения относительно судьбы личного состава охранки. Сразу после Февральской революции Временное правительство упразднило департамент полиции, охранные отделения и отдельный корпус жандармов. К июлю 1917 г. среди служащих вновь образованного Главного управления по делам милиции 35,5 % составляли чиновники бывшего департамента полиции[708]. В кадетских кругах считалось несомненным, что Временное правительство допустило роковую ошибку, поддавшись общественному мнению и революционной демагогии: оно подорвало свои позиции, так как лишилось налаженного полицейского аппарата, а уволенные с полицейской службы влились «в ряды наиболее разбойных банд большевиков»[709].

Очевидно, это не относилось к руководителям царского полицейского ведомства, к самым видным провокаторам, к жандармским офицерам (П.П.Заварзин утверждал, что к концу гражданской войны их уцелело меньше 10 %, а начальник секретного отдела ОГПУ Т.Д.Дерибас называл в середине 20-х гг. в составе «многоликого объекта своей работы», то есть слежки, «40 тыс. царских охранников и провокаторов»[710]. С указанными оговорками факты участия тех или иных профессионалов из охранки в работе чрезвычайных комиссий не были невозможны, особенно на местах (прямую санкцию на их привлечение к работе в ВЧК ЦК РКП(б) дал в 1922 г.). Эти факты питали растущее разочарование в большевистском режиме: «… Прямо говорят, — писал Ленину большевик П.Г.Шевцов, — что нет диктатуры [пролетариата], есть «произвол обнаглевших отбросов интеллигенции с бывшими преступниками и аферистами — провокаторами и жандармами»[711].

Что касается контроля, то он стал устанавливаться лишь после официального превращения чрезвычайных комиссий в орудие красного террора. 2 ноября 1918 г. была образована соответствующая контрольно-ревизионная комиссия из представителей ВЦИК, ЦК и МК РКП(б), НКВД и Наркомюста[712]. К этому времени «злоупотребления» чрезвычайных комиссий были уже настолько очевидны, что о необходимости сузить полномочия комиссий заговорили сами большевики (например,

Н.В.Крыленко и И.В.Цивцивадзе, отмечавший, что «ЧК не раскрывают преступления, но создают их», то есть действуют провокаторскими методами)[713]. Речь шла о необходимости хотя бы частичной реализации предложений типа предложений В.А.Жданова. Время от времени к ним возвращались, причем всегда больше других возражал Дзержинский.

Руководство ВЧК воспротивилось попыткам подчинить чрезвычайные комиссии советским органам или ограничить их полномочия, заявив, что тем самым деятельность «боевых органов пролетариата» будет сведена к нулю[714]. Осуществлялось лишь некоторое упорядочение их деятельности, исходя опять-таки из опыта охранки. Запись в дневнике директора библиотеки Румянцевского музея Ю.В.Готье точно фиксирует момент этого обращения: 16 октября 1918 г. заведующий следственной частью иногороднего отдела ВЧК М.К.Романов попросил Готье помочь найти «инструкции или правила для жандармов, чтобы правила эти, видоизменив, приложить к теперешнему хаосу, особенно чувствуемому в иногородних чрезвычайных комиссиях»[715]. По-видимому, тогда же сам Дзержинский привлек для консультаций находившегося под арестом В. Ф. Джунковского.

Так оправдалось предчувствие М.Осоргина — члена послефевральской «Комиссии по обеспечению нового строя», занимавшейся разбором «страниц позора старого режима» — документов московской охранки: «…Нарождающийся строй, воздвигнув свои новые тюремные камеры и здания сыска, использует и кладбища прошлого, найдя в них много для себя ценного и поучительного»[716].

Стихийное заимствование в первые месяцы советской власти приемов охранки сменилось систематическим освоением дореволюционного опыта, происходившим на фоне размывания, а затем и полной атрофии нравственных начал или хотя бы ограничителей в политике. Затруднения, с которыми сталкивалась охранка при вербовке осведомителей, были легко устранены, так как установка на массовость доносительства была дополнена фактической обязательностью доносов — сначала для коммунистов, а в 30-е гг. и для беспартийных. При этом число платных секретных сотрудников («сексотов», «негласных помощников», «внештатных сотрудников») непрерывно росло[717]. Зависимость между образовательным и нравственным уровнем личности, создававшая до революции у более культурных слоев населения известный иммунитет от соблазнов спецслужб, исчезла с истреблением и эмиграцией значительной части интеллигенции и с изменением в СССР общественного статуса этого слоя.

Качественно новые черты по сравнению с охранкой

приобрела деятельность политической полиции и благодаря безбрежному расширению границ ее ведения, в чем современники убедились уже в 1918–1919 гг. «Революционная охранка ничем не отличается от жандармской. Прежде была в ходу «неблагонадежность». Теперь «контрреволюционность», — записал 16 марта 1919 г. В.Г.Короленко. В начале апреля он уточнил: «Контрреволюция» — это «не только поступок, не только образ действий, а и образ мыслей»[718].

Развитие органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ не было прямолинейным процессом, но колебания в смысле большей или меньшей подконтрольности высшим партийным инстанциям никогда не приводили к отказу от перлюстрации, слежки и провокации. Только провозглашение в 1989 г. горбачевским руководством КПСС идеи создания правового государства обозначило в качестве одной из практических задач радикальную реорганизацию советских спецслужб. На деле она началась лишь после августовских событий 1991 г. В 1993 г. было официально объявлено, что Министерство безопасности Российской Федерации не является механическим преемником КГБ СССР и что прежние структуры политического сыска полностью ликвидированы[719]. Реальная степень перемен уже тогда оценивалась общественностью в лучшем случае сдержанно. Весьма характерна и публичная апелляция работников обновленного ведомства к авторитету Зубатова, сменившая традицию отмежевания от наследства охранки и отразившая их стремление найти опору ведомственному интересу в рамках очередной переоценки истории, нового конъюнктурного «опрокидывания» политики в прошлое[720].

Прошлое не содержит в себе готовых рецептов решения проблем настоящего, но когда современные споры, в том числе и насчет того, возможно ли «на раннем этапе демократии» подчинить политику морали, сопровождаются призывами не абстрагироваться от особенностей русской истории[721], против этого трудно что-либо возразить. При одном условии: история должна предстать перед нами многомерной. Революционное движение в начале XX века, порожденное глубокими общественными противоречиями, не сводилось к Азефам и Малиновским, как не сводилась к их поддержке деятельность противостоящих ему правящих кругов. Эти политические фигуры также выразили по-своему свое время. Вместе с тем оказались правы те, кто видел уже тогда в провокаторстве подобие злокачественной опухоли, особенно опасной для общества, в котором не утвердился приоритет прав личности, не выработана общепризнанная политическая этика. Наследство охранки и ВЧК

— это не только законы и инструкции, оно все еще присутствует в массовом сознании. Уже поэтому тема провокации в России не может считаться исчерпанной.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абросимов В„М. — 204, 212 Авенар Э. — 207
Азеф Е,Ф. - 4, 6, 15, 17–19, 25, 85, 104, 126, 147, 168, 169, 172, 173, 196, 222
Аксельрод П.Б. — 89, 139, 156
Алданов М.А. — 4
Александр I — 10, 11
Александр II — 11
Александр III — 10
Алексей, см. Бритман А.В.
Алексинский Г.А. — 95, 124, 210
Амиантов Ю.Н. — 9
Андреева М» Ф. — 130
Андропов Ю.В. — 218
Антонов-Овсеенко А.В.
Антошкин Д.В. — 117
Арбатов Г.А. — 218
Арманд И. (Е.Ф.) — 23, 24, 65, 66, 148, 165, 168, 176
Афанасьев В. — 151

Б

Бадаев А.Е.— 5, 6, 35, 94, 95, 101, 105, 113, 114, 148, 152, 190
Байков — 113
Бакунин М.А. — 172
Балашов Ф.А. — 86, 90, 114, 122
Бахурин — 80
Бебель А. - 56, 75, 76, 94, 170
Бедный Демьян (Придворов Е.А.) — 107, 108, 155, 170
Безлепкин А.И. — 89
Бекэадян А.А. — 126
Белецкий СП. — 14, 19, 20, 26, 27, 53, 54, 78, 81. 82, 87, 88. 93. 97, 101–107, ИЗ, 115, 116, 120, 122, 131–133, 141, 143–148, 169, 182, 184, 185, 187, 190, 194, 199–201, 206, 207, 213
Белостоцкий И.С. — 77
Бенкендорф А.Х. — 141
Бенуа А.Н. — 91
Бердяев Н.А. — 91, 214

Берия Л.П. — 209
Бернацкий — 52
Бессонов В.А. — 9
Бисмарк О. — 74
Блок А А. - 14, 15. 192, 194, 213
Богданов (Малиновский) А.А. — 170–172
Бритман А.В. — 149
Бронников В.С. — 58, 60, 62
Бруно Г.И. — 199
Брюн де Сент-Ипполит В.А. — 27, 145–147
Бряндинский М.И. — 69, 70
Булгаков С.Н, — 173, 174
Булкин (Семенов) Ф.А. — 31, 33
Бурзынский — 45
Бурко М.И. — 67, 154, 171, 172
Бурцев В.Л. — 125–127, 149, 159, 160, 168, 187, 188, 190, 191, 193, 194, 206, 207
Бурьянов А Ф. — 105
Бухарин Н.И. — 58–61, 63–65, 81, 111, 117, 125, 157, 161, 162, 165–168, 170, 175, 190, 195, 205, 217
Бухарина-Лукина Н М. — 162
Быков М.П. — 60

В

Ваксберг А. И — 165
Валентинов Н. (Вольский Н.В.) — 109, 173
Ван дер Эльст — 179, 186, 187
Вандервельде Э. — 177
Васильев А.Т. — 147, 190
Васильев И.П — 19
Вернадский В.И. — 216
Виленский Л.С. (Ленский З.) — 62
Вильгельм II — 177
Виноградов А.И — 62, 63, 162
Виссарионов С.Е — 14, 19, 20, 26, 27, - 42, 46. 48, 50, 52–54, 78, 80–82, 85, 90, 97, 101–103, 106, 109, 110, 131, 132, 145, 147, 169, 185, 188, 190, 194, 199, 201, 213
Власенко С.Н. — 209
Воейков В Н. — 185
Войтинский В.С. — 171, 172
Вольский С. (Соколов А.В.) — 172
Воровский В.В. — 173, 197

Воронов А. — 124
Воронский А.К. — 71–74, 205, 209
Ворошилов К.Е. — 216
Вулф Б.Д. - 206, 207
Вырубова А.А. — 185

Г

Галкин А.В. — 199
Ганецкий (Фюрстенберг) Я.С. — 148, 150, 151, 167, 176, 194, 197
Гапон Г.А. — 30
Гарви (Бронштейн) П.А. — 38, 40
Гастев А.К. - 24, 25. 36, 130, 174
Гвоздев К.А. — 6>, 180
Гегечкори Е.П. — 135
Гейфман А. — 17, 18
Геловани В.Л. — 148, 158
Герасимов А.В. — 15, 17, 19
Герасимов В. — 104
Герке Я.А. — 67, 158, 159
Германов Л., см. Фрумкин М.И.
Гессен С.М. — 198
Гинзбург А.М. — 31
Гиппиус З Н. — 91
Глебов-Авилов Н.П. — 153
Годыцкий — 45
Голенко Г К. — 56, 117
Голощекин Ф.И. — 70, 71–73, 78
Голубков А.П. — 125
Гольденберг И.П. — 30, 33, 68, 125, 190
Горев (Гольдман) Б.И. — 57, 58, 190
Горелов И.Е. — 9, 59
Горемыкин И.Л. — 136
Горький (Пешков) А.М. — 75, 95, 105, 114, 152, 173, 178, 205, 206, 210, 214
Готье Ю.В. - 207, 208, 220
Гриневич В. (Коган М.Г.) — 33
Грошковский — 45
Грушко В. — 218
Губерман И. — 10
Гучков А.И. — 87, 182

Д

Дан Л.О. — 63, 112, ИЗ, 156
Дан (Гурвич) Ф.И. — 89. 93–95, 139, 157, 158, 194
Дакский Б.Г. (Комаровский К.А.) — 129, 154, 155, 157. 170
Дашинский И. — 151
Дегаев С.П. — 211
Дерибас Т.Д. — 219
Джунковский В.Ф. — 26, 78–80, 90, 117, 139–148, 183–185, 187, 190, 195, 199, 202, 220
Джунковский С С. — 184
Дзержинский Ф.Э. — 3, 217, 220
Диккенс Ч. — 115
Дон Левин И. — 109
Достоевский Ф.М. — 8, 173, 205, 211, 212
Драбкина Е.Я. — 103
Дриллих И Я — 21
Дубровинский И.Ф. — 40, 41, 57, 58, 68

Е

Ежов В. (Цедербаум С.О.) — 62
Ежов Н.И. - 216
Екатерина II — 91, 147
Еремин А.М, — 82, 108, 109
Ермолаев КМ. — 38, 40
Ершов С.П. — 85
Есенин С.А. — 116
Ефремов И Н. — 137

Ж

Жданов В.А. — 218–220
Железняков А.Ф. (В.Ф.) — 109
Житомирский Я.А. — 125–127, 160
Жуков И.П. - 199 Жухрай В.М. — 42

З

Заварзин П.П. — 20, 43, 55, 71, 81, 88, 131, 132, 195, 219
Заема Н.В. — 121, 129

Залуцкий П.А. — 78
Замысловский Г,Г. — 184
Заславский Д.И. — 194
Зевин Я.Д. — 77
Зеликсон Л.С. — 70
Зина, см. Лилина З.И.
Зиновьев Г.Е. (Радомысльский Е.А.) — 9, 33–35, 40, 47, 49, 50. 69–77, 98, 102, 106, 119–121, 128, 130, 148, 150, 153, 154, 160, 162–164, 166–168, 175–182, 186, 188–191, 200, 203, 204, 206, 216
Знаменский — 187
Золотарев И.М. — 82, 110, 112, 145, 190
Зубатов С.В. — 3, 15, 16, 19, 221

И

Иван Грозный — 212 Иванов А.Е. — 9
Иванов В.Г. — 41–43, 53, 55, 78, 81, 88, 128, 175, 190
Иванов Н.И. — 142
Изгоев (Ланде) А.С. — 177
Исув И.А. — 40

К

Калинин А.В. — 66
Калинин М.И. — 33, 36, 101, 113, 128, 131
Каменев А.К. — 157
Каменев (Роэенфелъд) Л.Б. — 33, 49, 71, 120, 121, 132, 139, 148, 149, 158, 159, 164
Каринский Н.С. — 191
Карклин О.Я. — 199
Квиринг Э.И. — 129
Керенский А.Ф. — 116, 136–138, 182, 189
Кибрик Б.С. (Яковлев С.) — 62
Кингисепп В.Э. — 198
Киселев А.С. — 153
Клейнбсрт Л.М. — 124
Клинкои Е. — 85
Ключевский В.О. — 10, И
Князев Г.А. — 208
Козлов А.Г. — 60, 62, 190
Козловский М.Ю. — 131, 132
Коковцов В.Н. — 93

Коллонгай А.М. — 157, 158
Колоколов Н.А. — 191
Колокоіьников П.Н. (Дмитриев К.) — 33. 62
Колюбг кин А.М. — 123, 137
Комиссаров М.С. — 19
Кони А.Ф. — 183
Коновалов А.И. — 21, 129, 135–137, 138
Конюхов — 107, 130
Коренев С.А. — 190, 191, 194
Короленко В.Г. — 221
Косенков — 86
Кошко А.Ф. — 143, 144
Коэн С. — 59
Краевский В. (Штейн А.П.) — 151, 167
Красиков П.А. — 172
Крестknский Н.Н. — 57, 93, 131
Кржижановский Г.М. — 38, 71, 84
Криви А. Ф. — 209
Кривов М.С. — 82
Кропоткин П.А. — 172
Крохмаль В.Н. — 191
Крупская Н.К. — 44, 70, 75, 94–96, 102, 105, 122, 157, 165, 168, 175, 176, 178, 186, 190
Крыленко Н.В. — 5, 7, 51, 97, 163, 165, 167, 197, 201–204, 214, 220
Кувшинская Е. — 39
Кудели П.Ф. — 128
Кузнецов Г.С. — 95
Кукушкин Ф.А. — 60
Курлов П.Г. - 20. 194
Курский Д.И — 84, 88
Куусинен О.В. — 211

Л

Лазарева М.И. — 64
Лапинский П.Л. — 111, 112, 156
Лейтейзен Г.Д. — 34
Ленин (Ульянов) В.И. — 4–6, 38, 47–50, 53, 56, 59, 61, 63, 66, 68–77, 90, 92, 95–97, 100, 102, 105–108, 111, 113–115, 117, 118, 120–128, 130–135, 140, 146–151, 153–181, 186, 188–200, 205–207, 209–211, 216, 219
Леонов В.К. — 198

Либер (Гольдман) М.И. — 69, 194
Лилина З.И. — 175
Лобов А.И. - 65, 114, 116, 162, 170, 198
Лобова В.Н. — 70, 71, 94, 112, 114, 118, 162
Логинов В.Т. — 9
Лопатин Н. — 141
Лопухин А.А. — 19, 168
Лосев В.Н. — 119
Луначарский А.В. — 124

М

Мазинг К.К. — 87
Макаров А.А. - 13, 19, 78, 81, 82, 88, 93, 190
Маклаков Н.А. — 140, 144, 146, 183
Максимовский В.Н. — 118
Малиновский В.В. — 46
Малиновская С.А. — 50, 53, 61, 83, 103, 121, 163, 196
Малиновский С.В. — 45, 46, 48
Малышев С.В. - 36, 62, 138, 178, 214
Мальцев Н.В. — 129
Малянтович В.Н. — 84, 85, 190
Мануильский Д.З. — 69
Манухин И.И. — 207
Маньков И.Н. — 123
Маракушев А.К. — 65
Марев И.П. — 117
Марков Н.Е. — 187
Мартов (Цедербаум) Ю.О. - 38 84, 155–159, 162, 175, 197
Мартынов А.П. - 20, 23, 27, 55, 81, 82, 87, 88. 104, 111, 117, 185, 190
Маяковский В.В. — 91
Медведев С.П. — 101, 128
Меньшиков М.О. — 79
Меньшиков Л.П. — 125
Мещерский В.П. — 144
Милюков П.Н. — 20, 97, 137
Милютин В.П. — 40
Миритеев И.Н. — 86, 87, 89, 90, 114, 115
Митропольский А.И. — 116
Модль В.Ф. — 103
Молотов (Скрябин) В.М. — 100
Морозов — 129

Моруа А. — 8
Мостовенко П.Н. — 130
Муравьев Н.К. — 191, 192, 207, 213
Муранов М.К. — 94–97, 123, 138, 139, 188, 190

Н

Натансон М.А. — 168
Наумов Г., см. Гинзбург А.М.
Нахимсон С.М. — 117
Невский В.И. (Кривобокое Ф.И.) — 113
Некрасов Н.В. — 137
Нечаев С.Г. — 172
Никитин А.М. — 84, 85, 89, 190
Николаевский Б.И. — 4, 15, 109, 110, ИЗ, 127
Николай I — 141
Николай II — 10, 45, 46, 78, 79, 80, 82, 140, 183, 187, 213
Николай Николаевич — 141, 142, 183
Новожилов Я.Т. — 122
Ногин В.П. - 32, 35, 39–42, 56–58, 68, 190

О

Обух В.А. — 84
Овчинкин — 86
Одинцов П.И. — 205
Ольминский (Александров) М.С. — 129
Орджоникидзе Г.К. - 72, 73, 76–78
Орлов А. (Фельдбин Л.Л.) — 109,110, 112
Орлов А.С. (И.Круглов) — 62
Орловский И.В. — 66
Осинский Н. (Оболенский В.В.) — 61, 117–119, 162, 170, 172
Осоргин М. (Ильин М.А.) — 189, 220
Оцеп М.А. — 199, 204–206

П

Павел 1 — 91 Павлов — 215
Павлович М.П. (Вельтман М.Л.) — 124
Панина С.В. — 29
Переверзев П.Н. — 192, 197

Перегудова З.И. — 9
Перминов А.Д. — 196
Петерсон К.А. — 199
Петр 1 — 10
Петражицкий Л.И. — 213
Петровская Д.Ф. — 196
Петровский Г.И. — 72, 73, 94, 95, 100, 104, 105, 107, ИЗ, 114, 120, 121, 123, 128, 129, 136, 139, 148, 149, 151, 153, 159, 190, 196, 209, 217
Пилсудский Ю. — 151
Пильщиков И.А. — 61
Пирейко А.М. - 34
Плеве В.К. — 12
Плеве П.А. — 80
Плетнев В.Ф. — 39, 58, 60, 61, 190, 199, 202
Плеханов Г.В. — 38, 105, 152, 158, 172
Полетаев Н.Г. — 56, 100
Поляков А.А. — 57, 65, 71, 84, 85, 150, 198
Попов П.К. - 147, 175, 188
Поскребухин А.А. — 65, 198
Потемкин Г.А. — 91
Правдин И.Г. - 36, 101, 113, 128, 214
Пришвин М.М. — 215
Пруст М. — 8
Пуришкевич В.М. — 107, 215
Пушкин А.С. — 135
Пятницкий (Таршис) И.А. — 70

Р

Рапопорт Х. — 69
Распутин Г.Е. - 26, 141, 144, 183–185, 213
Регекампф С.А. — 84, 198
Родзянко М.В. — 51, 93, 94, 97, 98, 136, 138, 139, 148, 158, 187, 192, 195
Рожков Н.А. — 172
Розанова М.П. — 58
Розмирович Е.Ф. — 96, 97, 119–121, 128, 129, 163–167, 175, 190, 198
Романов А.С. — 65, 71, 112, 200
Романов М.К. — 220
Романовы — 117, 142, 144
Русин Д.И. — 58

Рыков А.И. - 68, 118. 190
Рябушинский П.П. — 129
Рязанов (Гольдендах) Д.Б. — 33

С

Савельев М.А. — 163, 165
Савинов И Т. — 86–88, 115, 117, 190
Самойлов Ф.Н. - 48, 94, 96, 117, 123, 149
Самойлова К.Н. — 129
Сапожков Н.И. (Кузнецов Н.В.) — 126
Свердлов Я.М. — 107, ИЗ, 114, 190, 200
Семенов — 53
Серебренников А С. — 9
Серова Ю.О. - 125, 150, 205, 212
Синицын А. — 180
Сицинский П И. — 33, 48
Скворцов-Степанов И.И. — 64, 65, 119, 135
Скобелев М.И. - 63, 95, 104, 105, 123, 135
Скрыпник Н.А. — 32, 34
Соколов Н.Д. — 191
Соколов С.И. — 198
Спандарян С.С. — 73, 111
Сперанский М.М. — 11
Спиридович А.И. — 193, 194, 195
Сталин (Джугашвили) И.В. — 4, 5, 75, 107–114, 155, 166, 171, 176, 194, 197, 209
Столыпин П.А. - 13, 15, 17. 21, 26, 143, 169
Строев — 116, 117
Судейкин Г.П. — 12
Суница Л.Б. — 84
Сыркин — 127
Сытин И.Д. — 116

Т

Такер Р. — 110
Танин М., см. Регекампф С.А.
Таратута В.К. — 125, 171, 172
Тарле Е.В. — 211
Тихменев Н.П. — 184, 185
Тихомирнов В.А. — 175

Тихонова З.Н. — 9
Толстой Л.Н. — 21, 61
Томский В. (Копп В.Л.) — 31. 34
Томский (Ефремов) М.П. — 34, 199
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. — 85, 105, 158, 162
Трояновский А.А. — 43, 75, 119–121, 145, 165–167, 186, 190
Трубецкой С.Е. — 140
Трусевич М.И. — 194
Туляков И.Н. — 138
Тютюкин С.В. — 7, 108, 197

У

Урбанчик С.С. — 9

Ф

Федоров Н.Ф. — 117
Ферман В. — 82, 83, 88
Филлер С.И. — 70
Фрейд З. - 8, 212
Фриче В.М. — 84
Фрумкин М.И. — 40, 41, 56, 57
Фуше Ж. — 4

Х

Хвостов А.Н. — 184, 185
Хинчук Л.М. — 62
Ходотов Н.Н. — 103

Ц

Цейтлин С.Я. — 65
Цивцивадзе И.В. — 220
Цявловский М.А. — 9

Ч

Чернов В.М. — 168

Черномазов М.Е. — 120, 121, 129, 163
Черный В.Н. — 199
Честертон Г. — 28
Чиркин В.Г. — 34, 62, 63
Чуев Ф. — 100
Чхеидзе Н.С. - 63, 92, 95, 98, 104, ИЗ, 123, 135–137, 158, 190
Чхенкели А.И. - 123, 135–137

Ш

Шагов Н.Р. - 94–96. 117, 136, 137, 139, 205
Шаумян С.Г. — ПО, 120
Шварцман Д.М. — 73, 77
Шевцов П.Г. — 219
Шевченко С.Е. — 40, 43
Шелохаев В.В. — 7, 9, 108, 197
Шер В.В. - 55, 56, 58, 59. 61–63, 76, 81, 125, 158, 162, 175
Шкапин Г.М. — 129
Шкирятов М.Ф. — 216
Шкловский Г.Л. — 148, 196
Шляпников А.Г. — 153, 181
Шмидт С.О. — 9
Шотман А.В. - 34, 36, 101, 150, 190, 214
Шуб Д. - 59
Шульгин В.В. — 91
Шулятиков В.М. — 63–65
Шурканов В.Е. — 104

Щ

Щегловитов И.Г. — 19, 144, 183
Шеголев П.Е. — 4, 8, 13, 189, 191
Щербатов Н.Б. — 183

Э

Эвальд Г.Г. - 48
Эйвальдт Г.Э- 48
Элвуд Р.К. — 171
Эрве Г. - 177

Я

Ягелло Е.И. — 111, 112
Ягода Г.Г. — 109
Яковлев Н.Н. — 117, 118, 177
Яхонтов В.И. — 119
Яцыневич А.И. — 33, 34

Об авторе

Розенталь Исаак Соломонович окончил Московский городской педагогический институт. Работал библиотекарем, учителем истории, с 1973 г. — в Музее революции. Главный научный сотрудник, доктор исторических наук. Автор свыше 180 статей и глав в коллективных трудах по истории общественного движения, культуры и политических партий в России, по проблемам музейного дела, редактор документальных сборников. Составитель перечня профессиональных союзов в России (1985). Книга о Романе Малиновском вышла первым изданием в 1994 г.

comments

Комментарии

1

Ты можешь себе представить, что это означает!! Это весьма маловероятно, но мы обязаны проверять все «слухи». Обмен телеграммами между Поронином, СПБ и Парижем не прекращается.

2

Ты можешь легко себе представить, как я обеспокоен.

3

Как известно, так смотрели на уголовных преступников Бакунин и Нечаев. Но Ленин решительно отрицал связь своего взгляда на уголовных с бакунизмом (прим. В.С.Войтинского).

4

Но документы остались в Австро-Венгрии, так что обещание было не более чем декларацией. Основную следственную работу по делу Малиновского провел откомандированный в распоряжение комиссии товарищ прокурора Петроградского окружного суда Н.А.Колоколов — профессионал высокого класса, с особой тщательностью готовивший каждый допрос (сохранились составленные им подробные вопросники)

notes

Примечания

1

Куркин Б.А. Может ли государственная измена исходить от начальника государства? // Кентавр. 1991. № 1. С. 32.

2

Ваксберг А. Два суда // Знание — сила. 1964. 5. С. 48–51; Эренфельд Б.К — «Дело Малиновского» // Вопросы истории. 1965. N? 7. С. 106–116. В качестве фигуры второго плана и примерно на той же фактической основе Малиновский проходил в беллетризованных биографиях революционеров См.: Ваксберг А. Прокурор республики. М., 1974; Матюшин М. Преданность: Повесть о Николае Крыленко. М., 1976; Лейберов И.П., Перегудова З.И. Подвиг Нунэ. Л., 1985; Спичка А.М. «Номер первый». Л., 1987.

3

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 599; Т. 49. С. 648; Т. 48. С. 495.

4

Эренфельд Б.К. «Дело Малиновского». С. 107; Его же. Тяжелый фронт: Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М., 1983. С. 5–6, 16, 119.

5

Ансимов Н.Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903–1917 гг.). Свердловск, 1989. С. 62. Дело Малиновского осталось фактически обойденным и в наиболее обстоятельном на сегодняшний день очерке истории политического сыска в России. См.: Лурье Ф. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992.

Крыленко Н.В. За пять лет. 1918-1922 гг. М., 1923. С. 9.

Герасимов В. Слуга двух господ // Московская правда. 1989. 20 авг.; Гаврилов Ю. Провокаторы // Огонек. 1990. № 3; Власенко А., Разуваев В. Депутат-провокатор // Новое время. 1990. N® 8; Московский Ю. Чьим агентом был Роман Малиновский? // Община. 1990 № 45; Жухрай В. Тайны царской охрапки: авантюристы и провокаторы. М., 1991. С. 276–290.

Wolfe Bertram D. Three Who Made a Revolution. A Biographical History. London, 1956. P. 535–557; Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. New York, I960. P. 134–137.

Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Революция и нравственность // Вопросы истории. 1990. № 6. См. также: Давыдов Ю.В. Бурный Бурцев // Бурцев В. В погоне за провокаторами. «Протоколы сионских мудрецов» — доказанный подлог. М., 1991; Кулешов С. В. Ленин жив? // Кентавр. 1993. № 1. Ранее возможно было затрагивать эту тему лишь косвенно. См.: Ливчак Б.Ф. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства глазами А.А.Блока // Вопросы истории. 1977. № 2.

10

Моруа А. Современная биография // Прометей. Т. 5. М., 1968. С. 334–413.

11

Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1925–1927. Т. 1–7.

12

Дело провокатора Малиновского М, 1992. См. также: Материалы Революционного трибунала по делу провокатора Малиновского // История СССР. 1991. № 1–6.

13

Материалы следственной комиссии ЦК РСДРП по делу Р.В.Малиновского (май-ноябрь 1914 г.) // Вопросы истории. 1993. № 9-12.

14

Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения 3-е изд. М., 1990; Большевики. 1903–1916. Нью-Йорк, 1990. О судьбе первых изданий сборника см.: Емельянов Ю.Н. Что мог знать С.П Мельгунов о германском золоте // Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 275–277.

15

Зиновьев Г.Е. Воспоминания: Малиновский // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6.

16

Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. IX. М., 1990. С. 341–343.

Кантор В. К. Насилие как провокация цивилизационных срывов в России // Вопросы философии. 1995. >6 5. С. 39–47.

18

ГАРФ. Ф. 826. Оп. I. Д. 53. Л. 16, 18; Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Пг., 1916. С. 808.

19

Перегудова З.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением (годы реакции и нового революционного подъема). Автореф. канд. дисс М., 1988. С. 18–19; Миролюбов А.А. Политический сыск России в 1914–1917 гг. Автореф. канд. дисс. М., 1988. С. 10–14.

Щеголев П.Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1992. С. 13. См. подробнее: Лурье Ф.М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: История, редакторы, издатели Л., 1990.

21

Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 119.

Перегудова З.И. Важный источник по истории революционного движения // Исторический опыт Великого Октября. К 90-летию академика И.И.Минца. М., 1986 С. 379.

Ее же. Библиотека революционных изданий департамента полиции // Государственные учреждения и общественные организации СССР: История и современность. М., 1985. С. 108–114.

24

Дело провокатора Малиновского. С. 108.

Миролюбов А.А. Указ. соч. С. 12.

Падение царского режима. Л., 1925. Т. 3. С. 279.

27

Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 364.

Его же. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 279.

29

Козьмин Б.П. С.В.Зубатов и его корреспонденты. М.; Л., 1928. С. 91.

30

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. I. Д. 38. Л. 85–91.

31

Гейфман А. Три легенды вокруг «дела Азефа» // Николаевский Б. История одного предателя. М., 1991. С. 334–335. Ср.: Шевырин В.М. Б.И Николаевский и «герой» его книги // Там же. С. 20; Тютюкин С.В. Вокруг современных дискуссий об Азефе // Отечественная история. 1992. 5. С. 181–183; Письма Азефа // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 102.

Литературное обозрение. 1993. М® 1–2. С. 80.

33

Падение царского режима. Т. 3. С. 8; Л., 1924. Т. I. С. 77; Л., 1925. Т. 2. С. 94–95, 116.

34

ГАРФ. Ф. 1467. On. I. Д. 38. Л. 226 об. В советской литературе мысль о юридической неуязвимости позиции деятелей полицейского ведомства высказал А.Я. Аврех. См.: Аврех А.Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. Т. 118. М, 1990. С. 88–90.

Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 218–228.

Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 219.

Перегудова З.И. Истопник изучения социал-демократического движения в России (Материалы фонда Департамента полиции) // Вопросы истории КПСС. 1988. М® 9. С. 96; Членов С.Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники. М., 1919. С. 53–54.

38

ГАРФ. Ф. 523. Оп. I. Д. 31. Л. 93.

39

Блок А. Записные книжки. С. 325.

40

Речь. 1917. 9 апр.

41

Жилинский В. Б. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти. М., 1918. С. 35–36; Осоргин М. Охранное отделение и его секреты. М., 1917. С. 12.

«Блондинка» в Ясной Поляне в 1910 году // Былое. 1917. М» 3. С. 196–209; Членов С.Б. Указ» соч. С. 65.

Аврех А.Я. Документы департамента полиции как источник по изучению либерально-оппозиционного движения в годы первой мировой войны // История СССР. 1987. № 6. С. 39–48.

Волков А. Петроградское охранное отделение. Пг., 1917. С. 14. См. также: Гарви Н. Черная тень (О провокации и провокаторах). Пг., 1917. С. 3.

Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 41–43; Миролюбов А.А. Указ. соч. С. 12–13.

Лурье Ф. Полицейские и провокаторы. СПб., 1992. С. 141, 388.

Горелов И.Е. Предисловие // Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. 3-е изд. М., 1990. С. 7; Шевырин В.М. Указ. соч. С. 9.

48

ГАРФ Ф. 1467. Оп. I. Д. 38. Л. 87–88; Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 40.

Жилинский В.Б. Указ соч. С. 39.

50

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 88 об.

51

Дело провокатора Малиновского. С. 135.

Голоса истории. [Вып. 2]. М., 1992. С. 31–32.

Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX в. М., 1912. С. 142–144.

Русская мысль. 1914. № 6. С. 126; С-ский К. Психология русского рабочего вопроса. СПб., 1911. С. 14; Русское богатство. СПб., 1913. № 8. С. 337.

Сыромятников Б. Что дает народный университет. М., 1912. С. 5.

Жизнь для всех. СПб., 1910. № 2. Стлб. 103–104.

Кузнец. СПб., 1907. М® 3–4. С. 11–12.

Станок. СПб., 1908. М® 1. С. 8.

Единство. СПб., 1909. № 2. С. 12–13; Текстильный рабочий СПб., 1914. № 2. С. 10.

Новое печатное дело. СПб., 1911. № 6. С. 6; Жизнь для всех. 1913. M® 10. Стлб. 1455, 1457–1458; Пирейко А. Профессиональный союз печатников Прибалтийского края в 1911–1914 гг. // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1924. Сб. 1. С. 120–121.

61

Жизнь для всех. 1910. № 2. Стлб. 104; Булкин (Семенов) Ф.А. На заре профдвижения: История петербургского союза металлистов. 1906–1914, Л., 1924. С. 210–211.

Меницкий Ив. Революционное движение военных годов. М., 1925. Ч. I. С. 292–296.

Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 110–112.

ГАРФ. Ф. 826. Оп. I. Д. 53. Л. 13, 14.

Падение царского режима. Т. 3. С. 469; Т. 5. С. 220.

Дело провокатора Малиновского. С. 108–109.

Большевики… С. 229–230.

Дело провокатора Малиновского. С. 135.

Вознесенский А.Н. Москва в 1917 году. М.; Л., 1928. С. 14–18.

История СССР. 1984. М» 1. С. 60–61.

71

Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. СПб., 1909. С. 138.

С-ский К Психология русского рабочего вопроса. СПб., 1911. С. 12.

Булкин (Семенов) Ф.А. На заре профдвижения: История петербургского союза металлистов. 1906–1914. Л., 1924. С. 184.

Вестник рабочих по обработке металла. СПб., 1908. М® 2. С. 6.

Материалы об экономическом положении и профессиональной организации… С. 101.

Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX — начало XX вв.). М., 1979.

Дело провокатора Малиновского. С. 32.

Рабочий по металлу. 1906. № 2.

Государственная дума. 4-й созыв. Стенографические отчеты 1912–1913 гг. Сессия I. Ч I. СПб., 1913. Стлб. 781.

Булкин (Семенов) Ф.А. Указ соч. С. 199–200.

81

Поссе В.А. Мой жизненный путь. Дореволюционный период (1864–1917 гг.). М; Л… 1929. С. 431, 435.

82

Материалы следственной комиссии ЦК РСДРП по делу Р.В. Малиновского // Вопросы истории. 1993, >$> 10. С. 93. Большевик М.П Томский (Ефремов), о котором говорится в примечании к публикации (с. 104), в союзе металлистов не работал.

Булкин (Семенов) Ф.А. Указ. соч. С. 200.

Труды Первого Всероссийского съезда фабрично-заводских врачей и представителей фабрично-заводской промышленности. М., 1910. Т. 1. С. 89, 310–311, 336, 423–426; Т. 2. С. 51–55.

Дело провокатора Малиновского. С. 32.

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1914. Д. 307. Л. 213.

87

Государственная дума. 4-й созыв. Стенографические отчеты 1912–1913 гг. Сессия I. Ч. 1. Стлб. 314.

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. I. Д. 38. Л. 45.

89

Луч. 1912. 28 окт.

РЦХИДНИ. ф. 37. Оп. 2. Д. 35756; Булкин Ф. Департамент полиции и союз металлистов // Красная летопись. 1923. Мё 8. С. 226; Его же. На заре профдвижения. С. 199, 201.

91

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1909. Д. 5. Ч. 51. Т. 2. Л. 70.

Дело провокатора Малиновского. С. 158.

93

Пирейко А. Партийная работа во 2-м Городском районе Петербурга (1905–1910 гг.) // Пролетарская революция. 1923. Мё 4. С. 155.

Петербургский комитет РСДРП. Протоколы и материалы заседаний. Июнь 1902 — февраль 1917. Л., 1986. С. 201, 319.

Дело провокатора Малиновского. С. 55.

Зиновьев Г.Е. Воспоминания: Малиновский // Известия ЦК КПСС. 1989. Мё 6. С. 185–187, 189.

Дело провокатора Малиновского. С. 141, 211.

Первая конференция профессиональных союзов рабочих по металлу Московского промышленного района. М., 1907. С. 101.

Печатное дело. М., 1907. Ms 25. С. 3.

100

Горелов И.Е., Шулятиков И.В. Состав рабочей группы 1-го Всероссийского съезда фабрично-заводских врачей // История СССР. 1978. № 6. С. 76.

101

Митревич А. Воспоминания о революционном рабочем движении // Пролетарская революция. 1922, Мё 4. С. 219; Шотман А.В. Как из искры возгорелось пламя. М., 1935. С. 160.

102

Жизнь для всех. СПб., 1910. Ме 10. Стлб. 70–71.

103

ГАРФ. Ф. 6860. Оп. 1. Д. 172. а. Л. 55.

Булкин (Семенов) Ф.А. На заре профдвижения. С. 226.

105

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Д. 5. Ч. 57. Лит. Б. Л. 22.

Протоколы VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП // Вопросы истории КПСС. 1988. Ме 6. С. 53.

107

Дело провокатора Малиновского. С. 139.

Германов Л. Из партийной жизни в 1910 году // Пролетарская революция. 1922. Ме 5. С. 231–232.

109

Дело провокатора Малиновского. С. 37–39, 139; Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. Ме 11–12. С. 72.

Германов Л. Указ. соч. С. 232.

111

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. I. Д. 38. Л. 301 об.

112

Сверчков Д. На заре революции. М.; Пг., 1924. С. 312; Из эпистолярного наследия Н.И.Бухарина // Известия ЦК КПСС. 1989. Мё 4. С. 207.

113

Дело провокатора Малиновского. С. 139–140, 208–209.

Там же. С. 200. Ср.: Жухрай В. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы. М., 1991. С. 283.

115

Дело провокатора Малиновского. С. 63; Заварзин П.П. Жандармы и революционеры: Воспоминания. Париж, 1930. С. 195–196.

116

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. I. Д. 38. Л. 3017

117

Дело провокатора Малиновского. С. 77.

118

Воспоминания о В.И.Ленине: В 5-ти т. М., 1984. Т. 1. С. 369; Дело провокатора Малиновского. С. 46.

119

ГАРФ. Ф. 1472. Оп. 1. Д. 22007. Л. 2.

Там же. Л. 1.

121

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 15 об.

Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. Jsfe 9. С. 106-108; >6 11–12. С. 70; Дело провокатора Малиновского. С. 138, 206–207, 235.

123

Список студентов, посторонних слушателей и учениц повивального института императорского Казанского университета. 1896–1897 год. Казань, 1896. С. 155; Преподаватели, учившиеся и служившие в императорском Казанском университете (1805–1903 гг.); Материалы для истории университета. Казань, 1908.Ч. 1. Вып. 3. С. 1378.

124

Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 106-107. К экономическому бойкоту евреев в Польше призывала образовавшаяся в 1893 г. Национальная лига, из которой в 1897 г. выросла Национально-демократическая партия (эндеки, эндеция); антисемитизм был существенной частью ее идеологии и практики

125

Дело провокатора Малиновского. С. 140.

126

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 19.

127

Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. Jsfe 9. С. 107,109.

Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С. 198–199.

129

Дело провокатора Малиновского. С. 50, 55.

130

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38, Л. 19–19 об.

Большевики. 1903–1916. Нью-Йорк, 199 °C. 306.

Дело провокатора Малиновского. С. 68, 107.

133

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 231 об., 232; РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 807. Л. 3.

Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 106.

135

Дело провокатора Малиновского. С. 138, 143, 210.

Там же. С. 207; Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. N* 11–12. С. 72.

137

Дело провокатора Малиновского. С. 62–63.

Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 70.

139

Дело провокатора Малиновского. С. 127–128.

Там же. С. 123.

141

Там же. С. 155.

Там же. С. 120.

143

Там же. С. 61, 155.

Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. 3-е изд. М,,, 1990. С. 26; Дело провокатора Малиновского. С. 63, 157.

145

Осоргин М.А. Охранное отделение и его секреты. М., 1917. С. 11; Дело провокатора Малиновского. С. 124, 142.

Максаков Вл. Тернии «Нашего пути» // Из эпохи «Звезды» и «Правды». М.; Пг., 1923. Вып. 3. С. 131; Дело провокатора Малиновского. С. 209, 211.

147

ГАРФ. Ф. 1467. On. 1. Д. 38. Л. 301 об.; Большевики… С. 294.

148

В 1917 г. В.В.Шер был комиссаром Временного правительства в Москве. В 1931 г. осужден по фальсифицированному делу «Союзного бюро меньшевиков».

149

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1911. Д. 5 Ч. 46. Лит. Б. Л. 13 и об.; РЦХИДНИ. Ф.124. Оп. 1. Д. 2035. Л. 5 об.

Дело провокатора Малиновского. С. 39–40, 139.

151

Корнилъев Я.П. Пять предателей (Из тюремных впечатлений) // Каторга и ссылка. 1927. № 8 (37). С. 121–122.

Дело провокатора Малиновского. С. 41, 94; Германов Л. Указ. соч. 233–237.

Степанов В.Н. Адресовано в Москву. М., 1987. С. 217.

154

Музей революции. Mb 48624.

Горелов И.Е. Николай Бухарин. М., 1988. С. 26–27.

Дело провокатора Малиновского. С. 141.

157

Коэн С. Бухарин: политическая биография. 1888–1938. М., 1988. С. 39, 44–45, 48, 51, 65. См. также: Фишер Л. Жизнь Ленина. Лондон, 1970. С. 125; Кун М. Бухарин, его друзья и враги. М., 1992. С. 25, 39–40 и др.

Горелов И.Е. Указ. соч. С. 36–39.

Shub D. Lenin. New York, 1949. P. 114–115, 119–120.

160

ГАРФ. Ф. 63. 1910. Д. 1. Л. 305.

161

Дело провокатора Малиновского. С. 85; Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. Mb 10. С. 92, 95, 104. Малиновский ошибочно назвал журнал «Голос жизни» «Текстильным рабочим» (название профсоюзного журнала, выходившего в Петербурге в 1914 г.).

162

ГАРФ. Ф. 1467. On. 1. Д. 38. Л. 302; Большевики. Документы… С. X.

163

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1911. Д. 248. Л. 5–6, 17–19, 41; Д. 5. Ч 46. Лит. Б. Л. 62; Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. Mb 10. С. 91.

Дело провокатора Малиновского. С. 82–84, 85, 128–129; Из эпистолярного наследия Н И.Бухарина. С. 206–207; Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. Mb 10. С. 91, 92–93, 94.

165

Максаков Вл. Указ. соч. С. 136–137; Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 571.

Дело провокатора Малиновского. С. 86; Из эпистолярного наследия Н.И.Бухарина. С. 206–207.

167

Шер В. Страничка из воспоминаний // Материалы по истории профессионального движения в России. М., 1925. Сб. 4. С. 75.

168

РЦХИДНИ. Ф. 448. Оп. 1. Д. 69.

169

Дело провокатора Малиновского. С. 84, 129; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 161; Из эпистолярного наследия Н.И.Бухарина. С. 207.

Дело провокатора Малиновского. С. 129.

171

Падение царского режима. Л., 1925. Т. 3. С. 484–485, 500.

172

Из архива Л.О.Дан. Амстердам, 1987. С. 103.

173

Наша рабочая газета. СПб., 1914. 25, 30 мая.

Шулятиков В. Письма из-за границы // Учительская газета. 1988. 4 окт.

175

Дело провокатора Малиновского. С. 95.

Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 116; № 10. С. 93.

177

Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 116; № 10. С. 93.

На заре рабочего движения в Москве. М., 1919. С. 112–113.

179

Очерки истории Московской организации КПСС. М., 1979. Кн. 1. С. 210, 259.

Шулятиков В. Указ. соч.

Голоса истории. [Вып. 2]. М., 1992. С. 31.

182

На заре рабочего движения в Москве. С. ИЗ.

183

Дело провокатора Малиновского. С. 85–86.

Выступление Н.И.Бухарина, посвященное памяти И.И.Скворцова-Степанова // Вопросы истории. 1988. Ms 5. С. 78. Аналогичное положение было в Петербурге. Делегат Пражской конференции П.А.Залуцкий рассказывал, что работе членов Российской организационной комиссии по созыву конференции мешало 4недоверие, которое встречает каждого нового человека. Слишком много питерские рабочие испытывали приемов охранки» (Протоколы VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП // Вопросы истории КПСС. 1988. Ms 5. С. 33).

185

Письма политических ссыльных в Восточной Сибири (конец XVIII-начало XX в.). Иркутск, 1978. С. 251.

Голубков А.П. На два фронта (Из эпохи реакции). М., 1933. С. 79. Ср. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4, С. 194; Т. 7. С. 17.

Голоса истории. [Вып. 2]. М., 1992. С. 31.

188

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 968. Л. 39 об.

189

Володарская А М. Из истории борьбыы большевиков за единство пролетариата (1913–1914 гг.) // История СССР. 1967. № 4. С. 73.

190

Эренфельд Б.К. Тяжелый фронт: Из истории борьбы большевиков с царской тайной полицией. М., 1993. С. 30–31. Ср.: Кознов А.П. Борьба большевиков с подрывной агентурой царизма в период реакции (1907–1910 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1986. Ms 12. С. 67, 68.

191

О подготовке Пражской конференции РСДРП // Исторический архив. 1958. Mfe 5. С. 19; Воронский А.К. За живой и мертвой водой. М., 1970. С. 412–415.

192

Зиновьев Г.Е. Воспоминания: Прага (18–30 января 1912 г.) // Известия ЦК КПСС. 1989. Мв 5. С. 192–198.

193

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1911. Д. 5. Прод. 2. Л. 156, 159.

194

Там же. Д. 5. Прод. 1. Л. 45 об.-47; Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. 3-е изд. М., 1990. С. 156.

195

Пятницкий О. Записки большевика. М., 1956. С. 159–160; Воспоминания о В. И.Ленине: В 5-ти т. М., 1984. Т. 1. С. 358–359.

Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С. 188.

197

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1911. Д. 5. Прод. 1. Л. 47,50 об.; Пятницкий О. Указ, соч. С. 159, 160.

198

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1913. Д. 5. Ч. 57. Лит. Б. Ч. 1. Л. 16.

199

Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 302 об.; Материалы следственной комиссии ЦК РСДРП по делу Р.В.Малиновского (май-ноябрь 1914 г.) // Вопросы истории. 1993. 9. С. 11–12. С. 74; Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 142–143, 209–210.

Большевики… С. 156–157.

201

Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 104.

Воронений А.К. Указ. соч. М., 1934. С. 517.

203

Там же.

Зиновьев Г.Е. Воспоминания: Малиновский // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 187, 193.

Воронений А.К. Указ. соч. М, 1934. С. 517–518.

206

Воспоминания об Ильиче тов. Серго Орджоникидзе // Под знаменем Ильича.1925. 26 янв.

207

Петровский Г.И. Воспоминание о «Правде» // Страницы славной истории: Воспоминания о «Правде» 1912–1917. М., 1962. С. 131; он же. В.И Ленин всегда учил быть вместе с народом / / О Владимире Ильиче Ленине: Воспоминания. 1900–1922 годы. М., 1963. С. 124; Воспоминания о соратниках В.И.Ленина // Исторический архив. 1961. № 5. С. 169.

Большевики… С. 169–170.

209

Протоколы VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП // Вопросы истории КПСС. 1988. № 7. С. 53–54.

Энкер Б. Начало культа Ленина // Отечественная история. 1992. № 5.

Журавлев В.В., Ненароков А.П. Новые факты и документы из истории образования СССР // Историки спорят. М., 1988. С. 218.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356, 358, 361.

213

Зиноевьев Г.Е. Воспоминания: Малиновский. С. 187.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 361.

215

Дело провокатора Малиновского. С. 104.

Там же. С. 50, 55, 143.

Там же. С. 76–77.

218

Najdus W. Lenin wsrod przyjaciol i znajomych w Polsce. 1912–1914. Warszawa,1977. S. 138–139.

219

Дело провокатора Малиновского. С. 46, 56.

Русская мысль. 1914. 6. С. 126.

221

Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. С. 208.

Горький М. Собр. соч.: В ЗО т. М., 1955. Т. 29. С. 277.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 403.

Wolf B. D. Three Who Made a Revolution. A Biographical History. London, 1956. P. 535, 541.

Дело провокатора Малиновского. С. 49, 50-

Зиновьев Г.Е. Воспоминания: Малиновский. С. 188.

227

Большевики… С. 171–172; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 54; Воспоминания об Ильиче тов. Серго Орджоникидзе.

Воронский А. Указ. соч. М., 1934. С. 520.

229

Дело провокатора Малиновского. С. 50.

Дьяков В. А. Бородинские юбилеи и их воздействие на дореволюционную русскую историографию // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 308–311; Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // История СССР. 1991. М® 2.

Аврех А.Я. Царизм и IV Дума 1912–1914 гг. М., 1981. С. 262.

232

ГАРФ. Ф. 826. On. 1. Д. 51. Л. 242–243, 248, 270–271.280, 284. Согласно воспоминаниям А Я.Аросева, инициативная группа большевиков, в которую входил и Малиновский, готовила к приезду царя в Москву демонстрацию (Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 355). По данным же охранки, группа хотела провести не демонстрацию, а всеобщую политическую стачку и не «пред выбором в Гос. думу», то есть в 1912 г., а в связи с 300-летием царствования дома Романовых, в 1913 г. Предупредительные аресты состоялись в ночь с 19 на 20 февраля 1913 г., когда Малиновского уже не было в Москве (Деренковский Г.М. Рабочая газета «Наш путь» // Большевистская печать и рабочий класс России в годы революционного подъема 1910–1914. М., 1965. С. 114–115, 124–125).

233

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 621. Л. 51.

Дело провокатора Малиновского. С. 64–65, 103–104; Падение царского режима. Л., 1925. Т. 3. С. 468–469; М.; Л., 1926, Т. 5. С. 212–215.

235

Дело провокатора Малиновского. С. 65.

Там же. С. 104; Падение царского режима. Т. 3. С. 280, 281–282.

237

Дело провокатора Малиновского. С. 104–106, 123–124,151.

Там же. С. 34, 44; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 165.

239

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Д. 5. Ч. 46. Лит. Б. Л. 119, 138 об.-139.

Протоколы VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП // Вопросы истории КПСС. 1988. № 7. С. 43.

241

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Д. 5. Ч. 46. Лит. Б. Л. 118.

242

РЦХИДНИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 569. Л. 7, 8; Из эпистолярного наследия Н.И.Бухарина // Извесия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 206.

243

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Д. 5. Ч. 46. Лит. Б. Л. 118, 122.

РЦХИДНИ. Ф. 451. Оп. I. Д. 21299.

Большевики… С. 188.

246

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Д. 5. Ч. 46. Лит. Б. Л. 187; Письма П.Б.Аксель-рода и Ю.О.Мартова. Берлин, 1924. С. 255.

247

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Д. 5. Ч. 46. Лит. Б. Л. 189.

Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 45.

249

Дело провокатора Малиновского. С. 133.

250

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Д. 5. Ч. 46. Лит. Б. Л. 118 об., 125 об., 138 об.

251

Там же. Л. 144.

252

Там же. Ф. 1167. Оп. 3. Д. 5533. Л. 2 и об.; Дело провокатора Малиновского. С. 88.

253

Миритеев И.Н. Воспоминания выборщика в IV Государственную думу // Путь к Октябрю: Сб статей, воспоминаний и документов. М., 1923. Вып. 11. С. 300–302.

254

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Д. 5. Ч. 46. Лит. Б. Л. 132 и об.

255

Там же. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 310.

256

Там же. Ф. 63. 1913. Д. 189 Л. 7 и об.; Ф. 102. ДП OQ. 1912. Д. 5. Ч. 46. Лит. Б. Л. 186–187 об., 194.

257

Правда. 1912. 4 окт.

Миритеев И.Н. Указ. соч. С. 304.

259

Дело провокатора Малиновского. С. 106.

Там же. С. 131.

261

Там же. С. 106–107, 130–131; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 15 и об.; Большевики… С. 27–28; Падение царского режима. Т. 3. С. 284–285.

Дело провокатора Малиновского. С. 106.

263

Там же. С. 126.

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 165, 311.

265

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Д. 5. Ч. 46. Лит. Б. Л. 176, 192–194.

Миритеев И.Н. Указ соч. С. 306–307.

Дан Ф.И. Письма (1899–1946). Амстердам, 1985. С. 276.

268

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Д. 5. Ч. 46. Лит. Б. Л. 167–177 об.; Правда. 1912. 26, 27 окт.

269

Володарская А.М. Из истории борьбы большевиков за единство пролетариата (1913–1914 гг.) // История СССР.* 1967. Н? 4. С. 67.

Очерки истории Московской организации КПСС. М., 1979. Кн. 1. С. 285–286.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 97.

ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 51. Л. 311.

273

ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 3. Д. 7924.

Миритеев И.Н. Указ. соч. С. 317.

Аврех А.Я. Царизм и IV Дума 1912–1914 гг. М., 1981. С. 20–30.

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 585. Л. 2962.

Там же. Д. 531. Л. 234.

Кочетов Ю.И. Деятельность большевистской фракции IV Государственной думы // Уч. записки Пермского пед. ин-та. Пермь, 1972. С. 56.

Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 114.

280

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 126 об.-127; Бадаев А. Большевики в Государственной думе. М., 1954. С. 66–75.

Дан Ф.И. Письма. Амстердам, 1985- С. 283.

282

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1913. Д. 5. Ч. 57. Лит. Б. Л. 16.

283

Володарская А.М. Из истории борьбы большевиков за единство пролетариата (1913–1914 гг.) // История СССР. 1967. N» 4. С. 67.

Ее оке. Ленин и партия в годы назревания революционного кризиса 1913–1914. М., 1960. С. 194.

Пролетарская революция. 1925. 8. С. 125.

286

Архив А.М. Горького. КГ-ОД. 2-1-1. Л. 1 и об.

287

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1913. Д. 307. Л. 114; Ф. 102. Оп. 265. Д. 902. Л. 43 =

Дан Ф.И. Указ. соч. С. 290–291.

289

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1913. Д. 307. Л. 81.

Самойлов Ф.Н. По следам минувшего. М., 1934. С. 314.

291

Петровский Г. И. Воспоминание о «Правде* // Страницы славной истории: Воспоминания о «Правде* 1912–1917 гг. М., 1962. С. 131–132.

Дело провокатора Малиновского. С. 50.

293

Бадаев А. Указ. соч. С. 283; Зиновьев Г.Е. Воспоминания: Малиновский //Известия ЦК КПСС. 1989. 6. С. 197.

294

Материалы следственной комиссии ЦК РСДРП по делу Р. В.Малиновского (май-ноябрь 1914 г.) // Вопросы истории. 1993. Jsfe 11–12. С. 54.

Дело провокатора Малиновского. С. 51.

Самойлов Ф.Н. Указ. соч. С. 320.

297

Из переписки ЦК РСДРП с местными большевистскими организациями (1912-1914 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1966. bk 11. С. 79.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 114.

299

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265, 1913. Д. 902. Л. 43.

Бадаев А. Указ. соч. С. 281; Крыленко Н В. Судебные речи: Избранное. М., 1964. С. 25, 37.

301

Дело провокатора Малиновского. С 100. Неверно, таким образом, что Малиновский придавал «зажигательным» текстам речей, которые для него писали, еще более резкую окраску (Ваксберг Арк. Царица доказательств: Вышинский и его жертвы. М., 1992. С. 41).

Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 280.

303

Падение царского режима. Л. 1927. Т. 7. С. 167.

Там же. Л., 1925. Т. 3. С. 496.

305

Государственная дума. 4-й созыв. Стенографические отчеты 1912–1913 гг. Сессия 1.4. 1. СПб., 1913. Стлб. 317, 318.

Дело провокатора Малиновского. С. 55.

307

Государственная дума. 4-й созыв. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия 1. Ч. 1. Стлб. 1121–1126.

Там же. Стлб. 1993–1994.

309

Там же. Ч. И. Стлб. 86.

Дело провокатора Малиновского. С. 51.

311

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 177.

312

РЦХИДНИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 842. Л. 27.

313

О Бадаеве меньшевики говорили и худшее: будто он, бывший эсер, человек совершенно некультурный и горький пьяница, вслух мечтает, как, став депутатом, сумеет скопить за 5 лет 18 тысяч рублей (Дан Ф.И. Указ. соч. С. 283).

Дело провокатора Малиновского. С. 103.

315

Там же. С. 110–114, 119–120; Падение царского режима. Т. 3. С. 466; Т. 5. С. 216; ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 1040. Л. 4.

Падение царского режима. М.; Л., 1925. Т. 4. С. 433; Т. 5. С. 213.

317

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 42–44.

Там же. Л. 42 об., 220; Дело провокатора Малиновского. С. 115.

319

Драбкина Е. Черные сухари. М., 1961. С. 41.

Дело провокатора Малиновского. С. 111, 118, 120.

321

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 243 и об.

Там же. Л. 40.

323

Дело провокатора Малиновского. С. 108–109.

Падение царского режима. Т. 3. С. 465.

325

Дело провокатора Малиновского. С. 50, 51. См. также: Зиновьев Г.Е. Указ, соч. С. 194.

326

РЦХИДНИ. Ф. 482. Оп. 1. Д. 28. Л. 31.

327

Дело провокатора Малиновского. С. 166–167.

Там же. С. 145, 153, 215-216-

329

Государственная дума. 4-й созыв. Стенографические отчеты. 1912–1913 гг. Сессия 1.4. 1.

330

Дело провокатора Малиновского. С. 145–146; Падение царского режима. Т. 5. С. 216–217.

331

ГАРФ. Ф. 102. ДП 00. 1913. Д. 5. Ч. 57. Л. 97 и об.

Антонов-Овсеенко А.В. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 101–109; Был ли Сталин агентом охранки? // Философская и социологическая мысль. Киев, 1989. >4 11; Волков Ф.Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992. С. 13–27 идр.

333

Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С. 220–221.

Такер Р. Сталин: Путь к власти. 1879–1929. История и личность. М., 1990. С. 106, 114.

335

Каптелов Б.И., Перегудова З.И. К спору о «Кобе» Джугашвили и «Фикусе» // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. Вып. 2. С. 173–180.

Волков Ф.Д. Указ. соч. С. 18–19. Об А.Орлове см.: Брук-Шеперд Г. Судьба советских перебежчиков // Иностранная литература. 1990. № 8.

Такер Р. Указ. соч. С. 105.

Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М, 1992. С. 141.

339

Философская и социологическая мысль. 1989. № 11. С. 117–118.

Каптелов Б.И., Перегудова З.И. Указ. соч. С. 182–183.

341

Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 74.

342

Из архива Л.О.Дан. Амстердам, 1987. С. 101–104.

Антонов-Овсеенко А.В. Указ. соч. С. 103; Волков Ф.Д. Указ. соч. С 18–19.

Антонов-Овсеенко А.В. Указ. соч. С. 103–104.

345

Из архива Л.О.Дан. С. 101, 104–105. Подобные упомянутым жалостные письма Сталин направлял в разные адреса; незнание этого приводит к тому, что каждый адресат воспринимается как лицо, находившееся с ним в особо близких отношениях— если не дружеских, то любовных, из чего делаются подчас выводы, рассчитанные на сенсацию, например, в связи с аналогичными по содержанию письмами Сталина к Т.А.Словатинской. (Московские новости. 1995. 13–20 авг. С. 19).

Володарская А.М. Ленин и партия в годы назревания революционного кризиса. С. 183.

Антонов-Овсеенко А.В. Указ. соч. С. 103.

Красный архив. 1939. № 1. С. 81–83.

349

Дело провокатора Малиновского. С. 50–51,47; Бадаев А. Указ. соч. М., 1929. С. 268.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 161.

351

ГАРФ. Ф. 63. 1913. Д. 189. Л. 7 об.-8; Ф. 102. ДП ОО. 1913. Д. 5. Ч. 47. Лит. Б. Л. 4, 7, 17; Миритеев И.Н. Воспоминания выборщика в IV Государственную думу // Путь к Октябрю. М., 1923. Вып. II. С. 311–314.

352

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1913. Д. 5. Ч. 46, Лит. Б. Л. 244.

353

Дело провокатора Малиновского. С. 92.

Мейерович М.Г. Кто такой И.Т.Савинов // Вопросы истории КПСС. 1968. № 5. С. 112–113.

355

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 302 и об.; Дело провокатора Малиновского. С. 112–113.

Красный А Тайны охранки. М., 1917. С. 3; Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охраппого отделения. 3-е изд. М., 1990. С. 45. Точно так же к другим рабочим депутатам в их избирательных округах были приставлены агенты из числа видных партийных работников. См.: Липкин А. Накануне процесса большевистской фракции IV Государственной думы (К истории провокации в России) // Каторга и ссылка. 1927. N* 1 (30).

Дело провокатора Малиновского, С. 125.

Шалагинова Л.М. Сергей Есенин в революционной Москве (1912–1914) // Вопросы литературы. 1987. № 11. С. 178.

359

Правда. СПб. 1913. 3 июля.

360

ГАРФ. Ф. 63. 1913. Д. 459. Л. 98 об.; РЦХИДНИ. Ф. 448. Оп. 1. Д. 41045, 41791; Антошкин Д. О профессиональном движении служащих. М., 1925. С. 42

361

ГАРФ. Ф. 63. 1913. Д. 459. Т. 1. Л. 24.

362

В декабре 1905 г. Строев отказался вывести воинскую часть, которой он командовал, на подавление московского восстания, за что был арестован; в тюрьме он написал прошение о помиловании, обещая загладить свою вину перед правительством. После этого он был переведен в полицию и прославился как цербер на легальных собраниях и съездах (Поссе В.А. Мой жизненный путь Дореволюционный период (1864–1917 гг.). М.; Л., 1929. С. 436). Малиновскому Строев был знаком еще по 1 — му кооперативному съезду.

363

ГАРФ. Ф. 63. 1913. Д. 459. Л. 204

Там же. Д. 459. Т. 2. Л. 55; Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 218 об.-219.

365

Там же. Ф. 63. 1913. Д. 459. Л. 11–16, 43; Московская правда. 1962. 28 апр.

Музей революции. № 1367/4.

367

Деренковский Г.М. Рабочая газета «Наш путь* // Большевистская печать и рабочий класс России в годы нового революционного подъема 1910–1914. М., 1965. С. 113–174.

368

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1912. Д. 5. Ч. 57. Лит. Б. Л. 39 и об.

369

Максаков В. Тернии «Нашего пути* // Из эпохи «Звезды* и «Правды*. М.; Пг., 1923. Вып. 3. С. 134–137.

Дело провокатора Малиновского. С. 32.

Максимовский В. «Наш путь* // Современник. 1922. N* 1. С. 253–256.

Максаков Вл. Указ. соч. С. 137.

Там же. С. 132.

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 304.

Дело провокатора Малиновского. С. 77–78, 96.

Там же. С. 109, 117–118.

377

Перегудова З.И. Важный источник по истории революционного движения // Исторический опыт Великого Октября. К 90-летию академика И.И.Минца. М., 1986. С. 382–383.

Дело провокатора Малиновского. С. 78, 96.

379

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 888. Л. 43.

Логинов В.Т. Ленинская «Правда* 1912–1914 гг. М., 1972. С. 80–82, 94.

Большевики… С. 209.

Правда. Пг., 1917. 28 июня; Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 50, 51.

383

Деятельность ЦК РСДРП по руководству газетой «Правда» (1912–1914 гг.) // Исторический архив. 1959. N? 4. С. 45, 46, 47, 50.

Там же. С. 50–52.

385

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1914. Д. 5. Ч. 51. Лит. Б. Л. 47.

Подготовка съезда большевистской партии в 1914 г. // Исторический архив.1958 = № 6. С. 12; Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 51–52. Черномазова арестовали 20 марта 1917 г., после того, как 11 марта «Биржевые ведомости» объявили его крупным осведомителем петербургской охранки. В официальный список провокаторов его фамилию включили без каких-либо сведений. Сам он сотрудничество с охранкой категорически отрицал, признавая лишь, что оно ему предлагалось, когда в 1913 г. он был арестован. 27 августа 1917 г. он умер (покончил с собой?) в заключении. В результате экспертизы двух расписок «Москвина» (за июнь и декабрь 1915 г.) в получении от начальника Петроградского охранного отделения 75 и 100 руб. было признано, что «вероятнее всего» этим Москвиным был Черномазов (ГАРФ. Ф. 1467. On. 1. Д. 39. Л. 59). А.С.Серебренников считает, что обвинение Черномазова в провокаторстве было сфабриковано (см.: Большевики. 1903–1916. Нью-Йорк, 1990. С. 30, 344).

Ленин В.И, Полн. собр. соч. Т. 49. С. 265.

388

РЦХИДНИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 686. Л. 3 об.; Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. 11–12. С. 86–88.

389

Из переписки ЦК РСДРП с местными большевистскими организациями (1912–1914 гг.) // Вопросы истории КПСС. 1966. № 11. С. 79.

390

Воспоминания о В.И.Ленине: В 5-ти т. Т. 1. С. 386; Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. М® 11–12. С. 54–55.

391

Ленинский сборник XXXIX. М., 1980. С. 102–104; Володарская А.М. Указ, соч., С. 200–202.

Миритеев И.Н. Указ. соч. С. 314–315.

393

Володарская А.М Из истории борьбы большевиков за единство пролетариата. С. 69.

394

Правда. 1913. 8 февр.

395

Падение царского режима. Т. 3. С. 489–491.

Кочетов Ю И Указ. соч. С. 56, 94.

397

ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 98 об.

Иванова Н А. Структура рабочего класса России 1910–1914. М., 1987. С. 196.

399

Киевская мысль. 1914. 15 янв.

400

Ленин В.И. Полл. собр. соч. Т. 48. С. 251–252; Каганова Р.Ю. Ленин во Франции. Декабрь 1908 — июль 1912. М., 1977. С. 230–232.

401

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1913. Д. 28. Т. 2 Л. 5, 32 и об.; Путь правды. 1914.2 февр.; Хонявко И.П. В подполье и в эмиграции (1911–1917 гг.) // Пролетарская революция. 1923. 4. С. 165–166; Деготь В. Под знаменем большевизма: Записки подпольщика. М., 1933. С. 176.

402

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 968. Л. 15.

403

Из эпистолярного наследия Н.И.Бухарина // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 206. 207.

Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. М» 10. С. 93–94.

405

Голубков А.П. На два фронта (Из эпохи реакции). М., 1933. С. 76.

Большевики… С. 175.

407

ГАРФ. Ф. 5802. On. 2. Д. 378. Л. 2. М.Кун ошибочно расшифровал «Николая Васильевича» как М.Ф. Владимирского, а «Юрия» как Л.Б.Каменева Неверно также, что Малиновский посетил Бурцева по собственной инициативе (Кун М. Бухарин, его друзья и враги. М., 1992. С. 37–38).

408

ГАРФ. Ф. 5802. Оп. 2. Д. 257. Л. 1–2 об.; Ф. 1005. Оп. 8. Д. 2. Л. 88–90; Богданов А. История частной финансовой группы с.-д. большевиков // Родина. 1992. № 8–9. С. 146.

Кознов А.П. Борьба большевиков с подрывными акциями царской охранки в 1910–1914 гг. // Вопросы истории КПСС. 1988. J\(i > 9. С. 62.

Сидоров Н.А., Тютюнник Л.И. В.Л.Бурцев и российское освободительное движение // Советские архивы. 1989. Т 2. С. 56–62.

411

Дело провокатора Малиновского. С. 58–59; Падение царского режима. М.; Л., 1924. Т. 1. С. 313–314.

Wolfe Bertram D. Three Who Made a Revolution. A Biographical History. London, 1956. P. 537.

413

Дело провокатора Малиновского. С. 219.

414

Путь правды. 1914. 19 февраля.

415

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1400.

Там же. Ф. 70. Оп. 3. Д. 842. Л. 27.

Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории 1993. № 11–12. С. 51.

Там же. С. 52–55, 58–61.

419

Деятельность ЦК РСДРП по руководству газетой «Правда» (1912–1914 гг.)// Исторический архив. 1959. 4. С. 41; Заседания ЦК РСДРП 15–17 апреля 1914 года // Вопросы истории КПСС. 1957. >6 4. С. 120.

420

РЦХИДНИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1190. Л. 5.

421

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1914. Д. 5. Ч. 46. Лит. Б. Л. 150.

422

Заседания ЦК РСДРП 15–17 ареля 1914 года. С. 122, 124, 125; Подготовка съезда большевистской парии в 1914 г. // Исторический архив. 1958. № 6. С. 10–12.

423

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 162, 303 об.; РЦХИДНИ, Ф. 482. Оп. 1. Д. 28. Л. 29–30; Большевики… С. 30, 208.

424

«Я с «Правдой» расстался, — писал А.КХастев 21 мая 1914 г. — И это было помимо моего желания и помимо желания самой редакции. Главным лицом, которое настояло на разрыве со мной, был Малиновский, с которым у меня давно уже были трения, а после того, как он создал новую фракцию, мне пришлось осмеять его (это было на деловом заседании правления металлистов). Так или иначе я теперь вне «Правды» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265- Д. 966. Л. 14 °См. также: Гастев А. Поэзия рабочего удара. М., 1971. С. 12).

425

ГАРФ. Ф. 1467. On. 1. Д. 38. Л. 136 об.; Воспоминания о В.И.Ленине: В 5-ти т. Т. 1. С. 380.

Дело провокатора Малиновского. С. 146–147, 213–214.

Падение царского режима. Т. 3. С. 282–283.

Дело провокатора Малиновского. С. 201, 202.

Там же. С. 142, 143, 147, 214; Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 54–55, 63.

Хайм сон Л. Меньшевизм и эволюция российской интеллигенции // Россия XXI. 1995. № 34. С. 151.

Дело провокатора Малиновского. С. 143, 212.

432

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1913 Д. 5. Ч. 46. Лит. Б., прод. Л. 10 и об. См. также: Движение рабочей молодежи в России в материалах и документах. М; Л., 1926. С. 129–134.

433

ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 171 об.-173; Ф. 111. Оп. 5. 1914. Д. 512. Л. И;Утро России. 1914. 23 алр.

Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 43, 75, 99-100.

Бадаев А. Большевики в Государственной думе. М., 1954. С. 255.

Крузе Э-Э. Петербургские рабочие в 1912–1914 годах. Л., 1961. С. 299–300.

437

Архив А.М.Горького. КГ-рл. 16–86/2. Л. 1 об.-2.

Падение царского режима. М; Л., 1927. Т. 7. С, 168.

Бадаев А. Указ. соч. С. 274–275.

Дан Ф.И. Письма (1899–1946). Амстердам, 1985. С. 310–311.

441

Путь правды. 1914. 18 мая.

Самойлов Ф.Н. По следам минувшего. М., 1934. С. 342.

443

Правда. 1917. 26 марта

Портрет Джунковского находился в Бородинском музее до декабря 1921 г., когда Александр Жаров, будущий комсомольский поэт, осмотрев музей, записал в книге посетителей: «Зачем только портрет Джунковского? Это мне непонятно. Ни исторической ценности и никакой другой из себя (он] не представляет. Рекомендую его сделать экспонатом помойной ямы, предать огню или отдать людям со старыми низкопоклонническими замашками» (ГАРФ. Ф. 826. On. 1. Д. 517 Л. 246; Розенталь И.С. Злополучный портрет: сто лет «грозы двенадцатого года» и генерал Джунковский // Советский музей. 1992. № 4).

445

Утро России. 1913. 1 февр.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24038.

Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 287.

448

ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 53. Л. 9-11,56

449

Там же. Л. 91–92; Жилинский В. Б. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти. М., 1918. С. 27.

450

ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 53. Л. 40–42, 92–96.

451

Дело провокатора Малиновского. С. 189–190.

Падение царского режима. М.; Л., 1925. Т. 3. С. 266–269; М.; Л., 1926. Т. 5.С. 69–75.

453

Иллюстрированная Россия. Париж, 1929. № 17. С. 11.

ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 53. Л. 2–7, 11,50; Д. 52. Л. 279–281.

455

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 86.

Дело провокатора Малиновского. С. 79.

Там же. С. 120. ►

Там же. С. 127; Падение царского режима. Т. 3. С. 260–262, 463–468; Т. 5. С. 217–220.

459

ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 51. Л. 313 об.; Падение царского режима Т. 5. С, 81–84.

460

ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 51. Л. 316.

461

Дело провокатора Малиновского. С. 120–122, 172–173.

462

ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 51. Л. 313 об.-314; Падение царского режима. Т. 5. С. 84, 85; Дело провокатора Малиновского. Л. 151–152, 173.

463

Бадаев А. Указ, соч. С. 288; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 512.

Дело провокатора Малиновского. С 117.

465

ГАРФ. Ф. 826. On. 1. Д. 51. Л. 314 и об.; Падение царского режима. Т. 5. С. 85, 86.

Падение царского режима. Т. 7. С. 168.

467

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1474.

468

В И.Ленин. Биографическая хроника. М., 1972. Т. 3. С. 226, 227; РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24095.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 293.

Адресная книга ЦК РСДРП (1912–1914 гг.) // Исторический архив. 1959. № 1. С. 12–13.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 294.

472

Куранты. 1993. 13 авг. С. 11 (РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23823).

Зиновьев Г.Е. Воспоминания: Малиновский // Известия ЦК КПСС. 1989.6. С. 195.

474

Путь правды. 1914. 17 мая.

475

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 779.

Дело провокатора Малиновского. С. 43.

Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С. 195–197.

Логинов В.Т. Ленинская «Правда» 1912–1914 гг. М., 1972. С. 344–346.

479

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 46, 290–292; Kajdus W. Lenin wsrod przyjaciol I znajomych w Polsce. 1912–1914. Warszawa, 1977. S. 308.

Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С. 193; Дело провокатора Малиновского. С. 51.

481

ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 5. Д. 76. Л. 1.

Najdus W. Op. cit. S. 307.

483

Краевский В. Из воспоминаний о В.И,Ленине // Печать и революция. 1926. NH. С. 6–7.

484

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 294; Куранты. 1993. 13 авг. С. 11 (РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23822).

485

Дело провокатора Малиновского. С. 43–44.

Трудовая правда. 1914. 31 мая.

487

Горький М. Собр. соч.: В ЗО т. М., 1955. Т. 29. С. 322; Архив А.М. Горького. М., 1959. Т. VII. С. 233.

Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С. 197.

489

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1478. Л. 1 об.

Там же. Д. 1488. Л. 1.

491

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 968. Л. 100 об.

Ленин В.И. Полн. собр. сч. Т. 48. С. 313–314.

493

Киселев А. В июле 1914 года // Пролетарская революция. 1924. № 7. С. 40–41.

РЦХИДНИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 920. Л. 5.

495

ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 968. Л. 39 об.

Там же. Д. 891. Л. 207.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 393–394.

Там же. Т. 48. С. 182.

499

Из эпистолярного наследия Н.И.Бухарина // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 206.

500

ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 5. Д. 125.

501

Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. Берлин, 1924. С. 291–292.

502

Из архива Л.О. Дан. Амстердам, 1987. С. 103–104.

503

Рабочий. 1914. 25 мая.

Наша рабочая газета. 1914. 28, 30 мая.

505

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 61.

506

Переписка ЦК РСДРП с местными организациями в годы нового революционного подъема // Исторический архив. 1957. № 1. С. 37.

Дело провокатора Малиновского, С. 87.,

Голоса истории. (Вып. 1.]. М., 1990. С. 28.

509

Единство. 1914. № 2. С. 7.

Падение царского режима. Т. 3. С. 500.

511

Володарская А.М Из истории борьбы большевиков за единство пролетариата (1913–1914 гг.) // История СССР. 1967. М» 4. С. 72.

Кочетов Ю.И. Деятельность большевистской фракции IV Государственной думы (1912–1914 гг.). С. 179.

513

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 344–349.

514

Куранты. 1993. 13 авг. С. 11 (РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23822).

515

Володарская А.М. Из истории борьбы большевков за единство пролетариата. С. 73.

516

ГАРФ. Ф. 5802. Оп. 2. Д. 378. Л. 4, 5.

517

Падение царского режима. М; Л., 1924. Т. 1. С. 314; Дело провокатора Малиновского. С. 58.

518

Трудовая правда. 1914. 10 июня.

519

Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С. 198–199.

Социал-демократ. 1914. 1 ноября.

521

Дело провокатора Малиновского. С. 52.

Там же. С. 147, 152, 217–218.

523

Там же. С. 52.

Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. №> 10. С. 100–101.

525

: ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. Д. 519. Л. 239 и об.

526

Из эпистолярного наследия Н.И.Бухарина. С. 213, 214.

527

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 194.

528

Дело провокатора Малиновского. С. 86. Неверно, таким образом, что Бухарин «решительно поддерживал версию о провокаторстве» (Ваксберг А. Царица доказательств: Вышинский и его жертвы. М, 1992. С. 39).

529

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 506; Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. М» 11–12. С. 83–84.

Большевики… С. 305.

531

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1480.

Дело провокатора Малиновского. С. 97–98; Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 98. № 11–12. С. 54–57, 58, 60, 86-88.

533

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1914. Д. 5. Ч. 88. Л. 60 и об.; Д. 5. Ч. 46. Лит. Б., прод. 2. Л, 32; Деятели СССР и революционного движения России Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 629.

Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. № 10. С. 98.

Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С. 198.

Материалы следственной комиссии… // Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 62–69.

Там же. С. 68–69.

538

РЦХИДНИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 23823.

539

Там же. Д. 23822.

Там же. Д. 3341.

Ваксберг А. Указ. соч. С. 40.

542

РЦХИДНИ Ф. 2. Оп. 1. Д. 3290.

543

Там же. Ф. 17. On 1. Д. 1488. Л. 2 об.

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1914. Д. 5. Ч. 1. Лит Б. Л. 7.

Najdus W. Op. cit. S. 310.

546

ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1914. Д. 5. Ч. 1. Лит. Б. Л. 33.

547

Дело провокатора Малиновского. С. 79–80; Единство. Пг., 1917. 27 алр.

Правда. 1917. 28 июня.

Дело провокатора Малиновского. С. 99.

Там же. С. 52.

Краевский В. Указ. соч. С. 6.

552

Правда. 1925. 21 янв.; Воспоминания о В.И.Ленине: В 5-ти т. Т. 1. С. 391–392.

553

Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С. 198.

Бурцев Вл. Борьба за свободную Россию: Мои воспоминания (1882–1924 гт.). Берлин, 1924. Т. 1. С. 272–273.

Дело провокатора Малиновского. С. 52.

556

Николаевский Б. История одного предателя. М., 1991. С. 186–187; Падение царского режима. Т. 4. С. 451–452.

557

ГАРФ. Ф. 111. Оп. 5. 1914. Д. 512. Л. 239 об.

558

Там же. Ф. 102. Оп. 265. 1914. Д. 968. Л. 40.

559

Элвуд Р.К. Ленин и Грамматиков. История одной рекомендации // Отечественная история. 1992. Ms 4. С. 189

Войтинский В.С. Годы побед и поражений. Берлин, 1924. Кн. 2. С. 102–103.

561

Там же. С. 103; Шуб Д. Бакунин, Нечаев и Ленин // Новый журнал. 1958. Кн. 15. С. 265.

Войтинский В.С. Указ. соч. С. 485–486.

563

Шуб Д„Указ. соч. С. 267. Н.К.Крупская уже в советское время, в 1927 г. продолжала твердить усвоенное при жизни Ленина: «…У марксистов не может быть таких абсолютных категорий, как правда и ложь… к любому грязному делу нельзя подходить в чистых перчатках своей тончайшей совести, а надо исходить из интересов дела* (Музей революции. № 30339/1. Л. 103).

Сидоров Н.А., Тютюнник Л.И. В.Л.Бурцев и российское освободительное движение // Советские архивы. 1989. № 2. С. 58.

565

Ленин В.И. Полн. собр. сч. Т. 47. С. 189, 205.

Русская мысль. 1914. N? 4. С. 23.

Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 45.

Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1953. Т. 24. С. 146–157; Натова Н. Театральная судьба романа «Бесы» // Новый журнал. 1981. № 145.

569

Ленин В.И Поли собр. соч. Т. 48. С. 226.

Валентинов Н. Недорисованный портрет… М., 1993. С. 62.

Ленин В И Поли собр. соч. Т. 19. С. 171.

Русская мысль. 1914. № 4. С. 23.

Жизнь для всех. 1910. 2. С. 103.

Крупская Н.К. Воспоминания оЛенине. М., 1957. С, 223.

575

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 807. Л. 1 об.

Материалы следственной комиссии..// Вопросы истории. 1993. № 11–12. С. 74–83; Дело провокатора Малиновского. С. 52; Социал-демократ. 1917. 31 янв.

Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С., 199.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3341.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 807. Л. 5. А.С.Серебренников пишет, что Малиновский вступил в русскую армию добровольно как один из австрийских лазутчиков и затем так же добровольно сдался в плен, действуя в соответствии с решением совещания лидеров польских социалистических партий о сотрудничестве с австро-германской коалицией, — совещание состоялось после объявления Австро-Венгрией войны России (Большевики. 1903–1916. Нью-Йорк, 1990. С. 306–307). Доказательств в пользу этого утверждения не приводится. Для обоснования его необходимо как минимум выяснить, какой характер носили довоенные контакты Малиновского с Пилсудским и Дашинским, знал ли он о принятом ими решении, встречался ли с ними после окончания следствия в Поронине. Кроме того, непонятен смысл столь быстрой сдачи «лазутчика» в плен В.М.Жухрай считает «наиболее правдоподобным», что германская разведка завербовала Малиновского уже в плену «для провокаторской работы среди военнопленных» и она же направила его в Советскую Россию, но признает, что никакими документами на сей счет не располагает (Жухрай В. Таины царской охранки: авантюристы и провокаторы. М., 1991. С. 290).

580

Социал-демократ. 1914. 1 нояб.; Зиновьев Г.Е. Воспоминания: Малиновский // Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С 199–200.

581

Нарымская ссылка (1906–1917 гг.). Сб. документов и материалов о ссыльных большевиках. Томск, 1970. С. 246–247.

Там же. С. 251.

583

Архив А.М.Горького. КГ-нп/а. 16–36/3. Л. 4.

584

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп 5. Д. 807. Л. 5; Ф. 17. Оп. 1. Д. 1729, 1781; Дело провокатора Малиновского. М., 1992. С. 54; Зиновьев Г.Е Указ. соч. С. 201; «Дорогой друг Роман Вацлавович!» В.И.Ленин и Р В.Малиновский: 1915–1916 гг (публикация И.Е.Горелова) // Исторический архив. 1995. № 4. С. 9.

585

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1781. Л. 1 и об.; Дело провокатора Малиновского. С. 148, 219.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 261–262, 282, 283; «Дорогой друг Роман Вацлавович!»… С. 9–10.

587

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1790.

Антивоенная работа большевиков в годы первой мировой войны // Исторический архив. 1961. >fe 5. С. 100–101.

589

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 306–307; Дело провокатора Малиновского. С. 219.

590

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 807. Л. 13 об.

591

Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 96, 97; «Дорогой друг Роман Вацлавович t»… С. 10–11.

592

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 807. Л. 9 и об.

593

Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1781; Ф. 2. Оп. 2. Д. 98; «Дорогой друг Роман Вацлавович!»... С. И.

594

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 807. Л. 10- Рабочего-меньшевика К.А.Гвоздева Малиновский знал по петербургскому союзу металлистов, который тот одно время возглавлял. В период первой мировой войны Гвоздев был председатале-лем рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета — органа сотрудничества рабочих с предпринимателями. В 1917 г. он входил в последний состав Временного правительства в качестве министра труда и был арестован вместе с другими министрами во время октябрьского переворота. При советской власти подвергался репрессиям, умер в начале 50-х гг. в Восточной Сибири, где отбывал ссылку и до революции (Голоса истории. [Вып. 1]. М, 1990. С. 210).

595

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1787.

Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1790.

Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С. 201.

598

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 807. Л. 14 об.-15 об.

599

Дело провокатора Малиновского. С. 152.

Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С. 205.

601

ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 52. Л. 339,375–376, 378–380.

602

Кони А.Ф. Собр. соч. М., 1969. Т. 8. С. 338. В 1906 г. Столыпин — с подачи Гучкова — уговаривал Кони занять пост министра юстиции, но тот отказался.

Падение царского режима. Т. 7. С. 210–228.

604

Там же. Т. 4. С. 162–163, 207. Джунковский считал автором этого «пасквиля» жандармского полковника М.С.Комиссарова, известного, между прочим, тем, что в 1905 г. он печатал в помещении Департамента полиции погромные прокламации (ГАРФ. Ф. 826. On. 1. Д. 14). Комиссаров был одним из обиженных Джунковским, так как метил в начальники Петербургского охранного отделения, но вместо этого был переведен из Саратова в Вятку. Возможно, именно Комиссаров рекомендовал Белецкому саратовского черносотенца Тихмене-ва. После отставки Джунковского Белецкий назначил Комиссарова заведовать охраной Григория Распутина. В отставку Комиссаров был уволен еще до Февральской революции; однако при советской власти он не только не пострадал, но и выполнял задания ВЧК за рубежом (Щеголев П.Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1992. С. 316). С.Н.Мясоедов — отставной жандармский полковник, казненный по ложному обвинению в шпионаже в марте 1915 г.

605

Падение царского режима. Т. 4. С. 207–208.

Там же. С. 132–133, 147, 207, 208.

Там же. С. 151, 210.

608

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 232; РЦХИДНИ. Ф 2. Оп. 5. Д. 807. Л. 10 об.

609

Дело провокатора Малиновского. С. 81.

610

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 231.

611

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 807. Л. 10, 12 об.

612

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 307 об. — 308.

Большевики… М., 1990. С. 32.

614

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 308; Дело провокатора Малиновского. С. 219–220.

615

Падение царского режима. Т. 1. С. 314–315; Дело провокатора Малиновского. С. 58–59.

Нарымская ссылка. С. 330. k

617

Социал-демократ. 1917. 31 янв.

Максаков В. Архив революции и внешней политики XIX и XX вв. // Архивное дело. 1927. Вып. XIII. С. 29–30; Вознесенский А.Н. Москва в 1917 году. М.; Л., 1928. С. 14, 16–17, 19, 27; Осоргип М.А. Охранное отделение и его секреты. М., 1917. С. 7–8.

619

Измайлов Н.В. Из воспоминаний о Пушкинском Доме (1918–1928) // Русская литература. 1984. М? 1. С. 91.

620

Брачев В.М. «Дело» академика С.Ф.Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117, 119. Выдвигалось предположение, что помимо разгрома «старой» Академии наук преследовалась цель уничтожить документы, бросающие тень на большевистских лидеров — бывших осведомителей царской охранки. См.: Левин А.Е. «Заговор монархистов»: кому он был нужен? // Вестник Академии наук СССР. 1991. № 1 С. 127–128. Ср.: Розенталь И.С. Еще раз о «заговоре монархистов» // Там же. 1991. № 10. С. 126–128.

621

Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта; Аврех А.Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. М., 1990. Т. 118.

Осоргин М.А. Указ. соч. С. 2, 20. См. также: Падение царского режима. Т. 3. С. 279.

Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С. 201.

624

Коренев С. А. Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 7. С. 15.

625

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 61. Л. 5.

Правда. 1917. 17 июня.

627

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 147; Д. 70. Л. 12 и об.; Д. 61. Л. 6.

628

Пролетарская революция. 1927, № 1. С. 238, 242.

629

Падение царского режима. Т. 1. С. 313; Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С. 189.

Коренев С.А. Указ. соч. С. 26.

631

Речь. 1917. 16 июня.

632

Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 326.

633

Русское слово. 1917. 19 мая; 16 июня; Вперед. 1917. 26 мая; Единство. 1917. 27 мая.

634

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 39. Л. 42.

635

Спиридович А. И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти. Париж, 1922. С. 260.

Власенко А., Разуваев В. Депутат-провокатор // Новое время. 1990. № 8. С. 38 (авторы оспаривают эту версию, выдвинутую снова в книге американского историка Джона Дзяка).

637

Коренев С.А. Указ. соч. С. 26

Дело провокатора Малиновского. С. 110. Из последних публикаций на тему «германского золота» см.: Ляндрес С. Новые документы о финансовых субсидиях большевикам в 1917 году / / Отечественная история. 1993, № 2; Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М, 1994. С. 264–299; Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М., 1995.

639

Лацис О. Перелом // Знамя. 1988. № 6. С. 172.

День. 1917. 3, 6, 10, 13, 15 июня.

641

Дело провокатора Малиновского. С. 93–94. Статьи Заславского в «Дне» вынудили большевиков поставить вопрос о деятельности Ганецкого на обсуждение своего ЦК; второй раз он обсуждался после Октябрьской революции Как видно из документов дела, Малиновский при этом не упоминался (Дело Ганецкого и Козловского (Из протоколов заседаний ЦК РСДРП(б) в июне-ноябре 1917 г.) // Кентавр. 1992. Янв. — февр, Март-апр).

642

Блок А. Собр. соч. Т. 7. С. 275; Письма А.А.Блока к родным. М.-Л., 1932. Т. 2. С. 385

643

Заварзин П.П Жандармы и революционеры: Воспоминания. Париж, 1930. С. 197, 253–254.

Социал-демократ. М., 1917. 23 мая.

Правда. 1917. 27 мая.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 222, 353.

647

Падение царского режима. Т. 7. С. 168.

ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 38. Л. 225–226, 272.

649

РЦХИДНИ Ф. 351. Оп. 2. Д. 123. Л. 2.

Дело провокатора Малиновского. С. 148.

651

ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 8. Д. 2. Л. 110.

Дело провокатора Малиновского. С. 153, 220.

653

Рабочая газета. 1918. 18 марта. Мартов имел в виду расследование, которое проводилось по делу об «экспроприации» 13 июня 1907 г. на Эриванской площади в Тифлисе, осуществленной группой боевиков во главе с Камо вопреки запрету V съезда РСДРП. Объединенный ЦК РСДРП направил осенью 1907 г. в Тифлис Н.Н.Жордания и К.Х. Данишевского; они узнали, что Кавказский союзный комитет РСДРП установил причастность к экспроприации ряда большевиков и исключил их из партии. Однако все исключенные заявили, что сами якобы вышли из партии еще до экспроприации (прием защиты, санкционированный Большевистским центром). Действиями группы Камо дирижировал Сталин; после исключения он уехал в Баку. За границей же расследование не было доведено до конца из-за саботажа большевистского руководства (Авто-рханов А. Коба и Камо // Новый журнал. 1973. Кн. 110; Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. Берлин, 1924; Розенталь И.С. Пражская конференция: мифы и реальность // Кентавр. 1992. Май-июнь. С. 61–62).

Красная газета. Пг., 1918. 29 октября; Дело провокатора Малиновского. С. 220–221; Зиновьев Г.Е. Указ соч. С. 204.

655

ГАРФ. Ф. 826. On. 1. Д. 51. Л. 315 об. Джунковский оказался одним из немногих видных деятелей царского режима, оставшихся после Октябрьской революции в Советской России, и это породило разнообразные слухи о его судьбе — о службе его будто бы в ВЧК, о жизни в Крыму, где он якобы работал смотрителем маяка и занимался крестьянским трудом, о пребывании в лагерях на Колыме и т. п. (Разгон Л. Непридуманное // Юность. 1988. № 5; С. 31–34; Философская и социологическая мысль. t989. № 11. С. 117; Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 287; Щеголев П.Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1992. С 317). Ср.: Розенталь И.С. Страницы жизни генерала Джунковского // Кентавр. 1994. 1.

Дело провокатора Малиновского. С. 179–181. О А. В.Галкине см.: Серебрякова Г. Странствия по минувшим годам. М., 1965. С. 77–82.

Дело провокатора Малиновского. С. 139–142, 146–150, 182, 208–222, 236.

Там же. С. 161–162.

659

Там же. С. 230.

Там же. С. 202–203

Там же. С. 187, 192.

Там же. С. 222–223; Крыленко Н.В. Судебные речи: Избранное. М., 1964. С. 26–38.

Его же. За пять лет. М.; Пг., 1923. С. 9.

Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С. 195, 205.

665

Левицкий В. Провокатор Абросимов // Каторга и ссылка. 1929. 6. С. 64-65, 72–74.

Дело провокатора Малиновского. С. 218.

667

Там же. С. 231–235.

Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М., 1990. С. 88–89.

669

Примочкина Н. «Донкихоты большевизма*: Максим Горький и Николай Бухарин // Свободная мысль. 1993. Jse 4. С. 67.

670

Горький М. Несвоевременные мысли… С. 89; Российские фантасмагории: Русская советская проза 20-30-х годов. М., 1992. С. 4–7, 194–195, 520–521.

Дело провокатора Малиновского. С. 235.

Кочетов Ю.И. Указ. соч. С. 185; Большевики. 1903–1916. Нью-Йорк, 1990. С. 307 (вопреки сказанному здесь, ни Ленин, ни Бухарин, ни Роэмирович свидетелями на суде не выступали).

673

Деготь В. Под знаменем большевизма: Записки подпольщика. М., 1933. С. 178.

Зиновьев Г.Е. Указ. соч. С. 204.

Wolfe B.D. Three Who Made a Revolution. A Biographical History. London, 1956. P. 555–556.

Манухин И. Воспоминания о 1917-18 // Новый журнал. 1958. Кн. 54. С. 106.

677

Известия. 1918. 3 и 6 нояб.

678

Карлюченко Н.Ф. Москва в первую годовщину Октября глазами французского художника // Музейные коллекции как источник изучения и пропаганды истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1987. С. 55.

679

Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. М? 12. С. 151–152; Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции (1918 г.) // Русское прошлое. СПб., 1993. Кн. 4. С. 123–124.

Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 104.

681

Музей революции. М 32598/227.

682

Воронский А.К. За живой и мертвой водой. М., 1934. С. 519.

683

Горький М. Собр. соч.: В ЗО т. М., 1952. Т. 17. С. 43–44,

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 28.

685

Там же. Т. 8. С. 96.

Там же. Т.41. С. 29.

687

Там же. Т. 44. С. 56.

688

Коммунистический Интернационал в документах: Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919–1932. М, 1933. С. 223–224.

689

Из литературного наследия академика Е.В.Тарле. М,,, 1981. С. 189; Эт-кинд А.М. Эрос невозможного: История психоанализа в России. М., 1994. С. 94–99.

690

Блок А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965. С. 324, 325, 363; Его же. Собр. соч. Т. 6. С. 444; Первые правозащитные организации Российской федерации в 20-е годы // Отечественная история. 1995. М® 4. С. 162.

691

Осоргин М.А. Охранное отделение и его секреты. М., 1917. С. 1–2.

692

Архив А.М.Горького. КГ-рл. 3–8/2; Труженик СПб., 1908. № 13–14. С. 37–38.

693

Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 188–202.

Жизнь для всех. СПб., 1910. № 3- Стлб. 62.

Современный мир. СПб., 1913. Т 4. С. 40.

696

Пришвин М М. Дневник 1930 г. // Октябрь. 1989. № 7. С. 175.

697

Вернадский В. «Пересмотреть все основы нашей жизни» // Век XX и мир. 1989. № 6. С. 41.

698

Ленин В.И. Поля. собр. соч. Т. 45. С. 391–392, 397; Т. 50- С. 295.

Вернадский В. Указ. соч. С. 41, 42.

700

Из истории взакмоотношенийц чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 159.

701

Ларина А. Незабываемое // Знамя, 1988. 1. С. 48.

702

РЦХИДНИ. Ф. 482. Оп. 1. Д. 37. Л. 17.

703

Арбатов Г. Из недавнего прошлого // Знамя. 1990. № 10. С. 212.

Аргументы и факты. 1990. № 48. С. 6–7.

Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Вып. 1. С. 30.

706

Поликарпов В. О чем предупреждал гражданин Жданов // Московские новости. 1989. 2 апр. Поручение проверить деятельность ВЧК было дано В.А.Жданову не случайно — в прошлом он активно работал в рядах большевиков. Участник социал-демократического движения в Москве начиная с 90-х гг., будучи в вологодской ссылке он сблизился с видными в дальнейшем большевиками — А. Богдановым, А.В.Луначарским, И.А.Саммером. Выступал защитником по политическим делам (защищал И.П.Каляева и других), входил в литературнолекторскую группу МК РСДРП. Группа собиралась на квартире Жданова, в марте 1906 г. ее посетил приехавший в Москву Ленин. В.С.Войтинский ссылается на рассказ Жданова о том, как Большевистский центр вел с ним переговоры об организации изготовления в Москве фальшивых денег (Войтинский В. С. Годы побед и поражений. Берлин, 1924. Кн. 2. С. 104). Записка Жданова о ВЧК вряд ли могла удовлетворить большевистское руководство, и вскоре после этого он, по словам Луначарского, «печально, но героически» выступил против большевиков (Луначарский А.В. Великий переворот (Октябрьская революция). Пг., 1919. Ч. 1. С. 25).

707

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 194. Л. 12.

Миролюбов А.А. Политический сыск России в 1914–1917 гг. Автореф. канд. дисс. М., 1988. С. 20–21.

709

Набоков В. Временное правительство // Наше наследие. 1990. N® 5. С. 69.

710

Заварзин П.П. Жандармы и революционеры; Воспоминания. Париж, 1930.С. 10–11; Измозик В. Глаза и уши режима // Московские новости. 1994. 23–30 янв. С. 7.

711

Неизвестная Россия. XX век. Вып. 1. С. 15; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 630. Л. 292.

712

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 194. Л. 16.

713

Из истории взаимоотношений чрезвычайных комиссий и революционных трибуналов. С. 159.

714

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 194. Л. 20, 95. О борьбе в большевистском руководстве по тому же вопросу после окончания гражданской войны см.: Литвин А. «На каждого интеллигента должно быть дело» // Родина. 1995. № 6. С. 31–34.

715

Готье Ю.В. Мои заметки // Вопросы истории. 1991. >6 12. С. 148.

Осоргин М. Времена. Париж, 1965. С. 139–140.

О размерах внутренней агентуры в СССР на разных этапах существования этого института можно приблизительно судить по некоторым расплывчатым заявлениям, сделанным представителями ведомства безопасности. В 1990 г. В. Грушко признавал, что «негласные помощники» имеются «среди различных категорий советских граждан» (Аргументы и факты. 1990. № 48. С 6–7), а В Илюхин заверил, что они будут внедряться в различные партии и организации и впредь, без какого-либо изъятия (Литературная газета. 1990. 17 окт. С. 11). По словам Ф.Бобкова, при Андропове и после него «до миллиона [осведомителей] мы далеко не доходили, да и доходить не надо было» (Независимая газета. 1990. 26 дек. С. 5). А.Олейников сообщил, что с 50-х гг. количество агентов сократилось «по меньшей мере в пять раз»; после августа 1991 г. отменен порядок, согласно которому каждый оперуполномоченный КГБ обязан был иметь не менее 8-10 своих агентов. Было обещано провести «инвентаризацию» агентуры и сообщить, наконец, сколько же агентов имеется в настоящее время (Известия. 1992. 15 мая). Поскольку система КГБ СССР являлась образцом для аналогичных служб в других странах «соцлагеря», показательны опубликованные там данные. В Чехословакии имелось 140 тыс. осведомителей (Известия. 1991. 29 мая), в Румынии один осведомитель приходился на 15 взрослых граждан (Аргументы и факты. 1990. № 46). Пока архивные данные о количестве осведомителей в СССР обнародованы лишь по раннему периоду: в середине 20-х гг. на учете секретного отдела ОГПУ состояло 99680 осведомителей, из них оплачиваемых — 5911, а потребность в последних оценивалась руководством отдела минимум в 16 — 17,5 тыс.; они вели слежку более, чем за 2 млн. человек. Чистки архивов ведомства после смерти Сталина и в 1990–1991 гг. не позволяют надеяться на установление столь же точных данных, относящихся к последующим периодам, но, по имеющимся сведениям, уничтожались личные дела, но не картотека агентуры (Московские новости. 1994. 23–30 янв. С. 7; 1995. 3-10 сент С. 21).

718

Негретов П.И. В.Г.Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917–1921. М., 1990. С. 96, 100.

Центр. 1993. М. 3–4.

720

Известия. 1992. 15 мая. Признаком осознания «связи времен» является открытие в Петербурге музея истории политической полиции, экспозиция которого отражает приемы, общие для XIX — начала XX вв., и для Советского времени, включая провокацию (Новое время. 1995. № 24. С. 40–41).

Московские новости. 1995. 12–19 февр. С. 8–9.